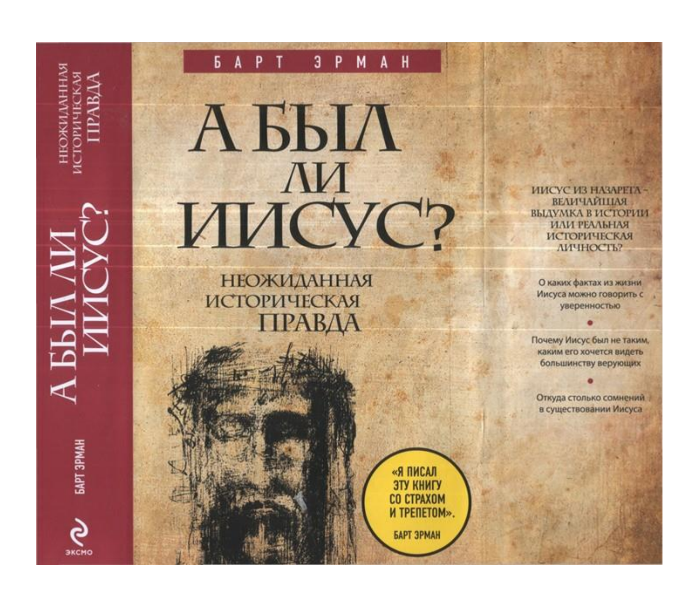
Барт Эрман

А был ли Иисус? Неожиданная историческая правда



От автора

Хотелось бы поблагодарить людей, которые самоотверженно помогали мне писать и редактировать книгу: моего брата Рэдда Эрмана (филолог-классик из Кентского государственного университета), одного из моих близких друзей Джеффри Сайкера (из Университета имени Лойолы), Джуди Сайкер (из Богословской семинарии в Сан-Фран-циско), моего достопочтенного коллегу Марка Гу-дакра (из конкурирующего Университета Дьюка), мою студентку и ассистентку Марию Дёрфлер (из аспирантской программы в Университете Дьюка), моего студента и ассистента Джейсона Коумса (из аспирантской программы в Университете Северной Каролины в Чэпл-Хилле), мою на удивление толковую дочь Келли Эрман, а также моего трудолюбивого и востроглазого редактора и друга Роджера Фрита из издательства *HarperOne.* Все они внимательно прочли текст в рукописи и предложили бесчисленные изменения. В тех случаях, когда я последовал их совету, текст стал значительно лучше; когда не последовал, — ответственность лежит целиком на мне. Благодарю также остальных членов команды *HarperOne,* которые сделали возможной публикацию этой книги, особенно Джулию Бертон, Клаудию Бутот и Марка Таубера. Для меня честь сотрудничать со столь замечательными людьми.

Я также признателен всем, кто посещал семинар по христианству в античности на нашем факультете и аспирантов, специализирующихся по Новому Завету и раннему христианству в Университете Северной Каролины и Университете Дьюка, за прекрасный вечер с обсуждением двух глав книги.

Переводы Нового Завета — мои собственные. В случае с Еврейской Библией я ориентируюсь на «Пересмотренный стандартный перевод» (New Revised Standard Version)[1].

Введение

На протяжении последних нескольких лет я собирался написать книгу о том, как Иисус стал Богом. Малоизвестный бродячий проповедник из отдаленной провинции империи, еврейский пророк, предсказывал скорый конец мира, каким мы его знаем, навлек на себя гнев религиозной и гражданской верхушки Иудеи и в итоге был распят за государственное преступление. Однако не прошло и столетия после его смерти, как многие стали называть этого еврейского крестьянина Богом. Они говорили, что он существовал еще до возникновения мира, создал вселенную и равен Богу Всемогущему. Как такое могло получиться? Почему Иисуса обожествили? Почему его стали почитать как Господа и Создателя всего?

Должен признаться, у меня и поныне есть желание написать на эту тему, одну из самых актуальных тем в истории религии. Как говорится, руки не доходят: то одно, то другое… Будем считать, эта работа — на очереди. А пока возник более фундаментальный вопрос. Ему и посвящена книга, которую читатель держит в руках.

Каждую неделю я получаю по электронной почте два-три письма с просьбой объяснить, действительно ли Иисус существовал. Когда я начал отвечать на эти послания несколько лет назад, они казались мне странными. Я не относился к ним серьезно. Конечно, Иисус существовал. Что за дикий вопрос? Вроде бы все это знают.

Однако вопросы продолжали поступать, и меня разобрало любопытство: откуда столько сомнений? С легкой оторопью я узнал, что в некоторых кругах в число авторов, отрицающих существование Иисуса, записывают меня самого. Это не соответствует действительности, но я решил разобраться. Представьте мое удивление, когда выяснилось, что данной проблеме посвящено множество книг и статей.

Меня можно понять. Как-никак я специалист по Новому Завету и раннему христианству. За последние тридцать лет написал целый ряд работ по историческому Иисусу, Евангелиям, раннехристианскому движению и истории Церкви I–III веков. Как и все мои коллеги, я прочел на английском и других европейских языках тысячи книг и статей об Иисусе, Новом Завете и раннем христианстве. И подобно большинству своих коллег, даже не подозревал об этом массиве скептической литературы.

Сразу сделаю оговорку. Ни одна из этих работ не написана специалистом по Новому Завету и раннему христианству, который преподавал бы в крупнейших и даже мало-мальски заметных, аккредитованных, богословских семинариях, университетах и колледжах США и Канады (или других стран мира). Насколько мне известно, из тысяч специалистов по раннему христианству, работающих в этих учебных заведениях, ни один не сомневается, что Иисус существовал. Между тем литература на сей счет существует, ее авторы иногда умны и начитанны и имеют свои резоны.

Эти книги и статьи, не говоря уже о веб-сайтах, очень разного качества. Конспирологической фантазии иных авторов позавидовал бы Дэн Браун, а убогость познаний в области Нового Завета и раннего христианства да и древних религий, Древнего мира в целом подчас прискорбна. И все-таки несколько исследователей — не профессоров-преподавателей религиоведения в университетах, но все же новозаветников (у одного даже есть докторская степень в области Нового Завета) — заняли именно такую скептическую позицию и написали работы. Быть может, их книги неизвестны большей части широкой аудитории, интересующейся Иисусом, Евангелиями и ранней Церковью, но они занимают заметную нишу как (очень) маленькое, но (зачастую) голосистое меньшинство. Если вы станете их слушать, то поймете, сколь назойливыми эти голоса бывают.

Кое-где они звучат особенно громко. Достаточно беглого поиска в Интернете, чтобы понять: в прошлом такой скептицизм был весьма влиятелен, а в наши дни ширится. Десятилетиями это была стандартная точка зрения в таких странах, как СССР. Сейчас она

завоевывает себе место под солнцем в некоторых местах на Западе (в частности, в Скандинавии). Сами себя авторы этой скептической литературы называют «мифологистами», сторонниками «мифологической теории» (так как Иисуса считают «мифом»). Между прочим, профессиональному религиоведу сразу бросится в глаза тот факт, что они редко объясняют, что имеют в виду под «мифом»: в узкоспециальной литературе данный термин может иметь разные значения. По-видимому, обычно речь идет лишь о том, что многочисленные евангельские и другие рассказы об Иисусе не имеют исторической основы: эти события не происходили в реальности. Рассказчики все выдумали. Иисус не существовал. В своих высказываниях мифологисты зачастую агрессивны и склонны отвергать свидетельства, которые всем остальным кажутся убедительными и однозначными.

Между тем у этих авторов есть свои объяснения фактам, и к наиболее умным из них следует отнестись серьезно. Хотя бы только затем, чтобы опровергнуть их основной тезис. Ибо правда заключается в следующем: каким бы ни был Иисус, он был реальной исторической личностью. Далее в книге я покажу, откуда мы это знаем.

Еще раз подчеркну: в историчности Иисуса убеждены практически все специалисты на земном шаре. Конечно, само по себе это ничего не доказывает: даже профессионалы могут ошибаться. Но почему бы не поинтересоваться их мнением? Допустим, у вас болит зуб, — захотите ли вы лечиться у специалиста или дилетанта? Или хотите построить дом, — доверите ли чертежи профессиональному архитектору или соседу по лестничной клетке? Правда, могут возразить: с историей все иначе, поскольку прошлое одинаково закрыто от ученых и профанов. Однако это не так. Возможно, кто-то из моих студентов почерпнул большую часть знаний о Средневековье из фильма «Монти Пайтон и Священный Грааль». Однако удачно ли выбран источник? Миллионы людей набрались «знаний» о раннем христианстве — Иисусе, Марии Магдалине, императоре Константине и Никейском Соборе — из книги Дэна Брауна «Код да Винчи». Но мудро ли они поступили?

Все серьезные историки раннехристианского движения набирали квалификацию годами. Даже на то, чтобы только *читать* древние источники, нужно знание ряда древних языков: греческого, еврейского, латинского, а часто и арамейского, сирийского, коптского. Важно знать и некоторые современные языки (например, немецкий и французский), чтобы читать современную научную литературу. И это лишь стартовый багаж. Профессионализм требует многолетнего изучения древних текстов, истории и культуры греко-римской античности, религий античного Средиземноморья (не только иудаизма, но и язычества), а также истории христианской церкви, развития ее социальной жизни и богословия да и многого, многого другого. Характерно, что почти все, кто затратил годы на изучение всех этих вещей, убеждены в историчности Иисуса из Назарета. Да, это не доказательство, но заставляет задуматься. Возьмем для сравнения биологию: эволюция — лишь «теория» (как любят отмечать некоторые политики), но теория, которой не без оснований придерживается каждый настоящий ученый в каждом признанном заведении западного мира.

Между тем, как ясно из лавины публикаций, подчас возмущенных, на скептических сайтах, конспирологов нелегко убедить в том, что их доводы основаны на песке, а доводы их противников очень основательны. Если человек не верит в то, что подавляющее большинство людей считает очевидным, — скажем, историчность холокоста, полет на Луну, убийство (или даже место рождения) некоторых президентов, — его не переубедить. Он *не позволит* себя переубедить.

Так и с этой книгой. Наивно надеяться убедить всех. Однако я надеюсь убедить тех, чей ум не зашорен, кто действительно хочет понять, откуда известно, что Иисус существовал. Еще раз оговорюсь: историчность Иисуса признает практически каждый западный специалист по библеистике, античной истории и культуре и раннехристианской истории. При этом у многих этих специалистов нет личной заинтересованности в вопросе. Взять хотя бы меня. Я не христианин, а агностик атеистического толка, и у меня нет резона отстаивать

христианские учения и идеалы. Существовал Иисус или нет, в моей жизни и моем взгляде на мир это мало что меняет. У меня нет веры, которая бы строилась на историчности Иисуса. Историчность Иисуса не делает меня счастливее, довольнее, популярнее, богаче и знаменитее. Это не приносит мне бессмертия.

Однако я историк, а историку не безразлично, что было на самом деле. И всякий, кому это не все равно, кто готов взвешивать факты, понимает: Иисус существовал. Возможно, Иисус был не таким, как думает ваша мать, или каким он нарисован на иконе, или каким его описывает популярный проповедник, или Ватикан, или Южно-бапгистская конвенция, или местный священник, или гностическая церковь. Однако он существовал. С относительной уверенностью мы можем даже сказать о некоторых фактах из его жизни.

И все-таки признаюсь, что писал эту книгу со страхом и трепетом. Без сомнения, некоторые агностики, атеисты и гуманисты, с удовольствием читавшие мои прежние книги, резко и громко отвергнут мои исторические выводы. Однако будут и такие, кого мои книги смущали и расстраивали, а сейчас они удивятся, и возможно, обрадуются, что в данном вопросе мы думаем одинаково. Возможно, многие пожмут плечами: к чему вообще доказывать столь самоочевидные вещи? На это отвечу: историчность людей, событий и явлений никогда не *самоочевидна.* Историк должен все проверять. Тем более, хотим мы этого или не хотим, некоторые авторы во весь голос возвещают, что Иисус — это миф.

В историческом и феноменологическом плане мифологическая позиция интересна как часть более широкого скептицизма, который проник в некоторые части интеллектуального мира, и сам по себе заслуживает социологического анализа. У меня нет навыков и компетенции делать столь глобальный анализ, хотя в конце книги я выскажу некоторые мысли о феномене мифологизма в целом. Однако как историк я могу показать, почему как минимум некоторые скептические утверждения о прошлом нашей цивилизации почти наверняка ошибочны, хотя и проникают в популярное сознание с тревожащей скоростью. Иисус существовал, и те, кто это отрицает, исходит не из тщательного и беспристрастного исторического анализа, а из других интересов, которым выгодны подобные воззрения. Ибо, если судить беспристрастно, *Иисус существовал.*

1 Свидетельства существования Иисуса

1 Введение в мифологическую теорию

Современные исследователи Нового Завета (печально) известны теориями, которые идут вразрез с тем, что думает об Иисусе большинство людей, особенно большинство христиан. Чего только не услышишь! Одни ученые считают Иисуса политическим революционером, который подстрекал израильские народные массы к восстанию против римлян. Другие видят в нем философа-киника, который не интересовался ни судьбами Израиля как народа Божия, ни Ветхим Заветом, а учил простой и свободной от материальных забот жизни. Есть гипотеза, что Иисуса волновало экономическое положение угнетенного народа, и он выступал за социально-экономическую реформу, предвосхитив марксизм. Некоторые полагают, что Иисус возмущался положением женщин и стоял на протофеминистских позициях. Многие считают, что Иисуса беспокоили, прежде всего, религиозные вопросы, но при этом одни считают его фарисеем, а другие — членом ессейской общины Кумрана. Одни говорят, что Иисус возвещал буржуазную этику, был женат и имел детей, а другие заявляют, что он был геем. И это лишь некоторые из более серьезных гипотез.

При всем этом разброде и шатании, по ряду вопросов согласны практически все ученые. А именно, Иисус был евреем, считался учителем и проповедником, был распят (римская форма казни) в Иерусалиме, в правление римского императора Тиберия, когда наместником Иудеи был Понтий Пилат.

Однако группа авторов не согласны с консенсусом, которого придерживаются почти все специалисты. Этих авторов обычно называют мифологистами, а часто они и сами себя так называют. В своем обстоятельном труде Эрл Догерти, один из ведущих представителей мифологической школы, определяет данную точку зрения следующим образом:

Теория, согласно которой исторический Иисус, достойный этого имени, не существовал, а христианство началось с веры в духовную, мифическую фигуру, причем Евангелия — большей частью аллегория и выдумка, и предания о галилейском проповеднике не восходят к какой-либо идентифицируемой личности[2].

Проще говоря, Иисус не существовал, а если и существовал, то не имел ничего общего с человеком, которого обычно подразумевают под этим именем.

Чтобы их позиция выглядела солиднее и академичнее, мифологисты иногда цитируют слова Альберта Швейцера, новозаветника и богослова, философа и музыканта, врача и филантропа, нобелевского лауреата премии мира. В своей заслуженно знаменитой книге «История изучения жизни Иисуса» — одна из лучших работ по данной теме за последние столетия — Швейцер писал:

Нет ничего более негативного, чем результаты критического изучения жизни Иисуса. Иисус из Назарета, который публично заявил о своем мессианстве, проповедовал этику Царства Божьего, основал Царство Небесное на земле и умер, чтобы придать своему делу окончательное освящение, никогда не существовал. Этот образ не был разрушен извне: он распался на куски, расщепленный и уничтоженный конкретными историческими проблемами, которые всплывают одна за другой[3].

Если не знать, в каком контексте это сказано, можно подумать, что и сам Швейцер не верил в историчность Иисуса. Ничто не может быть дальше от истины. Мифом Швейцер называет либеральную концепцию Иисуса, столь популярную в его дни и отраженную в работах, которые он пересказал и подверг остроумной критике в «Истории изучения жизни Иисуса». Швейцер отлично понимал, что Иисус существовал: во втором издании своей книги он в пух и прах разгромил мифологистов своего времени, а ближе к концу книги изложил собственную точку зрения на то, кем был Иисус. Иисуса Швейцер считал апокалиптическим пророком, который ждал скорого конца истории (какой мы ее знаем). Иисус думал, что сыграет ключевую роль в низвержении Богом сил зла в этом мире и установлении Царства Божьего. С точки зрения Швейцера, Иисус во многом ошибался в понимании как своей роли, так и будущих событий. Конец не наступил, а Иисуса распяли. Однако все это не мешало Иисусу быть абсолютно реальным человеком, еврейским проповедником, о котором можно многое узнать, анализируя евангельские тексты.

Для Швейцера Иисус не просто историческая фигура, а даже *слишком* историческая. Он столь прочно укоренен в своем времени и своей культуре — палестинский еврей I века с древним еврейским пониманием мира, Бога и жизни, — что плохо соотносится с нашим временем. Иисус, *каким его представляют современные богословы и проповедники,* не существовал. *Именно этот* Иисус есть миф. Однако был также исторический Иисус, человек своего времени. И мы знаем, каким он был.

Думаю, про Иисуса Швейцер многое понял правильно. Я согласен со Швейцером и практически всеми специалистами, которые работали в данной области после него, что Иисус существовал и был глубоко укоренен в иудаизме, что Евангелия содержат историческую информацию о нем, и что нам кое-что известно о его словах и делах. Более того, я согласен с тезисом Швейцера, что Иисус был еврейским пророком и ожидал перелома в мировой истории; Иисус думал, что в самом скором будущем Бог уничтожит силы зла и установит свое Царство на земле. В конце этой книги я объясню, почему столь многие ученые, положившие жизнь на изучение древних источников по жизни исторического Иисуса, считают эту гипотезу убедительной. А пока лишь подчеркну ключевой момент: хотя *некоторые* представления об

Иисусе можно назвать мифами в широком смысле слова (в том смысле, в каком используют это понятие мифологисты: эти представления — выдумка, а не описание реальных фактов), сам Иисус не был мифом. Он действительно существовал.

Прежде чем привести аргументы в пользу научного консенсуса, я вкратце расскажу, как развивалась альтернативная концепция, согласно которой Иисус не существовал.

Краткая история мифологизма

Нет нужды вдаваться в детали. Скажем лишь о важнейших сторонниках мифологической гипотезы до Швейцера, то есть до начала XX века, а затем об авторах, которые ее возродили в последние десятилетия.

Насколько можно судить, своими корнями мифологическая школа уходит во Францию XVIII века: первым отрицал существование Иисуса Константин Вольней, член Национального собрания во время Французской революции[4]. В 1791 году он опубликовал эссе под названием «Руины, или Размышления о революциях империй». В нем Вольней пытался доказать, что по большому счету все религии одинаковы, — точка зрения, которая поныне популярна среди неспециалистов и развивавшаяся во второй половине XX века Джозефом Кэмпбеллом. Христианство он также считал вариацией единой универсальной религии. Эта вариация, по мнению Вольнея, была создана древними христианами: они выдумали спасителя Иисуса как своего рода солнечное божество. Титул же «Христос» был позаимствован у индийского Кришны.

Несколькими годами позже вышла гораздо более серьезная и влиятельная книга. Автором ее был француз Шарль Франсуа Дюпюи, член революционного Конвента, а называлась она «Происхождение всех культов, или Всеобщая религия» (1795). Книга впечатляла своим объемом: 2017 страниц! Свою главную задачу Дюпюи видел в том, чтобы показать природу «первоначального божества», стоящего за всеми религиями. Один длинный раздел он посвятил мистериальным религиям античности. (Понятие «мистерия» связано с тем, что детали учений и обряды этих религий держались в тайне.) В Римской империи эти тайные религии были популярны как на востоке, так и на западе. Тщательно исследовав обрывочную информацию, сохранившуюся до его дней, Дюпюи пришел к выводу, что Осирис, Адонис (или Таммуз), Вакх, Аттис и Митра — проявления солнечного божества. Согласился Дюпюи и со своим компатриотом Вольнеем: Иисус был выдуман как солнечное божество.

Из библеистов же первым оспорил историчность Иисуса немецкий богослов Бруно Бауэр, имеющий у специалистов по Новому Завету репутацию неглупого эксцентрика[5]. Он практически не имел последователей в научном мире. На протяжении почти четырех десятилетий Бауэр написал несколько книг, в частности, «Критику евангельской истории Иоанна» (1840), «Критику Евангелий» (2 тома; 1850–1852) и «Происхождение христианства из греко-римской цивилизации» (1877). Поначалу Бауэр соглашался с остальными учеными, что Евангелия от Матфея, Марка и Луки содержат исторически надежный материал. (Эти Евангелия называются в науке «синоптическими», ибо столь похожи в своих рассказах, что их можно поместить в параллельные колонки и читать вместе. Евангелие от Иоанна сильно отличается по характеру материалов.) Со временем он подверг Евангелия детальной и тщательной гиперкритической оценке. Бауэр стал думать, что евангелисты выдумали Иисуса, а христианство — смесь иудаизма с римской философией стоицизма. Понятно, что такая точка зрения была слишком крайней и радикальной, чтобы ее мог себе позволить профессор богословия в Боннском университете. В итоге она стоила ему должности.

Несколькими десятилетиями позже мифологическую теорию принес в англоязычный мир Джон Робертсон, которого иногда считают крупнейшим британским рационалистом начала XX века. Его основная книга называется «Христианство и мифология» (1900)[6]. Робертсон

пытался доказать наличие серьезных параллелей между евангельскими рассказами об Иисусе и языческими представлениями о божествах плодородия. Например, у язычников существовала вера в смерть и воскресение этих божеств. По мнению Робертсона, да и многих других авторов, в основе этих представлений лежало осмысление природных циклов: осенью злаки увядают, а весной оживают, — соответственно умирают и оживают боги, с которыми они отождествляются. Смерть и воскресение Иисуса относятся к тому же ряду, только описаны в более еврейских категориях. Робертсон не исключал существование человека по имени Иисус, но считал, что этот человек не имел ничего общего с Христом христианской веры. Христианский же образ Христа — миф, основанный на древнем культе Йошуа, умирающего и воскресающего бога растительности, который ритуально приносился в жертву и съедался. Впоследствии почитатели этого божественного Йошуа превратили его в историческую фигуру, предполагаемого основателя христианства.

Многие из этих воззрений популяризовал в начале XX века немецкий ученый Артур Древс. Вполне можно утверждать, что его книга «Миф о Христе» (1909) была самым влиятельным мифологистским трактатом, когда-либо написанным[7]. Дело в том, что она произвела огромное впечатление на Владимира Ильича Ленина. Прочтя ее, Ленин уверился: Иисус не существовал. Результатом стала последующая популярность мифологической теории в СССР.

После относительного затишья мифологическая теория дала о себе знать в недавние десятилетия. В главах 6 и 7 мы поговорим об основных аргументах в ее пользу, а сейчас скажем несколько слов о ее доблестных и колоритных сторонниках. Я уже упоминал Эрла Догерти, которого многие называют крупнейшим представителем мифологизма наших дней. По его же собственному признанию, Догерти не имеет серьезных степеней ни в библеистике, ни в какой-либо другой родственной области. Однако у него есть степень бакалавра в области античной истории, а из его книг видно, что он человек начитанный и эрудированный, что весьма похвально для любителя, которым он и сам себя называет. Он написал книгу «Загадка Иисуса: началось ли христианство с мифического Христа?». Недавно Догерти внес в нее дополнения, но опубликовал не как второе издание (по сути, это второе издание), а как отдельную книгу под названием: «Иисус: не Бог и не человек. Доводы в пользу мифического Христа». Основные идеи в двух книгах одинаковые.

Напротив, Роберт Прайс имеет солидную подготовку во всех необходимых областях науки. Начинал он как очень консервативный протестант и получил степень магистра в консервативной евангельской Богословской семинарии имени Гордона-Конуэлла. Затем защитил в Университете имени Дрю докторскую диссертацию по систематическому богословию и докторскую диссертацию по Новому Завету. Насколько я знаю, это единственный квалифицированный и дипломированный новозаветник, который придерживается мифологической теории. Подобно многим евангельским христианам, отпавшим от веры, Прайс разуверился так разуверился. Он написал книгу под названием «Невероятно худеющий Сын Человеческий: сколь надежна евангельская традиция?». На вопрос, поставленный в подзаголовке, Прайс отвечает недвусмысленно: евангельская традиция абсолютно ненадежна. Рассматривая один за одним евангельские рассказы, Прайс приводит занятные и неглупые аргументы. Написал он и другие работы. В связи с темой, о которой мы сейчас говорим, наиболее важна «Теория мифического Христа и ее проблемы». Когда я пишу эти строки, до ее выхода в свет осталось несколько недель, и я благодарен Роберту и издателю *Atheist Press* за возможность ознакомиться с ней[8].

Издателя зовут Фрэнк Зиндлер, который также заявляет о своей принадлежности к мифологистам. По образованию он не библеист и не антиковед, а биолог и геолог. Зиндлер двадцать лет преподавал в колледжах Университета штата Нью-Йорк, пока, как он сам рассказывает, его не выгнали за поддержку Мадлен Мюррей О’Хейр и ее попыток убрать девиз «Мы верим в Бога» с американских купюр и монет. Зиндлер является автором ряда

публикаций. Многие из них собраны в объемистом четырехтомнике под названием «Глазами атеиста». Первый том («Религии и Писания») содержит статьи, которые прямо и косвенно затрагивают мифологическую теорию. Они написаны на популярном уровне[9].

Иначе обосновывает мифологическую теорию Томас Томпсон в своей книге «Миф о Мессии: ближневосточные корни Иисуса и Давида». Томпсон — профессиональный библеист, профессор Копенгагенского университета в Дании, специалист по Ветхому Завету (в области же Нового Завета и раннего христианства у него нет научной степени). Он считает, что Авраам, Моисей и Давид не существовали. Перенося эти воззрения на Новый Завет, он пытается доказать, что не существовал и Иисус: его выдумали христиане, создавшие образ Спасителя на основании ветхозаветных повествований[10].

Несколько слов о других мифологистах. Насколько мне известно, Ричард Карриер, наряду с Прайсом, единственный мифологист, который имеет квалификацию в релевантной дисциплине: защитил докторскую диссертацию по классической филологии в Колумбийском университете. Том Харпер, известный религиозный журналист из Канады, когда-то преподавал новозаветную науку в Торонто, и лишь потом ушел в журналистику. Помимо них, есть еще множество популяризаторов, любящих потчевать публику сенсациями. Они и сами не называют себя учеными в сколько-нибудь обычном смысле слова.

К мифологистам также часто причисляют людей, которые стоят на несколько иной позиции: Иисус существовал, но не был основателем христианства, которое восходит к выдуманному мифическому образу Христа. Этой точки зрения придерживался в середине XX века Арчибальд Робертсон. По его мнению, Иисус существовал, но «об этом Иисусе мы почти ничего не знаем»[11].

Самый известный мифологист наших дней (во всяком случае, он лучше всего известен тем новозаветникам, которые вообще знают о существовании мифологической теории) — Джордж Уэллс, отставной профессор немецкого языка в Лондонском университете и специалист по интеллектуальной истории Германии нового времени. Он написал множество книг и статей, отстаивающих мифологическую теорию. Среди них выделяется книга под названием «Существовал ли Иисус?» (1975)[12]. Следует признать, что потрудился Уэллсна славу: его работы написаны профессиональным языком и выдают знание научной литературы. Хотя большинство специалистов по Новому Завету не сочли бы (и не считают) его доводы сколько-нибудь убедительными, до Прайса они были самым качественным обоснованием мифологизма.

О серьезном отношении к мифологистам

Подавляющее большинство специалистов по Новому Завету, раннему христианству, античности и теологии не относятся серьезно ни к мифологической теории в целом, ни к ее представителям в отдельности. Этот факт удрученно констатируют и сами мифологисты. Арчибальд Робертсон не без оснований пишет в своей известной книге:

В своем отношении к мифологистам профессиональные богословы пристрастны. Они либо вообще замалчивают их труды, либо, если это невозможно, высказываются о них как о дилетантах, мнение которых ничего не стоит, ибо они не имеют академического статуса. Неудивительно, что в ответ мифологисты ведут себя агрессивно[13].

С тех пор, как вышла в свет книжка Робертсона, прошло 65 лет, но ситуация изменилась мало. По-прежнему видные ученые высказываются о мифологической теории пренебрежительно, а мифологисты резко на это реагируют. Как мы уже сказали, многие новозаветники знают лишь одного мифологиста: Джорджа Уэллса. В своем внушительном и блестящем четырехтомном исследовании по историческому Иисусу, один из крупнейших специалистов по этому вопросу, Джон Мейер, отделывается от Уэллса и его воззрений одним

росчерком пера: «Книгу Уэллса, построенную на этих и подобных беспочвенных аргументах, следует считать образцом популярной литературы, которую нет нужды подробно рассматривать»[14].

Даже работы, которые, казалось бы, должны затронуть вопрос о существовании Иисуса, не делают этого. Взять хотя бы книгу британского новозаветника Говарда Маршалла «Верую в исторического Иисуса». Название порождает надежду, что автор хотя бы кратко остановится на вопросе о том, существовал ли Иисус. Однако он ограничивается своей консервативной интерпретацией исторического Иисуса. Маршалл упоминает только одного мифологиста, Уэллса, а на всю проблему тратит один абзац. По его словам, ни один специалист не считает его воззрения убедительными, коль скоро многочисленные евангельские источники, основанные на устных преданиях, доказывают историчность Иисуса[15].

Далее я изложу свою позицию: Уэллс, Прайс и некоторые другие мифологисты заслуживают серьезного отношения к себе, даже если мы не разделяем их выводы[16]. Что касается других мифологистов, их аргументация не имеет даже отдаленного отношения к науке. Они предлагают публике утверждения сенсационные, но эксцентричные, наивные и скверно обоснованные. Можно ли удивляться, что специалисты не воспринимают их всерьез? Да, у этих книг есть свои читатели, но ученые, если и обращают на них внимание, то лишь как на курьез: почему столь слабые и некомпетентные тексты вообще были опубликованы? Приведу два примера.

«Заговор»

В 1999 году мадам Мердок опубликовала под псевдонимом Ачарья Эс книгу «Заговор: Христос как величайшая выдумка в истории»[17]. Она попыталась показать, что христианство восходит к мифу о солнечном божестве Иисусе, которого выдумала группа евреев во II веке н. э.

Мифологисты подобного толка не должны обижаться, что их не печатают в научных журналах, а ученые не относятся к ним серьезно, не рецензируют и не читают. Книга наполнена таким количеством ошибок и нелепостей, что возникают даже сомнения в серьезности автора. Если Ачарья и впрямь думает так, как пишет, с трудом верится, что она читала мало-мальски серьезную литературу. Похоже, ее «исследования» сводились к прочтению дилетантских работ, мнение которых она сплошь и рядом воспроизводит. Напрасно ищешь цитаты из древних первоисточников, а цитаты из серьезных современных специалистов (главным образом, Элен Пейглс) вырваны из контекста и поняты неправильно. Об ученых, которые стоят на альтернативной точке зрения и убеждены в существовании Иисуса — она называет их «историзаторами», — она пишет: «Если пренебрежение историзаторов к мифологистам сознательно, это, несомненно, связано с тем, что доводы мифологистов для них слишком умны, что они не могут их опровергнуть»[18]. Поневоле думаешь, что она разыгрывает читателя!

Вот, какая версия изложена в книге. Иисус есть солнечное божество: «Сын Божий *(son of God)* есть солнце Божие *(sun of God)».* (Правда, убедительно? Английские слова *son* и *sun* звучат похоже!) Рассказы об Иисусе «основаны на движении солнца по небу. Иными словами, Иисус Христос и другие персонажи, по которым он смоделирован, суть персонификации солнца, а евангельская басня — лишь повторение мифологической формулы, которая строится на движении солнца по небу»[19].

С точки зрения Ачарьи, христианство возникло как астробогословская религия, в которой солнечное божество Иисус было превращено в исторического еврея. Сделала это группа еврейских сиро-самаритянских гностических сынов Садока, которые были также гностиками и терапевтами (одна из сект иудаизма) в Александрии египетской после неудавшегося восстания евреев против Рима в 135 году н. э. Евреям не удалось создать независимое государство в Земле обетованной, и они расстроились. Дабы вдохновить тех, кто был подавлен крушением националистических мечтаний, они изобрели Иисуса. Сама Библия представляет собой астробогословский текст, наполненный скрытыми смыслами. Эти смыслы можно расшифровать, вскрыть их астральную символику.

Как мы увидим, все основные тезисы Ачарьи не выдерживают критики. Иисус не мог быть выдуман в Александрии египетской в середине II века н. э. хотя бы уже потому, что был известен в еврейских кругах Палестины в 30-е годы I века.

Иисус никогда не был солнечным божеством, а сходство в английских словах *son* и *sun* не имеет значения. Более того, в древнейших преданиях он вообще не божественен, а понимается как еврейский пророк и Мессия. Ни в каких древнейших традициях с Иисусом не связаны астральные феномены. Эти предания засвидетельствованы в многочисленных источниках как минимум за столетие до предполагаемого Ачарьей астрологического создания Иисуса людьми, которые жили в иной стране, чем исторический Иисус, и не говорили на его языке.

Чтобы показать, на каком уровне компетентности написана книга Ачарьи, я отмечу некоторые ее ляпы (в том порядке, в каком они встречаются в книге). Ачарья утверждает следующие вещи.

• Юстин, христианский писатель II века, не цитирует и не упоминает Евангелия (25). [На самом деле, Юстин упоминает Евангелия многократно, обычно называя их «Воспоминаниями апостолов». Приводит Юстин и цитаты, особенно из Евангелий от Матфея, Марка и Луки.]

• Евангелия были подделаны спустя столетия после событий, которые описывают (26). [На самом деле, Евангелия были написаны в конце I века. От смерти Иисуса их отделяет промежуток в 35–65 лет. И тому есть материальные доказательства: до наших дней сохранился фрагмент евангельской рукописи, написанной в начале II века. То есть по определению текст не мог быть подделан столетиями спустя.]

• Не существует рукописей Нового Завета, датируемых временем до IV века. (26). [Совершенно не соответствует действительности: есть многочисленные фрагменты рукописей II–III веков.]

• Автографы «были уничтожены после Никейского Собора» (26). [На самом деле, нам неизвестно, что стало с первоначальными копиями новозаветных текстов. Скорее всего они износились от использования. Ни из чего не видно, что они вообще сохранились до времен Никейского Собора или были уничтожены впоследствии. Напротив, многое говорит о том, что до времен Никейского Собора они не дожили.]

• «Канонизация Нового Завета заняла более тысячи лет», и потребовалось «много соборов», чтобы провести грань между богодухновенными и подложными книгами (31). [На самом деле, наш канон Нового Завета описывает уже в 367 году отец Церкви Афанасий. Насчет «многих соборов» — чистой воды вымысел.]

• Павел не цитирует ни одно изречение Иисуса (33). [Похоже, Ачарья не открывала послания Павла. Как мы увидим, он неоднократно приводит высказывания Иисуса.]

• Когда-то в канон входили Деяния Пилата, явно легендарный отчет о суде над Иисусом и его казни (44). [Ни одно из редких упоминаний о Деяниях Пилата не указывает и даже не намекает на это.]

«Слово «Евангелие» *(gospel)* на самом деле означает «Божие заклинание» *(God's spelt),* как в колдовстве, иллюзии и обмане» (45). [Ничего подобного. Английское слово *gospel*

восходит к англосаксонскому слову *god spei*, то есть «благая весть». Последнее является довольно точным переводом греческого слова *euaggelion.* К колдовству оно не имеет ни малейшего отношения.]

Ириней Лионский, один из отцов Церкви, был гностиком (60). (Ачарья все перепутала. Ириней был одним из самых яростных борцов с гностицизмом в древней Церкви.) Августин был «первоначально мандеем, то есть гностиком, до Никейского собора» (60). [Августин родился лишь спустя девятнадцать лет после Никейского собора и гностиком не был.]

«Петр» — не только «камень», но и «петух», или пенис, как это слово используется в жаргоне и до наших дней». Ачарья приводит чей-то (свой собственный?) рисунок мужчины с головой петуха и эрегированным пенисом вместо носа. Рисунок сопровождает надпись: «Бронзовая скульптура, спрятанная в ватиканской сокровищнице Петуха, символ святого Петра» (295). (Ни в Ватикане, ни где-либо еще, нет статуи Петра-петуха с носом в виде пениса. Ее можно встретить лишь в книгах, подобных книге Ачарьи, авторы которых любят выдумывать подобные вещи.)

Одним словом, если здесь и есть заговор, это не заговор древних христиан, выдумавших Иисуса, а современных авторов, которые выдумывают байки про древних христиан и их представления об Иисусе.

«Таинства Иисуса»

1999 год ознаменовался еще одной «бомбой»: книгой Тимоти Фрика и Питера Гэнди «Таинства Иисуса: был ли «первоначальный Иисус» языческим божеством?». До этого Фрик и Гэнди написали еще ряд книг, как правило, раскрывающих тайны и заговоры прошлого. Подобно Ачарье Эс, они считают, что Иисуса выдумала группа евреев сродни александрийским терапевтам. В результате появилась новая мистериальная религия («таинства Иисуса»), которая процветала в начале III века. Однако они не думают, что Иисус был солнечным божеством. По их мнению, в основе образа Иисуса лежат мифы об умирающих и воскресающих божествах, распространенные в античности. Отсюда основной тезис книги:

История Иисуса — это не биография исторического Мессии, а миф, основанный на вечных языческих рассказах. Христианство было не новым и уникальным откровением, а еврейской адаптацией древней языческой мистериальной религии[20].

В центре всех языческих мистерий, утверждают Фрик и Гэнди, стоял миф о богочеловеке, который умер и воскрес. В разных мистериях эта божественная фигура носила разные имена: Осирис, Дионис, Аттис, Адонис, Вакх, Митра. Однако «в основе своей все эти богочеловеки — один и тот же мифический персонаж» (4). Один из аргументов в пользу этого тезиса состоит в сходстве мифов: их отцом был Бог, а матерью — смертная дева; все они родились в пещере 25 декабря перед тремя пастухами и мудрецами; среди их чудес было превращение воды в вино; все они въезжали в город на осле, были распяты весной за грехи мира; они сошли в преисподнюю, а на третий день воскресли. Поскольку все это приписывается и Иисусу, очевидно, что христианские рассказы — подражание языческим религиям.

Историков античности шокируют подобные утверждения (или шокировали бы, если бы они потрудились прочесть книгу Фрика и Гэнди). Авторы никак не доказывают наличие такой стандартной мифологии. Они не цитируют античные источники, по которым можно проверить их тезисы. Нельзя даже сказать, что они иначе понимают имеющиеся факты: они вообще не дают фактуры!

И неудивительно. Таких свидетельств не существует.

Откуда, например, они взяли, что Осирис родился 25 декабря перед тремя пастухами? Или что он был распят? Или что его смерть была искуплением за грехи? Или что он вернулся к земной жизни, воскреснув из мертвых? Ни один древний источник не говорит этого об Осирисе, да и о других богах. Между тем Фрик и Гэнди уверяют, что это общеизвестно. В «доказательство» они цитируют других авторов XIX–XX веков, которые так думали. Но эти авторы также не приводили исторических обоснований! Разве это серьезно и научно: что-то где-то прочел, поверил и переписал? Скорее уж можно усмотреть здесь погоню за сенсациями и желание продать побольше экземпляров.

Далее Фрик и Гэнди утверждают следующее. Первоначальный «Христос» был богочеловеком, как и прочие языческие богочеловеки. Затем группа евреев сделала из него еврейского Мессию, историческое лицо. По мнению Фрика и Гэнди, апостол Павел ничего не знал об историческом Иисусе, как не знали и другие древние христиане. Они поклонялись языческому Христу, который был иудаизирован еще до того, как его превратили в реального человека, жившего и умершего в Иудее. Ключевую роль здесь сыграло Евангелие от Марка: именно Марк историзировал миф ради евреев, которым нужно было не божество, а реальный исторический спаситель. Фрик и Гэнди считают, что в восточной части Римской империи многие христиане (подобно Павлу, гностики) воспринимали историзированную версию мифа не как буквальную истину, а как продолжение мифа. Лишь западные христиане не разобрались в ситуации. Центром их деятельности был Рим. Так возникла Римско-католическая церковь. Она поняла историзированную концепцию Спасителя буквально, а первоначальные мифологические взгляды гностиков со временем запретила. В результате возникло традиционное христианство, верящее в свое происхождение от исторического Иисуса. Однако на самом деле Иисус не существовал. Образ Иисуса — выдумка, основанная на богах языческих мистериальных религий.

Как мы увидим, в этой гипотезе есть множество изъянов. Пока лишь скажем, что наша информация об Иисусе (историческом Иисусе!) происходит не из Египта конца I века и кругов, находившихся под влиянием языческих мистериальных религий, а из Палестины и еврейских кругов 30-х годов с их решительно антиязыческим иудаизмом.

Не говоря уже о неправдоподобии основных идей книги, к ней в принципе нельзя относиться серьезно. И в общем, и в частностях, у нее студенческий уровень, да и тот невысокий: есть и дезинформация, и непоследовательность, а когда авторы цитируют «научную» литературу, это почти всегда устаревшая литература (1925 год, 1899 год и т. д.). Последнее неудивительно: какие-то воззрения, возможно, казались более правдоподобными лет сто назад, но сейчас их не придерживается ни один ученый. Что касается противоречий, возьмем два утверждения, сделанные в пределах двух страниц. В одном месте Фрик и Гэнди пишут:

Иерусалимские христиане всегда были гностиками, поскольку в I веке христианская община состояла из разных видов гностицизма! (174)

На следующей странице:

Чем больше мы вдумывались в факты, которые обнаруживали, тем больше нам казалось, что применительно к христианству I века понятия «гностический» и «буквалистский» не имеют смысла (175).

Так как же на самом деле? Были ли иерусалимские христиане I века гностиками? Или понятие «гностический» вообще не имеет смысла по отношению к I веку? Нужно выбирать: либо одно, либо другое.

Более того, как и в книге Ачарьи, в фактуре — ошибка на ошибке. Опять же назовем некоторые «ляпы» (в той последовательности, в какой они встречаются), причем надо сказать, что список далеко не полный.

• Император Константин сделал христианство официальной религией империи (11). [Вовсе нет. Константин лишь разрешил исповедовать христианство. А государственной религией оно стало лишь при Феодосии в конце IV века.]

• Элевсинские мистерии были связаны с богочеловеком Дионисом (18, 22). [Неверно. Элевсинские мистерии — это мистерии Деметры, а не Диониса.]

• «Описания христианского крещения христианскими авторами неотличимы от языческих описаний мистериального омовения» (36). [Откуда это известно? Ни один источник не описывает омовения в мистериальных религиях.]

• Евангелисты «сконструировали» греческое имя Иисус из «искусственной и вычурной транслитерации еврейского имени Йошуа», чтобы оно «выражало» «символически значимое» число 888 (116). [Евангелисты не «конструировали» греческое имя Иисус. Это греческая передача арамейского имени Йешуа и еврейского Йошуа. Она встречалась в греческом переводе Ветхого Завета задолго до евангелистов. Его часто использует и еврейский историк Иосиф Флавий.]

• Римляне «славились тем, что вели тщательные отчеты обо всей своей деятельности, особенно о юридических процедурах», поэтому странно, что «нет отчета о том, как Иисус был судим Понтием Пилатом и приговорен кказни» (133). [Если римляне скрупулезно вели отчетность, еще более странно, что у нас нет записей не только об Иисусе, но и практически обо всех остальных людях 1 века. Мы не располагаем ни записями о рождении, ни записями о смерти, ни записями о судебных процессах, ни другими подобными документами, которые столь распространены в наши дни. Разумеется, Фрик и Гэнди не могут привести ни единой записи о чьем-либо смертном приговоре в I веке.]

• Многие древние христиане не включали в канон Евангелие от Марка (146). [На самом деле Евангелие от Марка всюду считалось каноническим. Более того, во всех известных нам христианских текстах, которые упоминают о нем, оно рассматривается как каноническое.]

• Апостол Павел не упоминает Иисуса в своих этических поучениях (152). [Как мы увидим, это не так: см. 1 Кор 7:10–11; 9:14; 11:22–24.]

• Первоначальная версия Евангелия от Марка «не упоминала о воскресении» (156). [На самом деле, первоначальная версия Евангелия от Марка не содержала лишь эпизода с явлением Воскресшего. Однако текст ясно дает понять, что Иисус воскрес. См., например, Мк 16:6: этот стих входил в первоначальную версию.]

• Древние христиане «всех убеждений», включая знаменитого церковного историка Евсевия Кесарийского, не включали в канон Первое и Второе Послания к Тимофею, и Послание к Титу. [На самом деле, практически все, кто упоминал эти послания, считали их каноническими. Не составляет исключения и Евсевий, который неоднократно цитирует их в своих произведениях.]

• Слово *charismata,* обозначающее духовные дары, происходит «от термина *makarismos,* который указывал в мистериальных религиях на блаженство видевших таинства» (162). [Выдумка чистой воды. Между этими двумя словами вообще нет этимологической связи. Греческое слово *charismata* происходит от слова *charisma,* «дар». К мистериальным религиям оно не имеет отношения.]

• Римляне «полностью уничтожили государство Иудея в 112 году н. э. (178). [Странное утверждение. В 112 году между Римом и Иудеей даже не было войны. Войны были в 66–70 и 132–135 годах н. э.]

Вот подлинная цена сенсаций. Однако не надо думать, что таковы все мифологисты, и что ляпы Ачарьи, Фрика и Гэнди позволяют сбросить со счета более серьезных мифологистов (скажем, Джорджа Уэллса, Роберта Прайса, а сейчас еще и Ричарда Карриера). Их выкладки

следует оценивать отдельно, не увязывая их с недостатками любителей сенсаций. Они проводили исследования и высказали аргументы. Местами эти аргументы пересекаются с мнениями Ачарьи, Фрика и Гэнди, но в целом самостоятельны. Поэтому далее мы их обсудим подробнее. До этого я изложу положительные свидетельства, которые убеждают в историчности Иисуса всех, кроме мифологистов.

А чтобы эти свидетельства выглядели понятнее, необходимо в общих чертах рассказать, почему более компетентные и толковые из мифологистов отрицают эту историчность.

Базовая позиция мифологистов

Отрицая историчность Иисуса, мифологисты используют как позитивные, так и (большей частью) негативные аргументы[21].

Негативные аргументы таковы. Мифологисты обычно подчеркивают, что ни в одном нехристианском источнике I века нет надежного упоминания об Иисусе. Считается, что Иисус умер приблизительно в 30 году н. э. Однако на протяжении восьмидесяти с лишком лет о нем не упоминает ни один греческий или римский автор, да и вообще ни один нехристианский автор. Если Иисус был столь важной фигурой (или даже не столь важной), не следует ли ожидать, что какие-то из дошедших до нас источников I века о нем скажут?

Известны сочинения историков и политиков, философов и богословов, поэтов и ученых; известны надписи на зданиях и личные письма простых людей. Ни в одном из этих нехристианских текстов I века ни разу не говорится об Иисусе.

Сторонники историчности Иисуса обычно утверждают, что один-то автор точно сообщает об Иисусе: еврейский историк Иосиф Флавий, написавший в конце I века ряд дошедших до нас сочинений. Однако мифологисты возражают, что оба упоминания об Иисусе в «Иудейских древностях» — единственные во всем корпусе текстов Иосифа Флавия, — являются поздней вставкой христианских переписчиков. Если они правы, получается, что из нехристианских авторов об Иисусе впервые упоминает лишь Плиний в 112 году (римский наместник одной из провинций на территории нынешней Турции), а чуть позже — римские историки Тацит и Светоний. Некоторые мифологисты объявляют и эти отрывки подложными. Далее мы рассмотрим эти ссылки, а пока отметим лишь позицию мифологистов: если Иисус существовал, то непонятно, почему о нем не сообщают, почему с ним не спорят, почему о нем не размышляют ни авторы его времени, ни авторы ряда последующих десятилетий.

Мало того, мифологисты обычно утверждают, что исторический Иисус не занимает заметного места даже в раннехристианских текстах помимо новозаветных Евангелий. В частности, они полагают, что апостол Павел ничего или почти ничего не говорит об историческом Иисусе. Это может шокировать большинство читателей Нового Завета, но при внимательном чтении Павловых посланий действительно вырисовываются проблемы. Павел много пишет о смерти и воскресении (особенно воскресении!) Иисуса и явно почитает его как Господа. Однако он почти ничего не сообщает о том, что Иисус говорил и делал во время земной жизни. Как такое может быть, если Иисус и впрямь существовал? Почему Павел не цитирует слова Иисуса, к примеру, Нагорную проповедь? Почему не приводит ни одной притчи? Почему не говорит, что Иисус делал? Почему не упоминает о чудесах и экзорцизмах? О спорах с противниками? О путешествии в Иерусалим? О суде перед Понтием Пилатом? И еще о множестве вещей.

Защитники историчности Иисуса отмечают, что в некоторых местах Павел как будто цитирует Иисуса (например, 1 Кор 11:22–24). На это мифологисты дают разные ответы. Одни считают, что эти отрывки не принадлежат Павлу, а вставлены поздними переписчиками. Другие полагают, что Павел имеет в виду слова не исторического Иисуса, а небесного «Иисуса», говорившего через пророков в Павловых общинах.

Как бы то ни было, с точки зрения мифологистов, Павел не знал Иисуса как историческую фигуру: для Павла Христос — мифическое небесное существо. Правда, возникает вопрос: разве может неисторический персонаж умереть? На это у мифологистов припасен ответ, о котором мы поговорим ниже. А пока лишь отметим их позицию: Павел не упоминает об историческом Иисусе, что весьма странно, если Павел считал Иисуса исторической личностью. Это можно сказать и о других новозаветных текстах за пределами Евангелий.

Тогда единственными источниками сведений об историческом Иисусе остаются Евангелия от Матфея, Марка, Луки и Иоанна, а мифологисты считают их крайне ненадежными историческими документами. Прежде всего, они написаны в конце I века, в лучшем случае спустя сорок-пятьдесят лет после предполагаемой жизни Иисуса. Если Иисус существовал, почему нет более ранних источников? И можно ли полагаться на показания, записанные столько времени спустя?

Мифологисты ставят под сомнения достоверность Евангелий. Они говорят: евангельские рассказы о словах и делах Иисуса полны противоречий и несообразностей, а потому ненадежны. Евангелисты столь предубеждены, что о мало-мальски объективном повествовании говорить не приходится. Они не только модифицируют полученные предания, но и откровенно выдумывают. Более того, считают мифологисты, выдуманы *абсолютно все* евангельские рассказы. Взять хотя бы рассказы о чудесах: подобными историями евангелисты хотели укрепить веру читателей, однако в них столько неправдоподобного, что верить им наивно.

Далее, многие мифологисты утверждают, что все четыре Евангелия в конечном счете восходят к Евангелию от Марка. Именно на Евангелии от Марка основаны остальные три Евангелия. Это означает, что из всех многочисленных писателей 1 века, языческих, еврейских и христианских, жизнь Иисуса упоминает и описывает лишь один, да и то, если считать, что Марк писал в I веке. Как такое может быть, если Иисус существовал?

С учетом всех этих проблем, некоторые мифологисты даже пытаются переложить бремя доказательства на тех, кто считает Иисуса исторической личностью. К соображениям негативного порядка они добавляют положительный аргумент: рассказы об Иисусе (большей частью неправдоподобные, и отраженные лишь в поздних и ненадежных документах) снова и снова находят параллели в мифах о языческих богах и божественных мужах античного мира. Мифологисты часто вспоминают легенды о таких богах и полубогах, как Геракл и Осирис, Митра и Аттис, Адонис и Дионис. Некоторые из этих персонажей, как считалось, родились 25 декабря от девственницы, совершали чудеса ради людей, умерли (опять же часто ради людей), восстали из мертвых, а впоследствии отошли к жизни в божественном мире.

Я уже сказал несколько слов о подобных утверждениях, и позже мы рассмотрим их подробнее. Сейчас отметим лишь, что мифологисты приводят двусторонний аргумент: поскольку, с одной стороны, нет надежных свидетельств, которые упоминают об историческом Иисусе, а с другой стороны, его история выглядит построенной по образцу сказаний о других божествах, проще считать, что Иисус не существовал. Его выдумали как еще одно сверхъестественное существо. Соответственно, христианство основано на мифе.

Прежде чем ответить на выкладки мифологистов, я приведу данные, которые убеждают всех остальных, как профессионалов, так и любителей, что Иисус существовал. Об этом мы поговорим в следующих нескольких главах.

2 Нехристианские источники по жизни Иисуса

Наверное, реакция на эту мою книгу будет иной, чем на предыдущие. Обычно меня обвиняют или хвалят (в зависимости от того, кто пишет) за то, что в своих книгах я ругаю христианство. Мне это всегда было удивительно (хотя положа руку на сердце, стоило ли удивляться?), ибо я не считаю себя противником христианства. Когда я пытаюсь это

объяснить, мне часто не верят: дескать, а кто же вы еще? Достаточно поглядеть, что вы пишете.

Однако я никогда не смотрел на вещи подобным образом. Критикую я в своих работах, да и то косвенным образом, лишь фундаменталистское и консервативное протестантское понимание христианства. Делать из этого вывод, что я нападаю на христианство, — все равно как предполагать, что раз вам не нравится малиновый шербет, то не нравится и никакое мороженое. Можно не без оснований заметить, что шербет не мороженое, а потому нелюбовь к нему не означает нелюбви к мороженому. А хотя бы это и были похожие вещи: можно любить один вид мороженого и не любить другой, если есть выбор.

Я не хочу сказать, что я христианин или христианский апологет. Я ни тот, ни другой. Но никогда в своих книгах я не нападал на христианство. Я критиковал лишь некоторые его разновидности. Правда, в моих краях, на американском Юге, именно объекту моей критики отдает предпочтение большинство активных христиан. Однако в историческом и глобальном масштабе, очень консервативное протестантство (будь то фундаментализм или жесткое евангеличество) исповедуется лишь меньшинством. По мнению этих христиан, Библия есть безошибочное Слово Божие, без каких-либо противоречий, расхождений или ошибок. На мой взгляд, это не соответствует действительности. Да и большинство христиан на протяжении истории считали иначе.

Я вижу в Библии великую книгу (или библиотеку книг). В этом я расхожусь со многими замечательными атеистами, агностиками и гуманистами, которые хорошо отзывались о моих работах. Но я лично люблю Библию. Я много ее читаю, в греческом и еврейском оригинале. Я изучаю и преподаю ее. Я делаю это более тридцати пяти лет и не собираюсь прекращать в ближайшем будущем. Но я не считаю Библию совершенной. Напротив, Библия состоит из множества голосов, которые часто друг с другом расходятся, друг другу противоречат как в мелочах, так и в важных вопросах: например, в понимании Бога, народа Божьего, Иисуса и правильных отношений с Богом. Они по-разному объясняют, откуда в мире страдание, и как мы должны себя вести. С большинством библейских авторов я в чем-то не могу согласиться.

Тем не менее, на мой взгляд, все эти голоса по-своему ценны. Всех их стоит послушать. Некоторые библейские авторы были подлинными религиозными гениями. Как мы слушаем гениев нашей культуры — Моцарта и Бетховена, Шекспира и Диккенса, — так должны прислушаться и к библейским авторам. Однако я не считаю их богодухновенными. Во всяком случае, они не более богодухновенны, чем другие гении. И они столь часто друг другу противоречат…

Исторических проблем в Новом Завете много. Однако они не настолько существенны и глобальны, чтобы всерьез сомневаться в существовании Иисуса. Без сомнения, Иисус был реальной исторической личностью. Думаю, его также можно считать религиозным гением, еще большим чем евангелисты. Он, видимо, был не очень образованным (возможно даже, полуграмотным). И все же он существовал, и его учение оказало огромное влияние на последующую историю. Это ли не печать гения?

Наверное, читатели, считающие меня противником христианства, огорчатся, что я так думаю. Христианским же читателям может понравиться, пусть и не все в этой книге, но хотя бы то, что я согласен с ними по ключевым вопросам. Однако я не хочу ни польстить, ни задеть. Я лишь пытаюсь решить исторический вопрос со всей тщательностью, которой он заслуживает, и тем самым показать: Иисус существовал, и кое-что нам о нем известно.

Предварительные замечания

Прежде чем излагать факты в пользу историчности Иисуса, скажем несколько слов об историках и о том, как они восстанавливают прошлое. Начнем с очевидного: именно этим

историки и занимаются. Минувшее сокрыто. Прошлое событие невозможно восстановить и воспроизвести. Поэтому исторические данные имеют иной характер, чем данные точных наук. В физике и химии можно и нужно повторить эксперимент. Если вы провели эксперимент несколько раз и получили одинаковые результаты, возникает вероятность, что очередное повторение принесет те же результаты. Первокурсникам я привожу следующий пример: допустим, я хочу доказать, что железо тонет в теплой воде, а мыло «Айвори» не тонет. Для доказательства мне хватит ста сосудов с водой, и по сто кусков железа и мыла. Всякий раз, когда я буду кидать их в воду, железо будет тонуть, а мыло — оставаться на плаву. Отсюда можно вывести закономерность: сколько ни повторяй эксперимент, результат не изменится.

С историей так не выйдет. Прошлое событие повторить невозможно, поэтому надо искать другие пути. Как узнать, доказали мы историчность события или не доказали? В строгом смысле, доказать такие вещи невозможно. Можно лишь найти достаточно данных (каких именно, мы скажем далее), которые убедят большинство (возможно, почти всех) людей в том, что событие произошло (например, что Авраам Линкольн произнес геттисбергскую речь, а Юлий Цезарь перешел Рубикон). Как видим на примере с Линкольном и Цезарем, свидетельства бывают настолько убедительными, что сомневаться не приходится.

А как насчет историчности Иисуса? Мифологисты часто утверждают, что за отправную точку надо взять теорию, что Иисус не существовал, и придерживаться ее, пока не докажут обратного. На сей счет ясно высказывается Роберт Прайс: «Бремя доказательства лежит на тех, кто верит в историчность человека Иисуса»[22]. Я с этим не согласен. С одной стороны, поскольку почти каждый релевантный древний источник (см. ниже) предполагает, что такой человек существовал, и поскольку ни один специалист по данному вопросу, за исключением горстки мифологистов, не питает на сей счет серьезных сомнений, скорее уж бремя доказательства лежит на тех, кто не согласен с почти всеобщим консенсусом. С другой стороны, отдавая должное концепциям Прайса и его собратьев-мифологистов, еще лучше поставить вопрос в нейтральном ключе. А именно, как говаривал мой бывший коллега Эд Сандерс, отставной профессор Нового Завета в Университете Дьюка, «бремя доказательств лежит на том, кто делает утверждение». Иными словами, если Прайс хочет сказать, что Иисус не существовал, ему и доказывать эту теорию. Если я говорю, что Иисус историчен, аргументы должен приводить я. По-моему, это честно.

Прайс формулирует один здравый исторический принцип, тесно связанный с тем, о чем мы сказали: историки не могут воспроизвести прошлое, а потому основывают суждения на свидетельствах, которые показывают наиболее вероятный ход событий. Прайс пишет:

Историк не ясновидец… историк не предсказывает, а «послесказывает» (postdicts), основываясь на прослеживаемых факторах и аналогии. И все это вопрос вероятностей.

В отличие от ученых, которые с почти полной уверенностью могут «предсказать» результат, основываясь на знании того, что происходит, историки «послесказывают»: говорят о том, что, видимо, случилось в прошлом, опираясь на имеющиеся свидетельства.

Но какие свидетельства нам доступны? В этом состоит базовый методологический вопрос: как с разумной степенью вероятности установить, что некто действительно существовал, будь то Авраам Линкольн и Юлий Цезарь или Гарри Трумэн, Карл Великий, Ипатия, Иероним, Сократ, Анна Франк, Бильбо Бэггинс?

Какие источники нужны историкам

Выясняя историчность того или иного человека, историки обращаются к самым разным свидетельствам. Идеальнее всего «железные» физические доказательства, например, фотографии. Скажем, существование Авраама Линкольна отрицать трудно уже потому, что у

нас есть его фотографии. Впрочем, при желании можно возразить, что снимки подделаны фальсификаторами американской истории. Находятся конспирологи, которые именно это и утверждают. Да что там Линкольн! Подчас отрицают события, которые документированы еще лучше, например, холокост. Однако для большинства из нас пачки хороших фотографий из разных источников обычно бывает достаточно.

Помимо этого, важную роль играют произведения, которые с относительной уверенностью можно приписать интересующему нас человеку. В некоторых случаях это здания: скажем, Фрэнк Ллойд Райт спроектировал многочисленные дома.

Чаще это произведения литературные: Юлий Цезарь оставил нам записки о походе в Галлию, а Анна Франк свой дневник. Или возьмем Чарльза Диккенса: у нас есть не только его фотографии, но и многочисленные романы, которые почти несомненно принадлежат его перу. Все эти люди, скорее всего, существовали.

И наконец, можно опираться на свидетельства о человеке: на случаи, когда его упоминают, цитируют или обсуждают. Это самый распространенный вид исторических источников. Относительно подавляющего большинства людей прошлого, особенно до изобретения фотографии, у нас нет других свидетельств. Чего же мы ищем в подобных данных, особенно когда речь идет о человеке, который, как Иисус, жил (если жил) две тысячи лет назад? Какие источники могут убедить историков, что они имеют дело с реальным историческим лицом?

Хорошо, когда письменных источников много, а не один или два. Чем больше, тем лучше. Ведь если источников всего один или два, можно заподозрить выдумку. (Хотя все равно не надо спешить объявлять рассказ выдумкой, если для этого нет оснований. Негоже сомневаться в источнике лишь потому, что вы в депрессии или плохом настроении.) Однако, как и в суде по делу о дорожном происшествии, если свидетелей много, нельзя сказать, что кто-то из них все выдумал.

Далее, хорошо, когда источники близко отстоят от человека или события, которое описывают. Поскольку с течением времени и впрямь накапливается много выдумок, важно ориентироваться на рассказы современников или почти современников. Если первые из известных нам источников о Моисее написаны через шестьсот лет после того, как он якобы жил, они далеко не столь достоверны, как если бы они были написаны через шесть лет. Повторимся, чем ближе по времени, тем лучше.

Историки также ценят, когда эти ранние и многочисленные источники пространны по объему. Когда есть много больших рассказов во многих древних источниках, это значительно лучше, чем когда мы располагаем лишь мимолетным упоминанием. Еще лучше, когда эти большие рассказы сообщаются незаинтересованными авторами: если источник предубежден, это следует принять во внимание. К сожалению, так или иначе пристрастны большинство источников: если бы авторам не было дела до данного вопроса, они бы о нем и не упоминали. И все-таки если рассказ не служит целям рассказчика, это может указывать на (относительную) беспристрастность последнего.

В идеале источники, сообщающие о человеке или событии, подтверждают информацию друг друга как минимум в главном, а то и в частностях. Если бы один древний источник называл Октави-ана римским военачальником и императором, а другой — африканским крестьянином, который не выезжал за пределы своей деревушки, можно было бы догадаться, что кто-то что-то напутал. Но коль скоро многочисленные источники, почти современные Октавиану, считают его римским императором и приводят более или менее похожие данные, это можно считать надежным историческим свидетельством.

Сделаем оговорку: важную роль играет независимость источников друг от друга. Если четыре древних автора говорят, что Марк Биллий — римский аристократ из Эфеса, но из них три почерпнули информацию у четвертого, то у нас по сути один источник, а не четыре. Нельзя сказать, что они подтверждают друг друга: они лишь пользовались одним источником, а это намного менее ценно.

Итак, какие свидетельства может пожелать историк, желающий узнать, существовал ли в древности тот или иной человек? Пусть будет много источников; пусть источники относятся приблизительно ко времени интересующей личности; пусть источники будут пространны и хотя бы отчасти беспристрастны. И пусть они дают независимое подтверждение друг другу.

Можно ли это сказать о свидетельствах об Иисусе?

Источники об Иисусе: чем мы не располагаем

Для начала стоит сказать о том, каких исторических свидетельств об Иисусе *у нас нет.* Лишь после этого мы поговорим об источниках, которые есть.

Физические свидетельства?

Начнем с того, что у нас нет «железных» физических доказательств существования Иисуса. До изобретения фотографии оставалось еще восемнадцать веков, а археологические свидетельства отсутствуют. Однако это не повод усомниться в историчности Иисуса, поскольку от Палестины тех времен у нас остались археологические данные лишь об аристократах, представителях высшего класса: они иногда упоминаются в надписях. Причем даже об этих аристократах у нас нет других археологических свидетельств. Что касается остальных евреев 20-х годов, — период, когда Иисус был взрослым, — от них не осталось никаких археологических следов. Поскольку никто не считает Иисуса аристократом высшего класса, с какой стати мы должны ждать, что от него останутся археологические свидетельства?

У нас также нет текстов, написанных Иисусом. Многим кажется это странным, но ничего странного в этом нет. Подавляющее большинство людей в древнем мире не умели писать (см. ниже подробнее). Относительно того, был ли Иисус, если он существовал, грамотным, ученые спорят. Но даже если он умел *читать*, ранние источники не указывают на то, что он умел *писать.* Ни в одном из Евангелий не говорится, что он что-либо писал[23].

Поэтому в отсутствие у нас текстов, принадлежащих перу Иисуса, нет ничего удивительного. Отметим, что 99,99 % людей античности не оставили после себя текстов. И это не означает, что они не существовали. Это означает лишь то, что если мы хотим убедиться в историчности кого-либо из них, мы должны искать другие свидетельства.

Нехристианские источники I века?

Мифологисты часто отмечают, что об Иисусе не упоминают греческие и римские авторы I века. Было бы очень удобно, если бы они о нем упоминали, но чего нет, того нет. Однако это опять же несущественно, поскольку они не упоминают и о миллионах других реальных людей. В этом смысле Иисус не отличается от подавляющего большинства людей прежних эпох, живых людей из плоти и крови.

Более того, ошибочно утверждать, как подчас делают мифологисты, что если Иисус был столь яркой личностью и великим чудотворцем, языческие авторы упомянули бы о нем хотя

бы вкратце, а возможно даже, рассказали бы о нем подробнее[24]. Разве не естественно ожидать, что о человеке, который исцелял больных, изгонял бесов, ходил по воде, насыщал толпы несколькими хлебами и воскрешал мертвых должны много говорить? Ошибочность данной логики состоит в следующем: сейчас мы не спрашиваем, творил ли Иисус чудеса, и если да, то почему об этом не пишут языческие авторы. На данный момент нас интересует другое: *существовал ли* Иисус. Лишь после того, как мы установим его историчность, мы можем подумать, творил ли он чудеса. Если мы установим, что он их творил, можно будет вернуться к вопросу о том, почему в таком случае об Иисусе не упоминают. Ведь возможен и такой вариант: Иисус существовал, но был не чудотворцем, а самым обычным человеком. Тогда неудивительно, что римские источники о нем не сообщают, как не сообщают о его дядях, тетях, кузенах, племянниках и племянницах, да и почти ни об одном другом еврее его времени.

Следует еще раз повториться: это «миф» (в том смысле, какой придают этому слову мифологисты) считать, что римляне вели подробную отчетность обо всем на свете, а потому мы обладаем массой сведений о римской Палестине и должны ожидать упоминаний об Иисусе, если он существовал. Если римляне вели такие записи, где эти записи? У нас ничего такого нет. Задумаемся на секунду, сколько всего мы не знаем о периоде, когда наместником Иудеи был Понтий Пилат. Из сочинений еврейского историка Иосифа Флавия известно, что Пилат правил десять лет (26–36 гг. н. э.). Казалось бы, самая видная фигура в римской Палестине той поры. И какими же записями, относящимися к его правлению, мы располагаем? Какими римскими отчетами о его основных свершениях, ежедневном распорядке, изданных указах, судимых преступниках, подписанных смертных приговорах, скандалах, переговорах и юридических процедурах? Никакими. Абсолютно никакими.

Мало того. Какие археологические свидетельства у нас есть о правлении Пилата в Палестине? У нас имеются несколько монет, отчеканенных в это время. (Для сравнения: Иисус не чеканил монет, а поэтому не может быть монет, с ним связанных.) Плюс еще одна фрагментарная надпись, найденная в 1961 году в Кесарии Приморской. Согласно этой надписи, Пилат был римским префектом. И больше ничего. А какие тексты он оставил после себя? Ни единого слова. Означает ли это, что он не существовал? Отнюдь нет! О нем упоминают Иосиф Флавий (несколько раз), еврейский философ Филон Александрийский и Евангелия. Он существовал, хотя от него, как и от Иисуса, не дошло до наших дней ни строчки. Причем надо заметить, что о Пилате мы знаем намного больше, чем о любом другом римском наместнике в Иудее[25]. Говорить, что мы располагаем множеством римских записей времен античности, и если бы Иисус существовал, он обязательно был бы в них упомянут, чистой воды современный «миф».

Отметим также, что римский историк Тацит упоминает о Пилате лишь один раз мимоходом, да и то в связи с Иисусом *(Анналы* 15). Если греческие и римские тексты больше ничего не сообщают даже о важном римском аристократе и наместнике крупной провинции, какова вероятность, что они скажут о еврейском учителе из средних классов (каким считают Иисуса все, кто признает его историчность)? Практически нулевая. Добавлю, что основным источником наших сведений по еврейской Палестине времен Иисуса является Иосиф Флавий, видный еврей-аристократ, игравший огромную роль в социальных и политических событиях своего времени. А сколь часто упоминают об Иосифе Флавии греческие и римские источники I века? Ни разу.

Приведу аналогию. Если через шестьдесят лет какой-нибудь историк возьмется писать историю американского Юга в XX–XXI веках, упомянет ли он Златко Плеше? (Златко — мой талантливый коллега, преподаватель античной философии, гностицизма, истории древнего христианства и других предметов.) Скорее всего, нет. Но что это доказывает? По большому счету, ничего. Возможны два варианта: либо Златко не существовал, либо он не оказал большого влияния на политическую, социальную и культурную жизнь Юга. Однако Златко

существует (не далее чем вчера мы вместе обедали). И если его имя не появится в будущей истории Юга, это будет связано лишь с тем, что он не очень сильно на нее повлиял. Его историчность придется устанавливать на основании других данных, например, двух написанных им книг. (В отличие от Иисуса, Златко умеет писать. И в отличие от ситуации с I веком, книги издаются массовыми тиражами и попадают в библиотеки.) Так и с Иисусом. Если о нем мало упоминают, это не имеет отношения к вопросу о его историчности. Возможно, он не был заметной фигурой, подобно подавляющему большинству своих современников. Правда, такая постановка вопроса не нравится многим христианам: как это не был заметной фигурой? Но, похоже, и впрямь не был. Однако значит ли это, что Иисус не существовал? Отнюдь нет! Просто следует учитывать другие данные.

Рассказы очевидцев?

Итак, у нас нет свидетельств современников об Иисусе: ни языческих, ни еврейских, ни христианских. Никто их них не рассказал о его словах и делах. Но как же новозаветные Евангелия? Разве они не свидетельства очевидцев? Таковыми когда-то считались Евангелия от Матфея и Иоанна. Однако в наши дни подавляющее большинство критических историков отвергает эту точку зрения.

Раннехристианская традиция приписывает авторство четырех новозаветных Евангелий Матфею, Марку, Луке и Иоанну. Даже она не считает Марка и Луку очевидцами жизни Иисуса. Она гласит, что Марк был спутником Петра, слушал его проповеди об Иисусе и составил на их основании «Евангелие от Марка». Однако даже если это предание достоверно, Марк черпал информацию из вторых рук. Лука отстоит еще дальше от Иисуса: традиция считает его спутником апостола Павла, а Павел не входил в число учеников Иисуса.

Согласно традиции, Лука был врачом из языкохристиан, собирал сведения о жизни Иисуса, а затем составил повествование. Если так, то он был учеником человека, который сам не был учеником. Напротив, Матфей широко считался одним из двенадцати апостолов, сборщиком податей из Мф 9:9-13. Иоанна же отождествляли с таинственным «возлюбленным учеником», упомянутым в Четвертом Евангелии (напр., Ин 19:26–27). Предание видело в нем Иоанна Зеведеева, одного из ближайших учеников Иисуса.

В наши дни практически все ученые, за вычетом фундаменталистов и консервативных евангеликов, отвергают эти атрибуции. Заметим, что ни один из евангелистов не называет себя по имени и не пишет рассказ об Иисусе от первого лица. Евангелия — произведения анонимные, и авторы описывают учеников (в том числе Матфея и Иоанна) в третьем лице: не «я сделал то-то», или «мы сделали то-то», а «они сделали то-то». Да и вообще, ближайшие ученики Иисуса были, подобно ему, простыми арамеоязычными крестьянами из галилейских сел. Могли ли они написать Евангелия?

Последние исследования показали, что уровень грамотности в античности был очень низким. Самую известную работу на сей счет написал Уильям Харрис[26]. Тщательно изучив все имеющиеся данные, он пришел к неожиданному, но убедительно обоснованному выводу: в самые лучшие времена античности лишь 10 % людей умели читать и, возможно, переписать небольшой кусок текста. Еще намного меньший процент населения был способен составить на письме даже предложение, не говоря уже о рассказе или, тем более, целой книге. А кто входили в эти 10 %? Представители высшего класса, у которых было время, деньги и досуг для получения образования. К ученикам Иисуса это не относится. Аристократами они не были.

В римской Палестине ситуация с грамотностью была еще плачевнее. Тщательно изучив этот вопрос, Катерина Хецер, профессор иудаики в Лондонском университете, пришла к выводу: во времена Иисуса грамотными были лишь 3 % палестинских евреев[27]. И опять-таки

это люди, которые умели читать и, возможно, писать свои имена, а также переписывать слова. Тех, кто мог составлять на письме целые предложения, абзацы, главы и книги, было намного меньше. И повторимся: скорее всего, принадлежали они к городской элите.

Стоит учесть и другие факторы. Родным языком Иисуса, его учеников и большинства жителей Палестины, был арамейский. Однако Евангелия написаны не на арамейском, а на греческом, причем довольно хорошем греческом. Евангелисты — люди необычайно образованные по меркам своего времени. Почти наверняка они были из более-менее высоких слоев общества и уж точно из городов, расположенных за пределами Палестины. Ученые обычно датируют эти греческие тексты концом I века: сначала писал Марк (около 70 г.), затем Матфей и Лука (около 80–85 гг.) и, наконец, Иоанн (ок. 90–95 гг.). Евангелисты не относились к числу первоначальных учеников Иисуса и, видимо, даже учеников этих учеников. Они жили позже и довольствовались преданиями, которые передавались изустно год за годом и десятилетие за десятилетием, прежде чем не были записаны.

Правда, помимо устных преданий, евангелисты вполне могли располагать и некоторыми письменными источниками (см. подробнее следующую главу). Лука прямо пишет, что ему известны более ранние письменные повествования об Иисусе (Лк 1:1–4), и есть веские основания считать, что и он, и Матфей, пользовались какой-то версией Евангелия от Марка, откуда позаимствовали ряд отрывков. Возможно, оба располагали и грекоязычным документом, который ученые обозначают литерой Q (первая буква немецкого слова *Quelle,* «источник»). До наших дней Q не сохранился, и представлял собой сборник речений Иисуса и упоминания о некоторых делах Иисуса. Не исключено, что наряду с этими двумя документами, Матфей и Лука имели и другие источники. Какие источники были у Марка, нам неизвестно. Особый случай представляет собой Евангелие от Иоанна: его рассказы очень отличаются от рассказов синоптиков (Матфея, Марка и Луки)[28].

Впрочем, пока подчеркнем одно: новозаветные Евангелия не написаны очевидцами жизни Иисуса. Не очевидцами написаны и внеканонические Евангелия[29]. Да и вообще нет ни одного рассказа очевидцев об Иисусе. Не стоит, однако, преувеличивать значение этого факта, решая вопрос об историчности Иисуса. Отсутствие свидетельства очевидцев имело бы значение тогда и только тогда, если бы у нас были основания его ожидать. А таких оснований нет. Вспомним опять же Понтия Пилата. В 20—30-е годы I века он играл колоссальную роль в политической, экономической, культурной и социальной жизни Палестины. Вполне можно утверждать, что он был самым видным общественным деятелем в Палестине того времени. И сколькими же свидетельствами очевидцев о Пилате мы располагаем? Ни одним. Аналогичным образом обстоит дело с Иосифом Флавием. А ведь в свое время это были очень известные люди.

Опять же не будем забывать, что это во многом обусловлено уровнем грамотности. Писать умели единицы, и большинство текстов, написанных этими единицами, до нас не дошли. Как ни поразительно, от всей римской Палестины I века сохранились произведения лишь одного автора, Иосифа Флавия. Один лишь Иосиф Флавий! И никаких других литературных текстов: художественных, исторических, философских, научных, поэтических, политических. Мало того, в исторических документах упоминается, помимо Иосифа Флавия, всего лишь один автор: Юст Тивериадский. Его книги не сохранились[30].

Какие уж тут свидетельства об Иисусе. Откуда бы им взяться? Единственным палестинским автором, оставившим нам книги, был Иосиф Флавий. А он родился через несколько лет после смерти Иисуса.

Нехристианские упоминания об Иисусе

Рассмотрев, каких источников у нас нет, можно перейти к источникам, которые у нас есть. Начну с краткого обзора источников, обычно включающихся в число нехристианских свидетельств об Иисусе. Речь пойдет лишь о текстах, которые были написаны не более чем через сто лет после жизни Иисуса (как ее обычно датируют): произведения, созданные позже, скорее всего, не могут считаться независимыми и надежными свидетельствами, — часто эти авторы пересказывают то, что слышали от христиан (впрочем, это не исключено и для тех нехристианских упоминаний, которые мы обсудим ниже). Для удобства я разделил свидетельства на римские и еврейские.

Римские источники

За столетие, прошедшее после традиционной даты смерти Иисуса, о нем трижды упоминали римские авторы, правда, не в I веке н. э., а через 80–85 лет после предполагаемой даты распятия.

Плиний Младший

Первое известное нам нехристианское (и нееврейское) упоминание об Иисусе содержится в текстах Плиния Младшего, императорского легата в малоазийской римской провинции Вифиния (ныне Турция). Слово «Младший» призвано отличить его от его знаменитого дяди, Плиния Старшего, наиболее известного не в качестве римского чиновника, а в качестве автора «Естественной истории». Плиний Старший отличался глубочайшей научной любознательностью. Узнав об извержении Везувия (79 г. н. э.), он решил рассмотреть его с близкого расстояния. К несчастью, корабль подошел слишком близко к берегу, и ученый погиб, отравившись испарениями. Плиний Младший также наблюдал за извержением, но лишь издали, оставив заметки о нем в одном из трудов, сохранившихся до наших дней.

Историкам раннего христианства Плиний Младший более всего известен как автор писем римскому императору Траяну с просьбами об инструкциях в управлении провинцией. В одном из писем, относящихся к 112 году н. э. (10.96), он упоминает об Иисусе. Письмо посвящено не самому Иисусу, а политической проблеме: в провинции Плиния ввели запрет объединяться в социальные группы. Этот закон может показаться странным, но в основе его лежали важные практические соображения. Римские власти опасались возникновения политических группировок (чревато вооруженным восстанием!). Впрочем, разрубив гордиев узел, власти столкнулись с проблемой: поскольку под запретом оказались абсолютно все социальные группы, некому было тушить пожары (коллегии пожарников также были вне закона!). Сгорали деревни.

В схожем контексте Плиний упоминает еще об одной группе, которая устраивала незаконные сборища: о местной общине христиан[31].

Из надежных источников Плинию стало известно, что «в установленный день» христиане собираются до рассвета. Мы находим у него важную информацию: среди христиан были представители разных социальных слоев, и они «сходились для принятия пищи, обычной и невинной». Возможно, Плиний сообщает последнюю деталь, поскольку ходили слухи (мы узнаем о них из других поздних источников) о каннибализме христиан. (Ведь они вкушали плоть Сына Божия и пили его кровь!) По сообщению Плиния, христиане «воспевали Христа как бога».

Вот и все, что он говорит об Иисусе: христиане почитали и воспевали его. Впрочем, Плиний даже не называет его Иисусом, используя лишь самый распространенный титул,

«Христос». Было ли Плинию известно имя Христа, неизвестно. Знал ли он, что Христос некогда был человеком? Не факт: фраза «как бога» звучит двусмысленно.

Одним словом, негусто. Однако видно, что в начале II века в Малой Азии христиане существовали и почитали некоего Христа. Как мы увидим в последующих главах, эту информацию подтверждают и другие (христианские) источники. Впрочем, следует оговориться: свои сведения о Христе Плиний почерпнул, очевидно, от христиан, а следовательно, его нельзя считать полностью независимым свидетелем историчности Иисуса. Что касается этих христиан, живших спустя лет через восемьдесят после смерти Иисуса, они вполне могли читать некоторые Евангелия и, без сомнения, слышали рассказы об Иисусе. Стало быть, можно сделать вывод, что к началу II века существовали представления об Иисусе, но большего из свидетельства Плиния узнать нельзя.

Светоний

Еще меньше толку от свидетельства римского биографа Светония, на которого часто ссылаются в обсуждении историчности Иисуса. Светоний известен своими жизнеописаниями римских императоров. Эту книгу, «Жизнь двенадцати Цезарей» (112 г.), интересно читать и в наши дни. Писателя Роберта Грейвса она даже вдохновила на создание исторического романа «Я, Клавдий» (1934), по которой впоследствии был снят сериал Би-би-си. Ряд исследователей усматривают упоминание об Иисусе в биографии Клавдия, написанной Светонием. (Клавдий был императором в 41–54 годах н. э.) Светоний сообщает следующее:

Иудеев, постоянно волнуемых Хрестом, он изгнал из Рима[32].

При всей лаконичности этого свидетельства, многие ученые считают, что описываемая ситуация в Риме имеет самое прямое отношение к христианству. Согласно этой теории, среди римских евреев разгорелись споры из-за того, что одни верили в Иисуса как в Мессию, то есть Христа (Хреста), а другие не верили. Споры переросли в потасовки, и Клавдий изгнал всех евреев разом.

Это можно соотнести со свидетельством новозаветной Книги Деяний Апостолов, где также упоминается об изгнании Клавдием евреев из Рима (Деян. 18:2). Но вот проблема: если Светоний имел в виду нечто в этом роде, он неправильно написал на латыни титул Иисуса *(Chrestus* вместо *Christus).* Правда, подобного рода орфографические ошибки не были редкостью, но есть еще одна сложность: имя Хрест также существовало. Поэтому нельзя исключать, что волнения в еврейской общине были спровоцированы неким евреем по имени Хрест.

Впрочем, даже если Светоний имеет в виду Иисуса, это не слишком помогает нам в поиске нехристианских упоминаний об Иисусе. К моменту волнений в Риме Иисус уже лет двадцать как умер, поэтому в лучшем случае отрывок из Светония доказывает существование христиан в Риме при Клавдии. Однако это ничего не говорит об историчности Иисуса: с точки зрения мифологистов, «миф» о Христе уже появился к тому времени, как и выдуманная жизнь выдуманного Иисуса.

Более многообещающим выглядит третье упоминание об Иисусе. Оно принадлежит римскому историку Тациту.

Тацит

Знаменитые «Анналы» Тацита (115 г.) описывают историю Римской империи между 14 и 68 годом н. э. Особенно известен его рассказ о грандиозном пожаре в Риме, который случился в 64 году при императоре Нероне. Тацит считает, что император сам организовал

поджог, чтобы осуществить свои архитектурные амбиции, которым мешала старая застройка. Спрятать концы в воду ему не удалось: его заподозрили многие граждане, включая лишившихся дома. Нерону срочно требовался козел отпущения, и, если верить Тациту, он инкриминировал поджог христианам. Население в целом поверило обвинению, сообщает Тацит, ибо усматривало у христиан «ненависть к роду людскому». По приказу Нерона христиан хватали и предавали публичной, мучительной и унизительной смерти. Одних поджигали и использовали в качестве живых факелов для ночного освещения Нероновых садов. Других облачали в звериные шкуры и спускали на них собак, которые разрывали их на куски. Зрелище было не из приятных.

В этом контексте Тацит сообщает:

Нерон… приискал виноватых и предал изощреннейшим казням тех… кого толпа называла христианами. Христа, от имени которого происходит это название, казнил при Тиберии прокуратор Понтий Пилат; подавленное на время это зловредное суеверие стало вновь прорываться наружу, и не только в Иудее, откуда пошла эта пагуба, но и в Риме[33].

Здесь нет имени «Иисус», но ясно, что речь идет об Иисусе, и что Тацит обладает самой общей информацией о нем. Иисус назывался Христом и был казнен в правление Тиберия по приказу Понтия Пилата. Более того, надо полагать, это произошло в Иудее: именно там был наместником Пилат, и именно оттуда пошло христианство. Как мы увидим, все это подтверждает информацию из христианских источников.

Некоторые мифологисты считают, что Тацит не писал этих строк (как не упоминали об Иисусе и Плиний со Светонием), а вставлены они поздними христианскими переписчиками. (Мы не располагаем оригиналами, но лишь поздними копиями.)[34]. Мне неизвестен ни один мало-мальски серьезный филолог-классик или специалист по древнеримской истории, который придерживается этой теории, и она совершенно неправдоподобна. Позиция мифологистов понятна: им не нравится, что Иисус упоминается в каких-либо ранних источниках за пределами Нового Завета, а потому объявляют все такие упоминания поздними христианскими интерполяциями.

Но нельзя же отбрасывать свидетельства лишь потому, что они противоречат твоим концепциям! Безусловно, Тацит знал что-то об Иисусе. Другое дело, что это само по себе не доказывает историчность Иисуса: мало ли, откуда Тацит почерпнул свои сведения. Да и вообще он писал свой труд спустя лет 85 после смерти Иисуса, когда уже существовали христианские рассказы об Иисусе (в частности, Евангелия). И основывался, скорее, на слухах, чем на скрупулезном историческом исследовании: если бы он проделал глубокое исследование, то, видимо, и сказал бы немножко больше. Кроме того, как минимум одну ошибку Тацит сделал: назвал Пилата «прокуратором» Иудеи. Как показывает найденная в 1961 году надпись в Кесарии, Пилат имел титул и ранг не прокуратора (прокураторы были в основном финансовыми администраторами), а префекта (префекты имели под своим началом еще и войска). Судя по всему, Тацит не видел официальные записи о суде над Иисусом (если такие записи вообще существовали, что весьма сомнительно), а основывался на слышанном. О том, кто был источником его информации — христиане или нет, — можно лишь строить догадки.

…Эти три упоминания — единственные из языческих источников, датируемых периодом в сто лет после традиционной даты смерти Иисуса (ок. 30 г. н. э.). Что можно о них сказать?

• *Светоний.* Его свидетельство лучше вообще не учитывать: нет полной уверенности, что он говорит именно об Иисусе.

• *Плиний Младший.* Несколько более полезен: во всяком случае видно, что к началу II века христиане знали о Христе и признавали его божественность.

• *Тацит.* Наиболее полезен: мы видим, что высокопоставленные римские чиновники начала II века считали Иисуса реальным историческим лицом, казненным наместником Иудеи.

Для начала неплохо.

Еврейские источники

Как мы уже сказали, еврейских источников, относящихся к периоду в сто лет после смерти Иисуса, значительно меньше, чем языческих (греческих и римских). Самые поздние из кумранских текстов были, видимо, написаны в I веке до н. э. (вопреки утверждению некоторых маргинальных авторов), а потому отсутствие в них сведений об Иисусе неудивительно. Мы располагаем произведениями выдающегося еврейского философа Филона, написанными в начале — середине I века, и об Иисусе в них нет ни слова. Однако это не вызывает удивления: до его смерти (ок. 50 г.) христианство, видимо, не достигло Александрии. Что касается Палестины, единственным автором, сочинения которого сохранились до наших дней, был Иосиф Флавий. И вопреки жарким протестам мифологи-стов есть все основания считать, что он упоминает об Иисусе дважды.

Иосиф Флавий

Иосиф Флавий — одна из важнейших фигур в древнем иудаизме. Его обширные исторические сочинения — наш основной источник сведений по жизни и истории Палестины I века. В ряде важнейших событий, о которых он рассказывает (в частности, в своей восьмитомной «Иудейской войне»), он принимал личное участие[35].

Иосиф родился через шесть или семь лет после традиционной даты смерти Иисуса. До того, как он взялся за написание книг, он активно участвовал в политических и военных событиях Палестины. В 66 году в Иудее вспыхнуло восстание: ее жители хотели свергнуть римское иго. Иосиф был назначен командующим еврейскими войсками в Галилее (север Палестины). Для подавления восстания римляне ввели легионы из Сирии. Чтобы добраться до центра событий, им пришлось пройти через Галилею. Это удалось без особого труда: войска Иосифа не оказали серьезного сопротивления. Как объяснит впоследствии Иосиф в «Автобиографии», он и его оставшиеся сподвижники были окружены и предпочли самоубийство сдаче. Они бросили пронумерованные жребии: первый должен был быть убит вторым, второй — третьим и так далее. Было ли то удачей или расчетом, Иосиф оказался одним из двух последних. Когда в живых остался лишь он и его товарищ, Иосиф убедил его не налагать на себя руки, а сдаться римлянам.

Поскольку Иосиф был аристократом и военачальником, его привели к римскому полководцу, который возглавлял военную операцию. Звали этого полководца Веспасианом. И тут Иосиф проявил изрядную смекалку: сообщил римлянину об откровении свыше, — Веспасиану суждено стать императором! Вскоре пророчество Иосифа сбылось. В 68 году Нерон совершил самоубийство, и после очень краткого правления еще трех императоров войска Веспасиана объявили его императором. Тогда Веспасиан вернулся в Рим, а вести осаду Иерусалима поручил своему сыну Титу.

Во время трехлетней осады Иосиф выступал в роли толмача. Город пал, еврейских повстанцев перебили, а святой Храм, как и большую часть города, разрушили. Иосиф же попал в Рим и получил престижное место при дворе Веспасиана. При покровительстве императора он написал ряд исторических трудов. Первым из них был рассказ о событиях иудейской войны, в которой он сам сыграл важную роль. За ним последовало другое

сочинение: монументальная двадцатитомная история еврейского народа от Адама (начало начал!) до новейших событий. Называлась эта история «Иудейские древности» и была завершена около 93 года.

В своих текстах Иосиф упоминает многих евреев, особенно повлиявших на социальную и политическую обстановку в Палестине, причем кратко рассказывает и об Иоанне Крестителе. В его повествовании фигурируют также несколько человек с именем Иисус, и дважды это — Иисус из Назарета (во всяком случае, таковы тексты в дошедшем до нас виде).

Данные отрывки проще рассматривать в обратном порядке. Начнем со второго, наиболее лаконичного *(Иудейские древности*, 20.9.1). Иосиф рассказывает об инциденте, который имел место в 62 году, незадолго до восстания: первосвященник Анан, гражданский и религиозный лидер в Иерусалиме, злоупотребил властью. Анан воспользовался той ситуацией, что один римский наместник умер, а другой еще не прибыл, — и незаконно приговорил к смерти Иакова, «брата Иисуса, именуемого Христом»[36]. Как видим, в отличие от вышерассмотренных языческих цитат, Иисус называется здесь по имени. Мы также узнаем о нем следующее: у него был брат по имени Иаков, и некоторые считали его Мессией. Оба этих факта широко подтверждаются христианскими источниками, но любопытно, что Иосиф — в курсе.

Как правило, мифологисты объявляют данное место подложным — вставкой поздних христианских переписчиков. Прежде чем ответить на их доводы, рассмотрим еще один отрывок, вокруг которого идет основная полемика. Ученые называют его *Testimonium Flavianum,* то есть «свидетельство Флавия (о жизни Иисуса)»[37]. Оно значительно пространнее, чем свидетельства, которые мы разбирали выше, и значительно важнее. В лучших рукописях оно выглядит следующим образом:

Около этого времени жил Иисус, человек мудрый, если его вообще можно назвать человеком. Он совершил изумительные деяния и стал наставником тех людей, которые охотно воспринимали истину. Он привлек к себе многих иудеев и эллинов. То был Христос. По настоянию наших влиятельных лиц Пилат приговорил его к кресту. Ноте, кто раньше любил его, не прекращали этого и теперь. На третий день он вновь явился им живой, как возвестили о нем и о многих других его чудесах боговдохновенные пророки. Поныне еще существуют так называемые христиане, именующие себя, таким образом, по его имени.

(Иудейские древности, 18.3.3)

Не нужно глубоко знать сочинения Иосифа Флавия, чтобы озадачиться этим отрывком. Об авторе нам известно многое (как из «Автобиографии», так и из обрывочных упоминаний в других его текстах) — он целиком и полностью принадлежал к иудаизму и не считал себя последователем Иисуса. Между тем некоторые фразы явно вышли из-под пера христианина: Иисус был не просто человеком; Иисус был Мессией и воскрес из мертвых в соответствии с пророчествами Писаний… Большинство исследователей полагают, что еврей Иосиф просто не мог такого написать. Но тогда откуда взялись эти фразы?

Не будем забывать: Иосиф и сам признает, что во время войны с Римом стал перебежчиком. Таким он, в целом, и остался в памяти евреев, которые в последующие века относились к нему без симпатии. Более того, его труды переписывались в Средневековье не евреями, а христианами. Это показывает, чем может объясняться христианский характер некоторых сентенций об Иисусе: воспроизводя текст, христианские переписчики добавили несколько фраз, чтобы создать правильный (с их точки зрения) образ Иисуса как сверхчеловека и Мессию, воскресшего из мертвых по Писаниям.

Однако вот проблема: христианский переписчик ограничился несколькими вставками в уже существовавшее упоминание об Иисусе или придумал весь отрывок целиком? Большинство специалистов по раннему иудаизму и Иосифу Флавию отдают предпочтение первому варианту: христианский переписчик лишь слегка «подправил» текст. Если изъять

фразы явно христианского содержания, отрывок может обрести приблизительно следующий вид[38].

Около этого времени жил Иисус, человек мудрый. Он совершил изумительные деяния и стал наставником тех людей, которые охотно воспринимали истину. Он привлек к себе многих иудеев и эллинов. По настоянию наших влиятельных лиц Пилат приговорил его к кресту. Но те, кто раньше любил его, не прекращали этого и теперь. Поныне еще существуют так называемые христиане, именующие себя, таким образом, по его имени.

Если такова первоначальная форма отрывка, Иосиф обладал основательной исторической информацией об Иисусе: Иисус был известен своей мудростью и учительством, а также имел многочисленных учеников; считалось, что он совершал изумительные деяния; Иисуса приговорили ко кресту из-за выдвинутых против него евреями обвинений; у него сохранились последователи (христиане) и после его смерти.

Мифологисты пытаются доказать, что *весь* данный отрывок — христианская интерполяция. Если так, то вставку можно заподозрить и в именовании Иакова «братом Иисуса, именуемого Христом». Эту теорию подробно аргументировал, в частности, Эрл Догерти в своей более ранней книге «Загадка Иисуса» и в недавней работе «Иисус: не Бог и не человек». С его точки зрения, «есть веские основания считать, что Иосиф Флавий ничего не писал об Иисусе и, вероятно, даже не знал о его существовании»[39]. Свою позицию Догерти обосновывает многочисленными аргументами, частью собственными, а частью заимствованными у прежних авторов. Рассмотрим наиболее осмысленные доводы в пользу этой гипотезы.

Во-первых, некоторые мифологисты (в частности, Дж. Уэллс) считают, что если удалить *Testimonium,* переход от предыдущего отрывка к последующему будет гладким. Таким образом, *Testimonium* выглядит инородным элементом[40]. Однако, как справедливо замечает Догерти, античные авторы часто делали отступления (сносок внизу страниц не существовало!), и в соседних отрывках можно найти другие отступления. Поэтому аргумент нельзя назвать основательным.

Во-вторых, Догерти отмечает, что до Евсевия Кесарийского (начало IV века) ни один христианский писатель не упоминает о *Testimonium.* А ведь в II–III веках многие христианские авторы (в частности, Юстин, Тертуллиан и Ориген) защищали христианство и Иисуса от нападок оппонентов. Никто из них не цитировал *Testimonium.* Но разве не естественно ожидать, что христианские апологеты апеллировали бы к нейтральному свидетельству перед лицом оппозиции среди язычников, если бы располагали таким свидетельством?

По-моему, это слабое рассуждение. Начать с того, что апологеты могли быть незнакомы с упомянутым отрывком. Но даже если и были знакомы, в той версии *Testimonium,* которая получается, если отбросить христианские вставки, нет практически ничего полезного для защиты Иисуса и его учеников от критики со стороны языческих интеллектуалов. Уж слишком она нейтральная: максимум, что можно из нее выжать, это упоминание о мудрости и великих делах Иисуса. А на какие обвинения апологетам приходилось отвечать? Об Иисусе говорили, что он был незаконнорожденным сыном еврейской крестьянки, соблазненной римским солдатом, или что он был малограмотным плотником, или что он не сдерживал свои эмоции, или что он умер позорной смертью на кресте[41]. В предполагаемом оригинале *Testimonium* нет ничего такого, что помогло бы ответить на эти обвинения.

В-третьих, Догерти считает, что отрывок написан не в духе Иосифа Флавия, «который рисует в сугубо черных красках каждого другого мессианского претендента или народного лидера, выступающего против римлян или казненного ими»[42]. И в самом деле, так обстоит дело со всеми претендентами на мессианство, которые были современниками Иосифа: этот

историк, почетный гость при дворе римского императора, считал нужным раскритиковать всякого, кто способствовал антиримским волнениям.

Не будем, однако, забывать: в предполагаемом оригинале *Testimonium* нет ни слова о том, что Иисус притязал на мессианство или был политическим лидером. Он изображен лишь как учитель, по какой-то причине обвиненный еврейскими вождями и казненный. Более того, если читать отрывок не в розовом свете христианской традиции, его можно понимать как в целом негативный по отношению к Иисусу. Раз лидеры еврейского народа были недовольны Иисусом, значит — такова, возможно, логика Иосифа, — для этого были основания. Да и факт его распятия — самая жуткая казнь, какую могли представить римляне, — говорит за себя. Пусть даже Иисус был хорошим учителем, но он был угрозой для государства (или во всяком случае способствовал нарушению общественного спокойствия), а потому власти пошли на решительные и справедливые меры, осудив его.

В-четвертых, Догерти не верит, что Иосиф мог назвать Иисуса «мудрым» и чуть ли не учителем «истины». Ведь если бы Иосиф знал учение Иисуса, он решительно не согласился бы с ним, а потому не высказался бы о нем столь хвалебно.

Опять же это не выдерживает критики. С одной стороны, не факт, что Иосиф знал учение Иисуса. С другой стороны, в учении Иисуса многое пересекалось с учением других знаменитых мудрецов иудаизма: например, о необходимости возлюбить Бога и ближнего, делать добро людям, кормить голодных, заботиться о нищих и угнетенных. Не будем забывать, что в последующие века не только христиане считали ряд высказываний Иисуса мудрыми и истинными.

У Догерти есть и много других аргументов, но, честно говоря, большей частью они еще хуже вышеупомянутых, поэтому мы их рассматривать не будем. Однако в пересмотренном издании книги он подробно резюмирует воззрения Кена Олсона, аспиранта Университета Дьюка, который пытается доказать, что язык *Testimonium* по стилю не соответствует Иосифу Флавию. Олсон был моим студентом, посещал мои аспирантские семинары в Университете Северной Каролины и показал себя как человек весьма проницательный. (К слову сказать, он не сторонник мифологической теории.) Его докторская диссертация посвящена *Testimonium,* а многие ее ключевые аргументы резюмированы в статье, которую он опубликовал в научном журнале *Catholic Biblical Quarterly*[43].

Олсон считает, что *Testimonium* — подделка христианского писателя Евсевия Кесарийского, который первым из известных нам авторов упоминает данный отрывок. Из Евсевия текст постепенно перекочевал в «Иудейские древности». (Все наши рукописи Иосифа относятся к более позднему времени, чем труды Евсевия.) Олсон обосновывает свою гипотезу тщательным анализом лексики *Testimonium.* С его точки зрения, слова и фразы *Testimonium* имеют многочисленные параллели именно в текстах Евсевия, а не Иосифа, что дает основание заподозрить авторство Евсевия.

Аргументы Олсона интересны, но при всем к нему уважении, боюсь, что к настоящему моменту они поставлены под серьезное сомнение. В частности, убедительны ответы таких специалистов по Иосифу и раннему христианству, как Джеймс Карлтон Пейгит и Элис Уили[44]. Как выясняется, лексики в *Testimonium*, которая была бы ближе к Евсевию, чем к Иосифу, практически нет, да и вообще значительная часть отрывка выглядит как вышедшая из-под пера Иосифа. Поэтому скорее всего, в основе своей *Testimonium* восходит к Иосифу[45].

Добавлю еще некоторые соображения. Допустим, переписчику (или Евсевию, или еще кому-то) пришло в голову вставить в «Иудейские древности» отрывок об Иисусе и его добродетелях. Почему он не высказался благочестивее и решительнее? Авторы апокрифических сказаний об Иисусе не стеснялись в фантазиях (скажем, о множестве чудес Иисуса) и высказывались весьма возвышенно, подчеркивая не только мессианство, но и

божественность Иисуса. В сравнении с этим *Testimonium* выглядит блекло: пара относительно сдержанных предложений. Какой уважающий себя христианский апокрифист стал бы так писать? Гораздо правдоподобнее другой сценарий: незначительная правка уже существующего текста (как часто случалось при рукописной передаче античных текстов).

Не случайно большинство ученых по-прежнему считают, что Иосиф действительно упоминал об Иисусе (возможно, приблизительно в той форме, которую я привел выше).

Впрочем, это не главное, что я хочу сказать о *Testimonium.* Главное заключается в следующем: для вопроса об историчности Иисуса непринципиально, подлинный это текст (за вычетом поздних интерполяций) или подложный. Вопрос о том, существовал Иисус или нет, надо решать на других основаниях. И вот почему. Допустим, Иосиф действительно написал *Testimonium.* Это означало бы, что к 93 году (примерно шестьдесят лет после традиционной даты смерти Иисуса) еврейский историк обладал какими-то сведениями об Иисусе. Но откуда взялись эти сведения? Очевидно, Иосиф опирался на рассказы об Иисусе. Крайне маловероятно, что он читал Евангелия или занимался самостоятельным исследованием жизни Иисуса, вникая в римские документы (таковых не существовало). Однако, как мы увидим, к концу I века (и даже ранее) в Палестине *уже* ходили рассказы об Иисусе. Поэтому даже если *Testimonium* (в более краткой форме) принадлежит перу Иосифа, это мало что добавляет к тем свидетельствам, которые и без того у нас есть.

И напротив, если *Testimonium* — текст подложный, это опять-таки не влияет на решение вопроса об историчности Иисуса. Нет оснований считать, что Иосиф обязательно упомянул бы Иисуса, если бы знал о его существовании. Он не упоминает подавляющее большинство евреев I века. Согласно современным оценкам, приблизительное число жителей Палестины в то время составляло около миллиона человек[46] (Это если брать численность на каждый конкретный год. А если считать все годы вместе, цифра будет значительно выше.) Иосиф не упоминает 99 % из них, может быть, даже 99,9 %. Откуда же уверенность, что он обязательно' упомянул бы Иисуса? Могут ответить: человека, который делал удивительные чудеса, нельзя было не упомянуть. Однако этого вопроса мы уже касались: существовал ли Иисус — это один вопрос, а *каким* он был, если существовал, — совсем другой. Поэтому, несмотря на жаркие споры между мифологистами и их оппонентами относительно *Testimonium,* этот отрывок имеет весьма скромную значимость для вопроса об историчности Иисуса.

Раввинистические источники

Для полноты картины скажем несколько слов о еврейском Талмуде, но не потому, что его свидетельство важно, а потому что многие *считают* его важным, обсуждая историчность Иисуса[47].

Талмуд — собрание разнородных материалов, относящихся к раннему иудаизму: споров о соблюдении заповедей, сказаний, речений, обычаев, фольклорных материалов. Большей частью это учения ранних раввинов (еврейских учителей) и рассказы о них. Это собрание было составлено намного позже Иисуса. Ядро Талмуда составляет *Мишна* — свод устной раввинистической традиции, касающейся соблюдения еврейского Закона. Записан он был в начале III века, лет через двести после смерти Иисуса. Однако большую часть Талмуда составляют комментарии последующих раввинов на Мишну. Они называются *Гемарой.* Существуют два пространных свода таких комментариев: один был составлен еврейскими учеными Палестины в IV веке, а другой — еврейскими учеными Вавилонии в V веке. Последний наиболее авторитетен.

В течение долгого времени ученые считали, что Талмуд содержит исторически надежную информацию о еврейской жизни, законах и обычаях гораздо более раннего

периода (в том числе I века). В наши дни так думают лишь немногие критические исследователи. Остальные же видят в этих текстах продукт своего времени, хотя и использующий более ранние устные традиции.

В древнейшей части Талмуда, Мишне, об Иисусе нет ни слова. Он упоминается лишь в более поздних комментариях Гемары. Более того, он не называется по имени: раввины говорят о нем лишь намеком. Например, есть отрывки о некоем «Бен Пантере» («сыне Пантеры»). Пантерой обычно называли римского солдата, который соблазнил Марию (в этих отрывках она именуется парикмахером). Соответственно, их сын был незаконнорожденным. Ученые давно заподозрили в этих преданиях завуалированные нападки на христианское учение о рождении Иисуса от девы. Дело в том, что по-гречески «девственница» — это «партенос» (близко по звучанию с «Пантера»).

Другие отрывки сообщают, что Иисус был колдуном и учился колдовству в Египте. (Вспомним евангельские сообщения о бегстве Иосифа и Марии в Египет вскоре после рождения Иисуса, и о способности уже взрослого Иисуса творить чудеса.) Согласно Талмуду, Иисус имел пять учеников и был повешен накануне Пасхи, причем после обвинения были выделены сорок дней на то, чтобы выступили свидетели защиты, если таковые найдутся. (Судя по всему, здесь в искаженном виде отражены евангельские рассказы о казни Иисуса во время Пасхи. Евангелия сообщают, что суд над Иисусом был очень быстрым — фактически судебной расправой, — а казнь состоялась примерно через двенадцать часов после ареста.)

Эти талмудические упоминания об Иисусе появились спустя столетия после его жизни, а потому ничего не дают для решения волнующего нас вопроса. К тому моменту христианство было важным фактором в Римской империи, и все христиане, рассказывая об Иисусе, считали его реальным историческим лицом. Поэтому если нам нужны свидетельства, которые подтвердили бы его существование, следует обращаться к другим источникам.

3 Евангелия как исторические источники

В начале предыдущей главы я уже упоминал об одной странной критике, которая подчас звучит в мой адрес. Скажу еще об одной. Время от времени в рецензии или письме по электронной почте кто-нибудь высказывает нелицеприятные замечания по поводу той или иной моей книги и по ходу дела замечает, что я (а) безосновательно нападаю на Библию и (б) не говорю ничего нового, но лишь воспроизвожу то, что ученые знали уже давно. На пункт (а) я ответил в главе 2, а сейчас замечу, что данная критика звучит противоречиво. В частности, откуда мысль, что я нападаю на что-либо, если всего лишь «повторяю» давно известные вещи? Нужно выбрать какое-то одно обвинение: оба сразу невозможны.

Впрочем, я понимаю обвинителей: очень консервативные евангельские и фундаменталистские христиане не согласны с тем, что другие ученые говорят о Библии. И, по сути, им не нравится мое решение сделать эту информацию достоянием широкого круга читателей. Я же смотрю на вещи иначе: люди вправе знать, к чему пришли ученые, затратившие бесчисленные часы, дни, месяцы и годы на решение сложных вопросов. Сбрасывать это все со счета — дескать, «старо», — попросту неконструктивно. Мои популярные книги (в отличие от моих узкопрофессиональных книг, рассчитанных на очень узкую аудиторию) предназначены неспециалистам. В них я пытаюсь, в том числе, рассказать простым языком об интереснейших научных находках. Что в этом плохого?

Так обстоит дело и с данной главой. Я не пытаюсь продвинуть науку вперед или обосновать новую теорию. Глава излагает вещи, с точки зрения ученых, банальные: более того, большей частью это стандартная информация, с которой так или иначе согласятся даже консервативные критики. Речь пойдет о том, почему евангельские источники помогают понять, существовал ли Иисус. На мой взгляд, чем глубже мы поймем Евангелия и их происхождение, тем яснее нам станет: перед нами убедительное свидетельство того, что Иисус действительно существовал, жил в римской Палестине и был распят при Понтии

Пилате. Как станет ясно в последующих главах, это не единственное свидетельство историчности Иисуса. Однако начинать следует именно с него.

Предварительные замечания о Евангелиях как исторических источниках

Как мы вскоре увидим, Евангелия, их источники и стоящие за ними устные традиции, позволяют убедительно обосновать историчность Иисуса. Я не хочу сказать, что абсолютно *все* евангельские сведения достоверны: чего нет, того нет. Взять хотя бы многочисленные противоречия между евангелистами и в крупных, и в малых вопросах: если об одном и том же событии рассказано по-разному, оба рассказа не могут быть точными… А ведь если читать Евангелия внимательно, вникая в детали, расхождений набирается довольно много. Богословские тенденции, которые образуют такие детали, вместе взятые, подчас также сложно примирить друг с другом.

Тем не менее историческая информация в Евангелиях есть. В чем она состоит, можно выяснить путем тщательного критического анализа.

Однако прежде чем приступить к нему, скажем несколько слов о Евангелиях как исторических источниках. Подчас новозаветные Евангелия ставят особняком от других исторических свидетельств и подходят к ним с особыми мерками, поскольку они входят в Библию, собрание книг, которые христиане считают Священным Писанием. Так себя ведут две диаметрально противоположные группы читателей, и на мой взгляд, совершенно напрасно. Как бы ни относиться к Евангелиям (скажем, в христианских общинах), в них можно и нужно видеть источники исторической информации.

На одном конце спектра стоят консервативные и фундаменталистские христиане. По их мнению, Евангелия — тексты совершенно уникальные в силу своей богодухновенности. А значит, их нельзя исследовать с историко-критических позиций, как мы поступаем с прочими литературными произведениями.

Такой подход мне представляется ошибочным. И не только лишь потому, что я агностик и не верю в богодухновенность Библии. Я считал его неправильным еще в свою бытность глубоко верующим христианином. Дело вот в чем: верите вы в богодухновенность библейских книг или нет, они остаются книгами. Они написаны людьми, которые жили в определенной исторической обстановке, и отражают эту обстановку. Литература есть литература. Библейскую литературу следует читать так, как мы читаем литературу вообще: не существует особой «богодухновенной» герменевтики, ниспосылаемой свыше, для истолкования подобных текстов. Библейские авторы были людьми (независимо от степени богодухновенности), писали на человеческих языках и в человеческих условиях, в соответствии с риторическими условностями своего времени. Как бы мы ни относились к этим текстам, это произведения человеческие и исторические. Если мы будем это отрицать, мы совершенно их не поймем.

На противоположном конце спектра стоит еще одна группа, которая требует относиться к Библии по-особому. Это убежденные агностики и атеисты. По их мнению, сам факт принадлежности Евангелий христианскому канону нивелирует их ценность в качестве источника исторической информации. Парадоксально, но факт: неверующие здесь сближаются с фундаменталистами. И те, и другие отказываются видеть в Евангелиях тексты исторические: фундаменталисты — из-за своей веры в богодухновенность Евангелий, а атеисты (сторонники данной точки зрения) — из-за христианской веры в священный характер Евангелий.

Подход, который подчас избирают атеисты, ничем не лучше типичного фундаменталистского подхода. Ведь авторы книг, которые впоследствии вошли в Библию, понятия не имели, что их труды войдут в канон. Да и вообще, вполне возможно, даже не собирались создавать Священное Писание. Евангелисты — неизвестные нам по имени грекоязычные христиане, жившие спустя 35–65 лет после традиционной даты распятия Иисуса, — лишь записывали слышанное о жизни Иисуса. Одни из этих рассказов были достоверными, другие — нет. Но евангелисты вовсе не брались за перо, желая создать священный текст для последующего христианства. Их задача была более простой: написать об Иисусе.

Эти авторы не имели отношения к последующим событиям, когда их произведения были сочтены богодухновенными, помещены в канон и названы Новым Заветом. Они живые люди из плоти и крови. Ранее они слышали об Иисусе (и, наверное, даже читали некоторые рассказы), а теперь решили написать свою версию событий. «Лука» (условно назовем этого евангелиста его традиционным именем) говорит об этом прямым текстом в первых строках своего Евангелия:

Как уже многие начали составлять повествования о совершенно известных между нами событиях, как передали нам то бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова, то рассудилось и мне, по тщательном исследовании всего сначала, по порядку описать тебе…
(Лк 1:1–3)

Конечно, не надо думать, что евангелисты писали нейтральные и беспристрастные отчеты о жизни Иисуса. Ничего подобного им и в голову не приходило, и критические исследователи должны постоянно помнить, что в определенных вопросах эти авторы предубеждены. Тем не менее они передавали услышанное, используя исторически обусловленные риторические нормы. Последующая канонизация их трудов в христианских церквях не дает нам права отказываться от использования их в исторических целях. Сбрасывать Евангелия со счета как исторические источники ненаучно и нечестно.

Однако некоторые мифологисты именно так и поступают. Возьмем лишь один пример. Согласно Евангелию от Луки, родным городом Иисуса был Назарет. Как мы увидим, многие мифологисты отрицают само существование Назарета во времена Иисуса, а данные Луки и прочих евангелистов не принимают во внимание, поскольку это часть Библии. Однако Лука не сам придумал, что Иисус был связан с Назаретом: он лишь записал услышанное из устной традиции! И здесь не в том дело, могли ли ошибиться его источники, а в том, что нельзя отказываться от его свидетельства лишь потому, что оно содержится в христианском каноне. Рассказы Луки об Иисусе имеют не больше и не меньше веса, чем произведения любого другого античного биографа (например, Светония или Плутарха). Или, если угодно, можно сравнить Евангелие от Луки с другими религиозными биографиями (например, «Жизнью Аполлония Тианского» Филострата).

Возьмем аналогию. Мы не сбрасываем со счета рассказы об американской войне за независимость лишь на том основании, что они написаны американцами. Мы лишь учитываем, что в отдельных вопросах источники могут быть предвзяты, а потому не принимаем все описания за чистую монету. Но мы не отказываемся от использования их как исторических источников. Рассказы современников о Джордже Вашингтоне весьма ценны, даже если принадлежат его горячим сторонникам. Не принимать их во внимание — значит жертвовать замечательной возможностью узнать о прошлом, да еще и по чисто идеологическим (не научным) причинам.

Так обстоит дело и с Евангелиями. Богодухновенны они или нет, их можно рассматривать и использовать как исторические источники. Но что же можно сказать о них и их свидетельстве о жизни исторического Иисуса?

Евангелия и их письменные источники

Если согласиться, что Евангелия могут и должны быть использованы как исторические источники аналогично тому, как мы работаем с другими историческими источниками (с учетом субъективности авторов), становится понятным, почему практически все историки считают, что Иисус из Назарета действительно жил в Палестине в I веке и был распят префектом Иудеи. Дело не в слепом доверии евангельскому слову (как бывает у христианских фундаменталистов), а в целом ряде более тонких причин, известных специалистам. По причинам, о которых речь пойдет ниже, огульным скептикам не покажутся убедительными наши рассуждения, но надо же с чего-то начинать. Хорошо начать с имеющихся свидетельств, которые сохранились до наших дней.

Мы уже говорили, что при выяснении историчности того или иного лица или события, историки во многом ориентируются на множественность независимых источников. Именно такими независимыми источниками являются Евангелия с их свидетельством об Иисусе. Древнейшее из Евангелий — это, видимо, Евангелие от Марка. Согласно выводам исследователей Нового Завета (как либеральных, так и консервативных), оно было написано около 70 года нашей эры. (Некоторые консервативные ученые дают более раннюю датировку, но лишь очень немногие либералы — гораздо более позднюю.) Далее мы остановимся на вопросе об источниках Марка, а пока ограничимся простым фактом: приблизительно через сорок лет после (предполагаемой) жизни Иисуса был создан пространный отчет о многих его словах и делах, а также о его смерти через распятие. (О том, до какой степени данный отчет исторически достоверен, мы скажем отдельно. Это совершенно отдельный вопрос.)

Подавляющее большинство исследователей Нового Завета также считают, что Матфей и Лука знали Евангелие от Марка и активно использовали его при написании своих Евангелий. Эта гипотеза почти наверняка правильна: в ее пользу существуют многочисленные аргументы[48]. Как мы увидим в главе 7, некоторые мифологисты делают отсюда далеко идущие выводы: дескать, Евангелия от Матфея, Луки и даже Иоанна восходят к Марку, а значит, у нас есть лишь один источник по жизни Иисуса. Но это очень далеко от истины. Действительно, Матфей и Лука пользовались Марком, но значительные части их Евангелий никак не связаны с рассказами Марка и отражают обширные и независимые предания о жизни, учении и смерти Иисуса. Эти Евангелия, видимо, были написаны лет через десять-пятнадцать после Марка, так что к 80–85 годам существовали как минимум три независимых рассказа о жизни Иисуса (коль скоро целый ряд эпизодов у Матфея и Луки не восходит к Марку). А ведь едва минуло поколение со времени жизни Иисуса!

Это еще не все. Есть и другие независимые Евангелия. Вспомним Евангелие от Иоанна, в котором подчас видят чуть ли не «чудачество»: столь сильно оно отличается от синоптических рассказов Матфея, Марка и Луки[49]. У Иоанна лишь повествование о Страстях содержит ряд пересечений с синоптиками, — большинство же более ранних эпизодов не имеют синоптических параллелей, а где имеют, все равно Иоанн подает события в особом ключе и черпая свои представления о них не из синоптиков[50]. Впрочем, и рассказ Иоанна о смерти Иисуса самобытен. Обычно считается, что Евангелие от Иоанна — самое позднее из канонических Евангелий и было написано в 90–95 годы н. э. Тогда получается, что к I веку относятся целых четыре независимых повествования о жизни и смерти Иисуса: Матфей и Лука независимы во многих отрывках, а Иоанн — в большинстве отрывков (возможно, во всех отрывках).

Заметим также, что есть и более поздние Евангелия, причем независимые. Самый яркий пример — Евангелие от Фомы (сборник из 114 речений Иисуса). С момента его открытия (1947 г.) ученые спорят о его датировке[51]. Кое-кто даже датирует его I веком (более того,

даже более ранним временем, чем все или некоторые канонические Евангелия), но все-таки более распространена гипотеза, что в своей нынешней форме текст был написан в начале II века (возможно, в 110-е годы). Также гипотеза о зависимости Фомы от Матфея, Марка и Луки в некоторых речениях (около половины высказываний в Фоме имеют параллели у синоптиков) менее популярна, чем версия о независимости Фомы: чаще думают, что Фома черпал информацию из каких-то других источников. Как бы то ни было, значительная часть Фомы не восходит к каноническим текстам, а значит, ее можно считать пятым независимым свидетельством о жизни и учении Иисуса.

Аналогичным образом обстоит дело с Евангелием от Петра. Фрагмент из него, говорящий о суде над Иисусом, Страстях и Воскресении Иисуса, обнаружили в 1886 году[52]. Несмотря на определенное сходство с некоторыми отрывками в канонических Евангелиях, многие исследователи полагают, что данное произведение носит независимый характер и основано на неканонических источниках. Поныне не утихают споры относительно того, сколь обширный рассказ об Иисусе содержало это Евангелие, — сохранившийся фрагмент начинается на середине фразы и сцены с омовением рук Пилатом. (Эта сцена есть и у Матфея, но здесь она описана иначе и, видимо, с опорой на другой источник.) Некоторые исследователи полагают, что текст излагал лишь события Страстей, но более убедительная гипотеза гласит, что это было полновесное Евангелие, повествовавшее также и о служении Иисуса[53]. Как бы то ни было, поскольку оно во многом отличается от других Евангелий (и как минимум, в ряде отрывков, не зависит от них), перед нами шестое независимое евангельское свидетельство о жизни и смерти Иисуса.

Еще один независимый отчет мы находим в так называемом папирусе Эджертона 2[54]. Сложно сказать, сколь пространным было данное произведение: от него остался лишь маленький фрагмент с четырьмя эпизодами из жизни Иисуса, один из которых не имеет параллели ни в канонических, ни в неканонических Евангелиях[55]. Здесь как минимум в одном отрывке (а возможно, и во всех четырех) мы располагаем седьмым независимым свидетельством об Иисусе.

Как известно, существует и множество других неканонических Евангелий, числом около сорока. Они продолжали создаваться вплоть до начала Средневековья. Среди них есть, в частности, рассказы о детстве Иисуса (Иисус творит чудеса — иногда на благо окружающим, иногда нет), о его проповеди, смерти и воскресении. Почти все они носят в высшей степени легендарный характер, и чем позднее их датировка, тем меньшую ценность они представляют в качестве источника по жизни Иисуса. Но если ограничиться, как мы и поступили, столетием после традиционной даты смерти Иисуса, у нас будут семь независимых рассказов, подчас весьма пространных. (Важно помнить: хотя между отдельными источниками есть взаимозависимость в одних отрывках — например, Матфей и Лука используют Евангелие от Марка, — в других отрывках эти источники являются независимыми свидетельствами.) И никак нельзя говорить, что единственного свидетеля историчности Иисуса мы имеем в лице Марка: есть еще шесть произведений, в той или иной степени независимых. Для историка это настоящий кладезь, о котором исследователи иных вопросов античной истории могут лишь мечтать.

Кто-то отмахнется от евангельских свидетельств: дескать, евангелисты писали поздно (самый ранний из них — через четыре десятилетия после Иисуса), да и были предвзяты… Об этом мы поговорим ниже. А пока посмотрим, откуда они черпали свою информацию об Иисусе.

Письменные источники сохранившихся свидетельств

Мифологисты, сбрасывающие Евангелия со счета в качестве свидетелей историчности Иисуса, часто недооценивают следующий факт: да, эти тексты начали появляться через сорок лет после традиционной даты смерти Иисуса, но они были основаны на более ранних письменных источниках. Эти источники до нас не дошли, но коль скоро они существовали, они относились к более раннему периоду, чем Евангелия. Еще раз вспомним пролог Евангелия от Луки:

Как уже многие начали составлять повествования о совершенно известных между нами событиях, как передали нам то бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова, то рассудилось и мне, по тщательном исследовании всего сначала, по порядку описать тебе…. (Лк 1:1–3)

Как мы увидим, к информации евангелистов следует относиться осторожно и критично. Однако нет оснований полагать, что Лука лжет. Ему были известны «многие» более ранние авторы, составившие повествования о жизни Иисуса. Начиная с середины XIX века, в науке постепенно образовался консенсус относительно того, каковы были эти источники. Разумеется, я не хочу сказать, что среди ученых царит полное единодушие во всем — идут оживленные споры о частностях, — однако в плане общей картины согласие есть. В основе этого согласия лежат тщательные анализы. Анализы проводились учеными, положившими жизнь на изучение соответствующих вопросов.

Согласно мнению почти всех специалистов, Лука использовал, в частности, Евангелие от Марка. Этот факт любопытен: ведь замечание Луки о «многих» более ранних авторах наводит на мысль, что он не считал их труды идеальными. Вот почему он вознамерился изложить все «по порядку» (в противовес предшественникам?). Если мы правильно поняли подтекст его заявления, получается, что либо он не был очень лестного мнения о Евангелии от Марка, либо оно не подходило для его целей. Поэтому он взялся за перо самолично. Вместе с тем многое в Марке ему нравилось, коль скоро он воспроизвел целый ряд его отрывков (подчас дословно). Но были у него и другие источники.

Об одном из них мы уже говорили: не сохранившееся до наших дней Евангелие, которые ученые обозначают литерой Q[56]. Основания считать его более ранним, чем синоптики, и доступным синоптикам, связаны с литературной взаимосвязью между Евангелиями от Матфея, Марка и Луки. На наличие прямой литературной взаимосвязи указывает следующий факт: они рассказывают множество одинаковых историй, причем часто в одинаковой последовательности и одинаковыми словами. Ясно, что кто-то у кого-то переписывает.

Далеко не все отрывки были заимствованы Матфеем и Лукой у Марка: у них есть ряд общих отрывков, которые у Марка отсутствуют (например, молитва Господня и заповеди блаженства). Есть веские основания полагать, что Матфей и Лука работали независимо друг от друга, и лучше всего объясняет факты гипотеза, согласно которой они пользовались общим источником[57].

Немецкие ученые, наиболее полно разработавшие данную гипотезу, обозначили гипотетический текст словом *Quelle* («Источник»). Впоследствии стали сокращенно писать не *Quelle*, а Q. Получается, что Q — это материал, который есть у Матфея и Луки, но отсутствует у Марка. Он взят из письменного Евангелия, не сохранившегося до наших дней. Судя по всему, Q состоял в основном из речений Иисуса (как и более позднее Евангелие от Фомы). По мнению большинства ученых, Q не содержал рассказов о смерти и воскресении Иисуса (коль скоро повествования Матфея и Луки о Страстях не содержат общих материалов, отсутствующих у Марка). На мой взгляд, спешить с выводами не стоит: не исключено, к примеру, что Матфей переписал некоторые сцены Страстей из Q, а Лука не стал этого делать. Вдруг какие-то эпизоды, имеющиеся только у Матфея, были взяты именно из Q — Лука же решил о них не упоминать? Выяснить это у нас нет возможности.

Независимо от того, содержал ли Q рассказ о смерти и воскресении Иисуса, он, видимо, был написан не позже Евангелия от Марка. Многие ученые относят его к 50-м годам.

Лука, по его собственным словам, использовал и другие источники. Точное их число он не называет. Однако мы видим, что Лука приводит множество историй, о которых другие евангелисты не упоминают (например, притчи о блудном сыне и милосердном самаритянине). Данные отрывки он почерпнул откуда-то еще: ученые предоставили убедительные аргументы в пользу того, что он не выдумал все подряд. В науке «особый материал Луки» обозначается литерой L. Этот материал мог быть взят из одного источника или из ряда источников. За ним может стоять также комбинация письменных документов и устных преданий (об устных преданиях мы поговорим ниже).

Основывался на письменных источниках и Матфей. Подобно Луке, он пользовался Марком (даже еще активнее, чем Лука) и Q. Однако он также включил ряд эпизодов, отсутствующих в других Евангелиях (например, притчу об овцах и козлищах). Эти эпизоды составляют так называемый «особый материал Матфея» (обозначается литерой M). Как и L, M мог быть заимствован из одного письменного источника, или из ряда письменных источников, или из сочетания письменных источников и устных преданий.

Таким образом, в случае с синоптическими Евангелиями от Матфея, Марка и Луки, мы имеем дело не просто с тремя книгами, написанными в конце I века, но как минимум с четырьмя источниками (Марк, Q, M, L), причем последние два источника могли включать в себя несколько или даже много письменных источников.

Многие авторитеты по Евангелию от Марка полагают, что в его основу были положены не только устные предания, но и письменные источники. Часто высказывается версия, что Марк воспользовался письменным рассказом о Страстях, в котором были изложены события ареста, суда, смерти и воскресения Иисуса. Джоэль Маркус в своем монументальном двухтомном комментарии утверждает, что Марк использовал как минимум один источник в рассказе о словах и делах Иисуса, предшествующих Страстям[58]. Если он прав, то не только поздние синоптики, но и древнейшее из сохранившихся Евангелий основано на множестве источников.

Согласно широкому мнению, целый ряд письменных источников, утраченных к настоящему моменту, был положен в основу Евангелия от Иоанна. Как мы уже сказали, тезис о независимости Иоанна от синоптиков строится на том, что об одних и тех же событиях они рассказывают очень по-разному и всегда разными словами. Однако ученые давно высказали мысль, что у Иоанна был в распоряжении письменный рассказ о чудесах Иисуса («источник знамений») как минимум два текста с длинными речами Иисуса («источники речей»), а также, возможно, еще один рассказ о Страстях[59].

До сих пор мы вели речь лишь о четырех канонических Евангелиях. Сложно сказать с полной уверенностью, восходят ли к более ранним источникам какие-либо из более поздних Евангелий, в частности, Евангелие от Петра и Евангелие от Фомы (хотя некоторые исследователи высказали интересные аргументы в пользу положительного ответа на этот вопрос). Особенно впечатляют выкладки Эйприл Деконик, которая полагает, что в основу Евангелия от Фомы было положено некое Евангелие, существовавшее еще до 50 года н. э..[60]

Все эти письменные источники появились раньше, чем дошедшие до нас Евангелия. Все они подтверждают многие евангельские утверждения об Иисусе. Наиболее же существенна их независимость друг от друга. Подчеркнем этот последний момент: не надо думать, что раннехристианские Евангелия восходят к одному источнику, автор которого «изобрел» человека Иисуса. Историчность Иисуса предполагается в многочисленных и независимых друг от друга источниках, которые имели хождение в самых разных частях Римской империи за десятилетия до известных нам Евангелий. Какой уж там «один-единственный источник»! Уже через пару десятков лет после традиционной даты распятия мы видим многочисленные

рассказы о жизни Иисуса, распространенные по широкому географическому ареалу. В дополнение к Марку, у нас есть Q, M (возможно, состоящий из многих источников), L (возможно, состоящий из многих источников), как минимум два рассказа о Страстях, источник знамений, два источника речений, основа Евангелия от Фомы (и возможно, некоторые другие тексты). И это лишь то, о чем мы знаем, о чем можем делать выводы на основании небольшого числа сохранившихся раннехристианских текстов. Никто не знает, сколько еще текстов существовало: Лука пишет о «многих» и, возможно, не без оснований… И опять-таки это еще не все.

Критика форм и устные предания об Иисусе

Первоначальный толчок исследованию Евангелий с позиции «критики форм» дал известный исследователь Нового Завета Карл Людвиг Шмидт. Этот подход развивали такие знаменитые ученые как Мартин Дибелиус и особенно Рудольф Бультман (пожалуй, самый великий и самый авторитетный специалист по Новому Завету в XX веке)[61].

Критика форм занималась процессом устной передачи рассказов об Иисусе. Предпосылка состояла в следующем: после смерти Иисуса, когда христианские миссионеры основывали церкви по всему Средиземноморью, истории об Иисусе рассказывались и пересказывались в самых разных ситуациях. Представители критики форм спрашивали: как именно разные виды рассказов обрели ту форму, какую обрели? Скажем, почему многие рассказы о чудесах построены по одному образцу? Человек подходит к Иисусу; следует описание его проблемы (болезни); после краткого обмена репликами Иисус соглашается совершить исцеление; исцеление осуществляется через слово или прикосновение; присутствующие изумлены. Практически все рассказы о чудесах состоят из одних и тех же элементов.

Или взять рассказы о спорах. Иисус или его ученики делают нечто неправильное, с точки зрения еврейских вождей; вожди протестуют; Иисус разговаривает с ними; сцена завершается лаконичной репликой Иисуса, в которой он расставляет все по своим местам. Раз за разом — одна и та же форма.

Критика форм заострила внимание на двух вопросах: каким было «место в жизни» (нем. *Sitz im Leben*) рассказов об Иисусе? И как разные виды рассказов обрели свою форму, то есть как получилось, что возникла одна форма для рассказов о чудесах — другая для рассказов о спорах и т. д.? Ответы критиков на эти вопросы не совпадали в частностях, но были едины в главном. А именно, повествования об Иисусе складывались в процессе рассказа и пересказа. Так они обрели свои характерные формы. Это означает, что по ходу дела рассказы модифицировались (подчас сильно), а то и выдумывались, с прицелом на нужды христианских общин. Допустим, евреи из местной синагоги ругали общину за недостаточно строгое соблюдение субботы. Тогда общинники могли выдумать рассказ о споре Иисуса с оппонентами по этому вопросу. Дескать, вот как блестяще Иисус заткнул противников за пояс!

Насколько я знаю, многие тезисы Шмидта, Дибелиуса и Бультмана сейчас не разделяются учеными: все-таки вышеназванные авторы были первопроходцами. Однако с их базовой идеей и поныне согласны многие: до написания Евангелий (и даже до создания источников Евангелий) в церкви имели хождение устные предания об Иисусе; в процессе рассказа и пересказа предания модифицировались, а кое-что выдумывалось. Мы уже касались вскользь этого вопроса в связи с M и L: не исключено, что за данными евангельскими слоями стоят не письменные документы, а полностью или частично устные традиции. В конечном счете, это можно сказать обо всех источниках по историческому

Иисусу: все они восходят к устным традициям. И это очень важно для решения вопроса о существовании Иисуса.

Возникает следующая картина. Об Иисусе ходили рассказы задолго до появления Евангелий и даже их письменных источников. Возьмем два примера. Если верна научная гипотеза, что Q и Евангелие от Фомы возникли в 50-е годы на основе устных преданий, сколь далеко в прошлое уходят эти предания? Всем, кто признает существование Иисуса, ответить на этот вопрос несложно: они восходят к словам и делам Иисуса (ок. 29/30 года н. э.). Но даже тем, для кого существование Иисуса неочевидно, следует признать, что такие рассказы имели хождение в 30—40-е годы.

Есть и такой момент: как мог Павел (да и не он один) преследовать христиан, если христиане не существовали? И как они могли существовать, не зная ничего об Иисусе?

Мифологисты часто отвечают: христиане, гонимые Павлом (до обращения), да и более поздние христиане, обращенные им самим, не считали Иисуса исторической личностью, а почитали лишь божественного Христа. Образ божественного Христа якобы основан на языческих мифах об умирающих и воскресающих божествах. О недостатках этой гипотезы мы еще поговорим. (Один из них состоит в том, что Павел пишет об Иисусе именно как о человеке, учителе, распятом по инициативе еврейских вождей в Палестине.) Но даже если вынести Павла за скобки, есть все основания полагать, что рассказы об Иисусе имели хождение в крупных городах Средиземноморья с очень раннего периода. В противном случае откуда бы взялись письменные источники середины и конца I века? Эти источники независимы друг от друга. Они написаны в разных местах. Они очень по-разному подают учение и жизнь Иисуса. И все же многие их них (повторимся, независимо друг от друга!) согласны относительно основных аспектов жизни и смерти Иисуса: к примеру, он был еврейским учителем в Палестине и был распят по приказу Понтия Пилата. Откуда это взяли источники? Такие вещи нельзя списать на плод христианской фантазии: как получилось, что у людей в разных местностях она работала в одинаковом направлении, — и ведь совпадений действительно много! Ясно, что христиане основывались на устных традициях. И эти устные традиции передавались в течение очень длительного времени до того, как были записаны… Все это, заметим, отнюдь не пустопорожние домыслы. Особенности дошедших до нас рассказов об Иисусе в письменных Евангелиях — хотя евангелисты активно более ранние письменные отчеты, — показывают, что эти рассказы восходят к устным традициям (ср., напр., Лк 1:1–3) и распространялись в течение длительного времени (с появления христианства в Палестине!).

Арамейское происхождение (некоторых) устных преданий

Евангелия написаны на греческом языке (как и их источники), однако частично они восходят к преданиям на арамейском языке, языке Палестины. Эти предания имели хождение уже в первые годы христианства, до того как оно распространилось в грекоязычные земли разных областей Средиземноморья.

Скажем, в нескольких евангельских отрывках оставлены слова на арамейском: транслитерированы греческими буквами, а рядом поставлен перевод. Взять хотя бы рассказ о воскрешении девочки (Мк 5). Там описан следующий случай: к Иисусу подходит Иаир, один из начальников синагоги, и просит исцелить его тяжелобольную дочь. Иисус соглашается, но по дороге его задерживают. К Иаиру подходят с вестью, что девочка умерла, но Иисуса это не смущает. Он приходит в дом, входит в комнату девочки, берет ее безжизненную руку в

свою и произносит: «Талифа куми!» Это не греческая фраза, а арамейская. Поэтому Марк снабжает ее переводом: «Девица, тебе говорю, встань». Она встает, ко всеобщей радости.

Этот рассказ изначально имел хождение по-арамейски, и переводчик на греческий оставил ключевую арамейскую фразу, требовавшую, однако, перевода для грекоязычных читателей. Кому-то это покажется странным, но ничего странного здесь нет. Такие вещи можно на каждом шагу встретить даже в наши дни в многоязычных обществах. К примеру, когда я учился в аспирантуре, у нас был преподаватель, который долго жил в Германии и хорошо знал немецкий язык. От студентов также требовалось знание немецкого (чтобы изучать научную литературу). Однако большинство из нас могли лишь читать, а не говорить по-немецки. Между тем профессор не снисходил к нашим слабостям. Частенько он рассказывал (по-английски) какую-нибудь историю из немецкой жизни, но доходя до ключевого момента, переходил на немецкий: в оригинале фраза звучала смешнее. Мы же старались уловить момент, когда нужно смеяться: не хотелось огорчать хорошего человека своим непониманием…

Так и с Евангелиями. Ключевая фраза оставлена по-арамейски. Аналогичным образом, в конце евангельского рассказа Иисус восклицает на кресте по-арамейски: «Элои! Элои! ламма савахфани?» (Мк 15:34). Марк поясняет смысл фразы: «… что значит: Боже мой! Боже мой! Для чего Ты меня оставил?»

Мы наблюдаем это не только в Евангелии от Марка. Евангелие от Иоанна, независимо от других Евангелий, содержит ряд арамейских слов. В одном только отрывке Ин 1:35–52 есть три случая.

• Узнав от Иоанна Крестителя, что Иисус есть «Агнец Божий», два ученика хотят познакомиться с Иисусом. Подойдя к нему, они обращаются к нему: «Рабби!» Евангелист переводит для читателя это арамейское слово: «…что значит: учитель».

• Когда Андрей, один из двух учеников, убеждается в мессианстве Иисуса, он идет к своему брату Симону и говорит: «Мы нашли Мессию». Опять же евангелист поясняет это арамейское слово: «…что значит: Христос».

• Затем Иисус беседует с Симоном и говорит: «Ты наречешься Кифа». Евангелист дает расшифровку этого арамейского слова: «… что значит: камень (Петр)».

Практически все специалисты считают, что ряд евангельских рассказов изначально передавался по-арамейски, а значит, восходят к древнейшему периоду христианской истории в Палестине. На это указывает еще одно существенное обстоятельство: некоторые евангельские отрывки не содержат арамейские слова, но зато имеют смысл лишь при обратном переводе греческих слов и фраз на арамейский. Это означает, что данные материалы восходят к арамейским преданиям, которые лишь впоследствии стали распространяться на греческом языке.

Один из ярких примеров мы находим в Мк 2:27–28, где Иисус дает краткий, но решительный, ответ своим оппонентам. Сцена такая: его ученики идут в субботу через поле и, будучи голодны, начинают срывать колосья. При виде этого фарисеи — в Евангелии от Марка фарисеи по-истине вездесущи! — возмущаются: с их точки зрения, ученики нарушили субботу. Иисус же, согласно Марку, смотрит на ситуацию иначе: человеческие нужды (в данном случае голод) важнее педантизма в соблюдении субботы. Поэтому он отвечает: «Суббота для человека, а не человек для субботы; посему Сын Человеческий есть господин и субботы».

Фраза необычна. Мы знаем, что в Евангелии от Марка Сыном Человеческим именуется Иисус. Но даже если он есть «господин субботы», как это отвечает на критику фарисеев? Ведь они говорили о нарушении субботы учениками Иисуса, а не им самим! Более того, фраза не вполне последовательна. Иногда я советую студентам: когда видите в тексте слово «поэтому», проверяйте логическую цепочку. В данном же случае, концы с концами не

сходятся: как из первой части («суббота для человека») следует вторая (Иисус есть «господин субботы»)?

Если сделать обратный перевод на арамейский, обе трудности снимаются. Дело в том, что в арамейском языке одно слово обозначало и «человека», и «сына человеческого»: «барнаш». Стало быть, первоначально фраза гласила: «Суббота для *барнаш*, а не *барнаш* для субботы. Посему *барнаш* есть господин субботы». Тогда и «посему» вполне осмысленно. Люди господствуют над субботой, ибо суббота была создана для них, а не они для субботы. И фраза органично согласуется с контекстом. Ученики господствуют над субботой, которая была создана для них.

Первоначально этот рассказ имел хождение на арамейском языке. Когда его переводили на греческий, переводчик решил включить тезис не только об учениках, но и об Иисусе. Поэтому в первом случае он перевел «барнаш» как «человек», а во втором — как «Сын Человеческий». В результате греческий текст содержит проблему, которая отсутствовала в арамейском. Сам рассказ происходит из арамеоязычной общины христиан, которая жила в Палестине в первые годы христианского движения.

Сразу скажу, что факт перевода преданий с арамейского языка на греческий помогает отличить достоверные предания от недостоверных. (Об этом мы еще скажем позднее, когда удостоверимся, что Иисус почти наверняка существовал.) Каким образом? Оказывается, некоторые высказывания, приписываемые Иисусу, невозможно перевести на арамейский. А поскольку Иисус говорил именно по-арамейски, это означает, что данные высказывания ему не принадлежат. Возьмем один знаменитый пример. В Ин 3 приведена беседа Иисуса с рабби Никодимом: Иисус находится в Иерусалиме, и Никодим приходит к нему как к учителю от Бога. Иисус говорит ему: «Если кто не родится *анотэн,* не может увидеть Царства Божия» (Ин 3:3). Я специально оставил здесь ключевое греческое слово непереведенным. Оно имеет два значения: «снова» и «свыше». Никодим понимает его во втором смысле и изумляется: «Как может человек…в другой раз войти в утробу матери своей и родиться?» Однако Иисус имел в виду «свыше», а не «снова». Именно этот смысл «анотэн» имеет в других местах Евангелия от Иоанна. Иисус поправляет Никодима и подробно объясняет, что человек должен «родиться от Духа» (нисходящего свыше!), если хочет войти в Царство Божие.

Таким образом, греческий текст содержит игру слов: Никодим понимает «анотэн» в одном смысле, а Иисус — в другом. Если не знать про двойной смысл «анотэн», разговор становится не вполне понятным. Однако в этом-то собака и зарыта: арамейский язык не допускает такую игру слов. В арамейском языке одно слово обозначает «свыше», и совсем другое — «снова». Соответственно, этот разговор не мог проходить на арамейском языке. Однако Иисус, повторимся, говорил именно по-арамейски. Но даже если допустить, что он знал греческий (весьма сомнительно!), он едва ли стал бы разговаривать по-гречески с еврейским раввином в Иерусалиме. Значит, такого разговора быть не могло (во всяком случае, в том виде, как он описан).

Однако многие евангельские традиции явно восходят к арамейскому оригиналу. Значимость этого факта невозможно переоценить. Арамеоя-зычные евреи на родине Иисуса рассказывали о нем задолго до того, как в 50-е годы апостол Павел писал свои послания: вполне можно утверждать, что спустя всего несколько лет после традиционной даты распятия такие рассказы уже имели хождение. Почему это столь важно? Большинство мифологистов развивают следующую гипотезу: новозаветные послания (особенно Павловы), написанные раньше Евангелий, говорят не об Иисусе, а о мифическом Христе, который, подобно языческим богам, умер и воскрес. Дальше я попытаюсь показать, что эта гипотеза ошибочна со всех точек зрения. Во-первых, не факт, что существовала общая мифология умирающих и воскресающих богов. Во-вторых, если она и существовала, она не имела отношения к палестинскому миру, в котором жили первые ученики Иисуса. В-третьих, есть все основания считать, что апостол Павел говорил об историческом Иисусе и даже цитировал

его. Да, Павел верил, что Иисус достиг уровня божественности, но Павлова концепция глубоко отличалась от (гипотетической) языческой веры в умирающих и воскресающих богов.

Заключение

Мы упомянули лишь небольшую часть имеющихся свидетельств. Однако легко понять, почему даже они убедительны практически для всех ученых, которые размышляли над вопросом историчности Иисуса. Никак нельзя сказать, что о словах и делах Иисуса повествует лишь одно Евангелие конца I века. Мы насчитали целых семь таких Евангелий. В своем свидетельстве об историчности Иисуса они полностью или частично независимы друг от друга. Более того, они независимо друг от друга подтверждают многие факты об Иисусе: например, Иисус не только существовал, но и был еврейским учителем, а распяли его римляне по инициативе еврейских властей в Иерусалиме. Далее, эти независимые свидетельства основаны на довольно большом числе письменных предшественников — Евангелий, которые не сохранились до наших дней. Скорее всего некоторые из этих более ранних текстов были написаны не позже 50-х годов н. э. Они были созданы в самых разных местах Средиземноморья. Вспомним, что историки предпочитают множество свидетелей, которые независимо друг от друга подтверждают факты. В случае с историчностью Иисуса мы имеем именно такую картину.

Важнее всего, что каждое из этих многочисленных Евангелий основано на устных преданиях, которые годами распространялись в христианских общинах в разных землях. Все эти предания свидетельствуют о существовании Иисуса, а некоторые из них можно проследить как минимум до арамеоязычных общин Палестины (видимо, 30-х годов н. э., т. е. до времени почти сразу после традиционной даты распятия). Число, географический разброс и значительная степень независимости этих традиций показывают, что Иисус как минимум существовал.

Как мы увидим, есть и другие свидетельства…

4 Внеевангельские свидетельства об Иисусе

Подобно многим авторам, я получаю тонны писем по электронной почте. И регулярно сталкиваюсь с такими вопросами, особенно от христиан, что можно лишь руками развести. В частности, многие не возьмут в толк, чего ради я преподаю Библию в университете, если в Библию не верю. Но разве это диво?

Профессора не всегда преподают вещи, в которые «верят». Скажем, в большинстве крупных университетов филологи-классики изучают Платона, но не все преподаватели являются платониками. Профессора политологии читают лекции по Карлу Марксу, но от них не требуется быть марксистами. Профессора английской литературы рассказывают о великих романах и пьесах, но сами не написали ни одного художественного произведения. И, конечно, криминалисты учат истории преступлений, не будучи преступниками сами.

Почему же с Библией должно быть иначе? Я читаю лекции по Библии не потому, что верю в Библию, а потому что это чрезвычайно важная тема. Библию можно назвать важнейшей книгой в истории западной цивилизации. Какая еще книга сравнится с ней по исторической, социальной и культурной значимости? И разве неинтересно узнать больше о книге, изменившей миллионы жизней и затронувшей целые цивилизации? Это касается далеко не только верующих, но и всех нас, во всяком случае, всех, кому небезразлична история и культура.

Иисус же — самая важная личность в истории Запада. Даже если вынести за скобки религиозную составляющую, в историческом, социальном и культурном плане, его роль

феноменальна. Соответственно, и новозаветные Евангелия (самые древние источники информации о нем), как и остальные новозаветные тексты, не могут не привлекать внимание.

Не буду скрывать: когда я читаю первокурсникам «Введение в Новый Завет», то гораздо больше времени уделяю Иисусу и Евангелиям, чем апостолу Павлу. И не потому, что считаю Павла маловажной фигурой. Напротив, его значимость исключительно велика. Но коль скоро есть выбор, мне лично интереснее заниматься Евангелиями и Иисусом.

Однако многие мои хорошие знакомые, преподаватели Нового Завета в американских колледжах, университетах, семинариях и на богословских факультетах, настроены иначе. Очень часто они совершенно очарованы Павлом, поглощены его трудами и стараются увлечь им студентов. Павел также оказал огромное влияние на историю Запада, и во многих отношениях его послания гораздо труднее поддаются интерпретации, чем Евангелия. Некоторые исследователи положили всю жизнь на то, чтобы осмыслить хотя бы одно из Павловых посланий…

Как мы сейчас увидим, эти послания чрезвычайно существенны для решения вопроса об историчности Иисуса. Важны и многие другие внеевангельские источники. Рассмотрим сейчас эти свидетельства. Начнем с источников более поздних, а закончим Павлом, самым ранним из известных нам христианских авторов.

Поздние вненовозаветные источники

Начнем с очевидного. До XVIII века все источники без исключения исходили из того, что Иисус существовал. Это касается всех периодов: Реформации, Ренессанса, Средневековья, поздней и классической античности. Это касается всех источников IV века, III века, II века и I века. Это касается источников христианских, еврейских и языческих, подчас безразличных и даже откровенно враждебных христианству. Многие ученые считают это существенным.

Даже еврейские и языческие критики христианства и Иисуса считали его исторической личностью. Это предельно ясно из сочинений христианских апологетов, начиная с анонимного автора Послания к Диогнету и кончая такими известными авторами как Юстин Мученик, Тертуллиан и Ориген. Все они защищали в II–III веках христианство от нападок, подчас скандальных. Однако ни у одного из них нет и намека на то, что кто-то отрицал существование Иисуса. Аналогичным образом обстоит дело с дошедшими до нас фрагментами сочинений с критикой христианства (например, фрагментами из книги языческого философа Цельса, которую обширно цитирует Ориген). Идея, что Иисус не существовал, — чисто современная. Древних прецедентов у нее не было. Ее придумали в XVIII веке. Это своего рода современный миф, миф о мифическом Иисусе.

…Мы уже знаем, что до нас дошло как минимум семь евангельских повествований об Иисусе, полностью или частично независимых друг от друга и созданных не более чем столетие после традиционной даты распятия. Они основаны на более ранних письменных источниках и огромном множестве устных преданий, которые восходят к арамейским источникам Палестины 30-х годов н. э. Если ограничиться теми же временными рамками, что можно сказать о внеевангельских источниках?

Нехристианские источники

Для начала скажем еще несколько слов об Иосифе Флавии и Таците.

• *Тацит* почти наверняка обладал информацией об Иисусе. В частности, он знал, что Иисус был распят в Иудее при Понтии Пилате.

• *Иосиф Флавий*, скорее всего, также знал об Иисусе: о некоторых важных фактах его жизни и о казни при Понтии Пилате.

Раньше мы этого не касались, но сейчас отметим: ни из чего не видно, что язычник Тацит или еврей Иосиф почерпнули свои сведения об Иисусе из Евангелий. Скорее, они что-то *слышали.* А значит, получение информации предшествовало появлению их сочинений. Информантами были либо христиане, либо (вероятнее) не-христиане, которым рассказывали об Иисусе христиане. Неизвестно, знали ли эти христиане вышеописанные источники, но ничуть нельзя исключать, что сами они просто слышали рассказы об Иисусе.

Таким образом, Тацит и (возможно) Иосиф Флавий дают независимое внеевангельское свидетельство о существовании Иисуса (хотя мы и не узнаем от них ничего такого, о чем не знали бы по другим источникам).

Христианские источники

Независимые источники мы находим и в трудах христианских писателей, современников Тацита. Они также доносят до нас информацию об историческом Иисусе и свидетельствуют о его существовании. При этом не вся (и даже не большая часть) их информации не заимствована из евангельских источников. Особенно важны тексты, на которых мы сейчас остановимся.

Папий Иерапольский

Папий — христианский писатель начала II века. Его сочинения дошли до нас лишь в цитатах у более поздних христианских авторов[62]. Из этих более поздних источников мы узнаем, что Папий написал пятитомную работу под названием «Истолкование слов Господа». В науке обычно считается, что это (очень?) большое произведение было написано около 120–130 годов н. э. Неизвестно, почему именно христианские переписчики не сохранили ее для потомков: возможно, некоторые воззрения Папия казались неприемлемыми или, во всяком случае, наивными. В IV веке великий церковный историк Евсевий отзывался о Папии весьма нелестно: «Он… был ума малого» (*Церковная история* 3.39.12)[63].

Справедливо это или нет, мы не знаем, но' Па-пий — важный источник по историчности Иисуса. Он читал некоторые Евангелия (хотя не факт, что именно те, которые вошли в Новый Завет: см. ниже). Важнее, однако, что ему были известны высказывания Иисуса. Он был лично знаком с людьми, знавшими апостолов или их спутников. Отметим следующий фрагмент из его сочинения, который приводит Евсевий:

Я не замедлю в подтверждение истины восполнить мои толкования тем, чему я хорошо научился у старцев и что хорошо запомнил… Если же приходил человек, общавшийся со старцами, я расспрашивал об их беседах: что говорил Андрей, что Петр, что Филипп, что Фома и Иаков, что Иоанн и Матфей или кто другой из учеников Господних; слушал, что говорит Аристион или пресвитер Иоанн, ученики Господни. Я понимал, что книги не принесут мне столько пользы, сколько живой, остающийся в душе голос.
(Церковная история 3.39.3–4)[64]

Евсевий кратко рассказывает, что Папий говорил о своих источниках информации об Иисусе. Пожалуй, стоит привести развернутую цитату:

Папий, о котором мы сейчас говорим, признает, что слова апостольские он слышал от людей, с ними общавшихся; Аристиона же и пресвитера Иоанна слушал лично. Часто, упоминая их в своих книгах по имени, он передает их рассказы. Говорю это не зря….

Он же передает и другие рассказы, дошедшие до него по устному преданию: некоторые странные притчи Спасителя, кое-что скорее баснословное… Сообщает он в своей книге и другие слова Господни в передаче упомянутого Аристиона, а также рассказы пресвитера Иоанна. Отсылаем к ним людей любознательных, но считаем нужным сейчас же добавить ко всему сказанному рассказ о евангелисте Марке. Вот что говорил пресвитер: «Марк был переводчиком [истолкователем?] Петра; он точно записал все, что запомнил из сказанного и содеянного Господом, но не по порядку, ибо сам не слышал Господа и не ходил с ним. Позднее он сопровождал Петра, который учил, как того требовали обстоятельства, не собирался слова Христа располагать в порядке. Марк ничуть не погрешил, записывая все так, как запомнил; заботился он только о том, чтобы ничего не пропустить и не передать неверно».

Так говорит Папий о Марке. О Матфее он сообщает следующее: «Матфей записал беседы Иисуса по-еврейски, переводил [истолковывал?] их кто как мог».

Он же… рассказывает о женщине, которую обвиняли перед Господом во многих грехах[65]. *Рассказ этот есть в «Евангелии от евреев»…*

(Церковная история 3.39.7-17)

Итак, в этом ценном отрывке Евсевий цитирует и комментирует слова Папия. Папий прямо говорит о своем знакомстве с людьми, знавшими апостолов или как минимум спутников апостолов («старцев»)[66]. Когда эти люди приходили в его малоазийский город Иераполь, Папий, руководитель местной церкви, расспрашивал их об Иисусе и апостолах. Многие христианские исследователи, опираясь на это утверждение, пытаются доказать историческую надежность свидетельства Папия (особенно о Евангелиях от Марка и Матфея). Однако это натяжка[67]. Все же в одном не может быть сомнений: хотя, видимо, не вся информация Папия об Иисусе была достоверной, он прямо говорит о своем знакомстве с людьми, знавшими апостолов (или их спутников). У нас нет основания считать, что он лжет. Конечно, его свидетельство — не свидетельство очевидца, лично видевшего Иисуса, но весьма близко к таковому.

Консервативные ученые заблуждаются в ином: когда усматривают у Папия надежную информацию о происхождении наших Евангелий от Матфея и Марка. Дело в том, что хотя Папий «знает» о существовании произведений Марка и Матфея (соответственно, рассказа о жизни Иисуса и сборника высказываний Иисуса), далеко не факт, что он имеет в виду *наши* Евангелия от Марка и Матфея. Ведь то, что он говорит об этих книгах, не совпадает с тем, что мы знаем о канонических Евангелиях. Поэтому очень может быть, что речь у него идет о других текстах, которые впоследствии христиане ошибочно отождествили с двумя каноническими Евангелиями[68].

Итак, свидетельство Папия независимо от канонических Евангелий, — одно из множества подобных независимых свидетельств. Причем в данном случае источник прямо говорит, что его сведения восходят к ученикам Иисуса.

Игнатий антиохийский

Игнатий — один из важнейших раннехристианских авторов. Он был епископом большой церкви в Антиохии Сирийской и попал под репрессии, которым подверглись тамошние христиане (видимо, в 110 году н. э.). Эти гонения имели официальную римскую санкцию, и Игнатия арестовали за христианскую деятельность. О конкретном характере выдвинутых обвинений нам неизвестно, но его приговорили и отправили в Рим для казни, чтобы бросить на растерзание диким зверям. По пути к месту мученичества он написал семь писем (они сохранились до наших дней). Шесть из них адресованы малоазийским церквям, представители которых встречали его по дороге и поддерживали морально, а одно —

христианам Рима. Как ни удивительно, Игнатий просит римских христиан не заступаться за него: ему хотелось умереть страшной мученической смертью, — так он подлинно последует за Иисусом, который был осужден на смерть в муках.

Письма Игнатия очень интересны[69]. Автор призывает христиан к единству и следованию за епископом. Он обличает тех, кто следует «ложным мнениям» (т. е. ересям). В частности, некоторые письма направлены против христиан, соблюдающих еврейские законы и обычаи. Однако здесь меня больше интересует другая полемика: Игнатий спорит с теми, кто не считает Иисуса реальным человеком из плоти и крови. Заметим: его оппоненты — не древние предшественники нынешних мифологистов. Им и в голову не приходило, что Иисус — фигура, выдуманная на основе языческих мифов об умирающих и воскресающих божествах. Напротив, Иисус был реальным историческим персонажем. Он жил и учил в этом мире.

Но он был Богом на земле, а не сделанным из той же плоти, что и все мы.

Эта концепция вызывает у Игнатия негодование. С его точки зрения, она совершенно противоречит фактам. Сам он высказывается на сей счет предельно ясно. Например, христианам города Смирны он пишет следующее:

Вы… преисполнены веры в Господа нашего, который истинно из рода Давидова по плоти, но Сын Божий по воле и силе Божественной, истинно родился от Девы, крестился от Иоанна, чтобы исполнить всякую правду, истинно распят был за нас плотью при Понтии Пилате и Ироде четверовластнике (от сего-то плода, то есть боголаженнейшего страдания его, и произошли мы), чтобы через воскресение на веки воздвигнуть знамение для святых и верных своих, как между иудеями, так и язычниками, совокупленных в едином теле Церкви своей. Все это он перетерпел ради нас, чтобы мы спаслись; и пострадал истинно, как истинно и воскресил себя, а не так, как говорят некоторые неверующие, будто он пострадал призрачно. Сами они призрак, и как умствуют они, так и случится с ними бестелесными, подобными злым духам.

(Послание к Смирнянам 1–2)[70]

Из этих высказываний предельно ясно, что Игнатий думал об историчности Иисуса: Иисус был подлинно человеком, подлинно родился, подлинно крестился и был распят. Хотя есть аллюзии на традиции, известные нам по каноническим Евангелиям, далеко не факт, что именно на них Игнатий основывает свои суждения.

А вот что он пишет христианам города Траллы:

Потому не слушайте, когда кто будет говорить вам не об Иисусе Христе, который произошел из рода Давидова от Марии, истинно родился, ел и пил, истинно был осужден при Понтии Пилате, истинно был распят и умер, в виду небесных, земных и преисподних.

(Послание к Траллийцам 9)

Таким образом, в письмах Игнатия Антиохийского мы находим еще одно независимое свидетельство о жизни Иисуса. И опять же нельзя возразить, что-де, мол, это источник слишком поздний. Его опора на канонические Евангелия отнюдь не очевидна. И он епископствовал в Антиохии, где поколением раньше провели значительную часть времени Петр и Павел (ср. Гал 2). Таким образом, его взгляды также восходят к апостольским временам.

1 Послание Климента

Это послание римских христиан коринфской церкви. Поводом к нему послужили следующие события: коринфяне сменили прежних руководителей своей церкви на новых,

чем римские христиане (во всяком случае, составившие послание) были недовольны. Авторы письма хотят, чтобы прежним руководителям вернули их законное место.

Письмо получилось длинное, наполненное предостережениями против зависти и властолюбия. По преданию, его автором был Климент, четвертый епископ Рима, но из самого письма это не следует. Да и вообще в письме о Клименте не сказано ни слова. Но как бы то ни было, есть все основания считать, что текст был написан в 90-е годы н. э., то есть лет за двадцать до писем Игнатия и примерно одновременно с поздними новозаветными сочинениями[71]. Обильно цитируется Ветхий Завет (в греческом переводе) и прямо упоминается о Первом Послании апостола Павла к Коринфянам. Однако автор не сообщает о новозаветных Евангелиях. Цитируя же некоторые высказывания Иисуса, он не говорит, что они взяты из письменных текстов. Более того, формулировка этих высказываний не совпадает с какими-либо формулировками известных нам Евангелий.

Тем существеннее, что автор письма, подобно Игнатию и Папию, не только считает Иисуса реальной личностью, но и упоминает многие факты из жизни Иисуса. В частности, он говорит об историческом Иисусе следующее:

• Христос говорил слова, которым надлежит внимать (1 Клим 2:1).

• Его страдания были «пред очами вашими» (2:1)[72].

• Кровь Христа драгоценна для Отца. Она была «пролита для нашего спасения (7:4).

• Кровь Господа принесла искупление (12:7).

• Иисус учил «кротости и великодушию» (13:1–2; здесь автор цитирует ряд высказываний Иисуса, сходных с теми, что знакомы нам по Евангелиям от Матфея и Луки).

• Господь Иисус Христос пришел смиренно, а не «в блеске великолепия и надменности» (16:2).

• Господь происходил от Иакова «по плоти» (32:2).

• Господь украшал себя добрыми делами (33:7).

• «Вспомните слова Иисуса Господа нашего…» (46:8; следует фраза, сопоставимая с Мф 26:24 и Л к 17:2).

• «Кто имеет любовь во Христе, тот должен соблюдать заповеди Христовы» (49:1).

• Господь Иисус Христос из любви «дал кровь свою за нас, и плоть свою за плоть нашу, и душу свою за души наши» (49:6).

Опять-таки перед нами независимое свидетельство не просто жизни Иисуса как исторической личности, но и некоторых его учений и деяний. Как и все вненовозаветные источники, упоминающие об Иисусе, автор послания не сомневается в его существовании и не видит необходимости защищать его. Все знали, что Иисус существовал. Это можно сказать и о новозаветных текстах за пределами четырех Евангелий.

Канонические источники за пределами евангелий и павловых посланий

Было бы огромной ошибкой полагать, что в Новом Завете лишь Евангелия свидетельствуют об историчности Иисуса (хотя мифологисты иногда высказываются в таком духе, пытаясь доказать, что Евангелие от Марка — один из немногих, а то и единственный, источник по Иисусу). Насколько можно судить, *все* новозаветные авторы знают об историческом Иисусе. Единственным потенциальным исключением может быть Послание Иакова: об Иисусе оно упоминает лишь дважды и мимоходом (1:1; 2:1), ничего не говоря о его земной жизни. Однако даже в таком коротком тексте, как Послание Иуды, упоминаются апостолы (ст. 17). Это предполагает историчность Иисуса и наличие у него учеников.

Об апостолах подробно рассказывает книга Деяний Апостолов. Она принадлежит перу того же автора, что и Евангелие от Луки, но доносит до нас предания об Иисусе, независимые от этого Евангелия и, по мнению большинства критических историков, основанные на преданиях, которые имели хождение до написания Евангелия.

Деяния Апостолов

Деяния Апостолов повествуют о распространении христианства в Римской империи в первые десятилетия после смерти Иисуса. Если в Евангелии от Луки главным героем является Иисус, то здесь, во втором томе, — ученики Иисуса. Особенно много места автор уделяет миссионерской деятельности Петра (главным образом, в главах 1 — 12) и Павла (главы 13–28). Он показывает, как из маленькой группы учеников Иисуса христианское движение превратилось в явление всемирного значения, как оно стало принимать не только евреев (какими были Иисус и его ученики), но и представителей других народов, и как Бог (если верить автору) донес через апостолов благовестив об Иисусе «до края земли» (1:8).

Предания об Иисусе в Деяниях Апостолов

Решая вопрос об историчности Иисуса, прежде всего отметим, что автор Деяний знал предания, не основанные на его Евангелии от Луки, а потому предоставляющие в наше распоряжение еще один независимый источник. С точки зрения автора Деяний, Иисус жил и умер в Иудее (см. рассказы о воскресении Иисуса в Деян 1 и речи на всем протяжении Деян). Согласно главе 1, воскресший Иисус явился ученикам и дал им последние наставления в Иерусалиме (где его перед этим убили). Чрезвычайно интересно предание о судьбе Иуды Искариота. Апостол Петр говорит, что на вырученные от предательства деньги Иуда купил поле, но упал ничком, и у него вывалились внутренности. Именно поэтому, указывает Петр, этот участок стали называть «Акелдама», что по-арамейски значит «земля крови» (1:16–19).

Данный отрывок интересен, между прочим, тем, что в своем Евангелии Лука не сообщает о смерти Иуды. Не сообщают о ней и Марк с Иоанном. Самый знаменитый рассказ о смерти Иуды содержится в Евангелии от Матфея, где сказано, что после совершенного предательства Иуда раскаялся и попытался вернуть первосвященникам тридцать сребреников. Они отказались взять деньги, он бросил их в Храме, потом пошел и повесился. Первосвященники не могли положить деньги в храмовую казну, поскольку они были «ценой крови» (т. е. с их помощью был выдан невинный человек), и купили на них участок земли под кладбище. Этот участок стал называться «землей крови» (Мф 27:3-10).

Гармонизировать рассказы о смерти Иуды невозможно. В одном поле покупает Иуда, в другом — священники; в одном участок называется «землей крови», поскольку на нем у Иуды выпали внутренности, а в другом, — поскольку он куплен за «цену крови»; в одном Иуда повесился, в другом — упал и лопнул. Отсюда видно, что Лука располагал независимым преданием о смерти Иуды, как минимум не менее древним, чем Матфей.

Судя по всему, оба рассказа содержат историческое зерно: оба упоминают о некоем земельном участке в Иерусалиме, связанном с деньгами, которые Иуда получил за предательство Иисуса, и со смертью Иуды. В обоих случаях участок называется «землей крови». У Матфея есть еще название «земля горшечника». Заманчиво выглядит гипотеза, что на этом участке была красная глина, которую использовали горшечники; за цвет почвы его и прозвали «полем крови», — а впоследствии название спровоцировало ассоциацию со смертью Иуды.

Как бы то ни было, подчеркнем два момента. Во-первых, Евангелие от Матфея и Деяния Апостолов содержат разные рассказы о смерти Иуды.

Стало быть, в Деяниях мы находим независимую традицию. Во-вторых, версия Деяний доносит до нас очень ранние палестинские предания: как часто бывает в Евангелиях, одно из ключевых слов оставлено на арамейском («Акелдама» означает «земля крови»), первоначальном языке рассказа.

Перед нами традиция, которая восходит к первоначальной христианской общине в Палестине.

Лука не просто воспроизводит то, о чем говорили его современники в 80-е годы н. э.: он фиксирует предания, часть которых имеет как минимум полувековую древность.

Более того, Луке были известны высказывания исторического Иисуса, которые не отражены в других источниках (даже в его собственном Евангелии). Например, в Деян 20:35 апостол Павел говорит:

Показал я вам, что, так трудясь, надобно поддерживать слабых и памятовать слова Господа Иисуса, ибо он сам сказал: «Блаженнее давать, нежели принимать».

Мы не знаем, действительно ли Павел такое сказал (или даже знал о данном речении Иисуса). Но Лука приписывает ему это и, что важнее в нашем случае, фиксирует слова Иисуса, не имеющие параллелей ни в одном Евангелии. Поэтому Деяния Апостолов — еще одно внеевангельское свидетельство того, что уже самые ранние христиане считали Иисуса реальной исторической личностью — евреем и учителем, который был убит в Иерусалиме после того, как его предал Иуда, один из ближайших учеников.

Речи в Деяниях Апостолов

Еще важнее для наших целей речи, которые автор Деяний вкладывает в уста апостолов в ключевых местах повествования. Около четверти Деяний составляют речи Петра (в первой трети книги) и Павла (в остальных двух третях). Ученых давно интересуют эти речи. От античных историков (например, Фукидида) мы знаем, что историки часто сочиняли речи своих персонажей. А что было делать, если хотелось включить чью-то речь в жизнеописание или исторический труд? Ведь авторы почти никогда не были очевидцами описываемых ими речей, а стенограммы еще не изобрели. Поэтому, как указывает Фукидид, историки вкладывали в уста персонажей те речи, которые казались сообразными ситуации.

Однако речи в Деяниях любопытны тем, что во многих случаях основаны не на буйной фантазии Луки, а на устных традициях. Откуда мы это знаем? Дело в том, что некоторые места речей содержат богословские взгляды, которые не очень гармонично сочетаются с воззрениями самого Луки.

Иными словами, они отражают долитературные предания, то есть устные предания, которые распространялись в гораздо более ранний период, а впоследствии были письменно зафиксированы в Деяниях. Это важная информация: опять-таки видно, что Деяния — не просто текст 80-х годов, но включает гораздо более древние традиции. Эти традиции говорят об Иисусе как о еврее, который совершал удивительные дела, учил и был казнен в Иерусалиме.

Одна из любопытных особенностей нескольких речей в Деяниях состоит в следующем: они показывают, какой была одна из древнейших христианских концепций богосыновства Иисуса (возможно, самая древняя).

Поздний этап развития христологии выглядит так: Иисус был Сыном Божиим всегда, от вечности, и пришел в мир лишь на короткое время, — творить чудеса и учить перед возвращением на небеса. Эту точку зрения мы находим в Евангелии от Иоанна, самом

позднем из канонических Евангелий. Евангелие от Иоанна говорит о божественности и предсуществовании Иисуса, и о том, что через Иисуса был создан мир (Ин 1:1-18).

Чуть раньше некоторые христиане выдвинули следующую концепцию: Иисус возник при своем рождении от девы, и именно из-за своего девственного зачатия («отцом» был сам Бог) назывался Сыном Божиим. Взять хотя бы Евангелие от Луки, — ни слова о предсуществовании Иисуса. Мария зачинает от Святого Духа, и при Благовещении ангел Гавриил говорит ей: «Дух Святой найдет на тебя, и сила Всевышнего осенит тебя; посему и рождаемое святое наречется Сыном Божиим» (Лк 1:35). Здесь богосыновство Иисуса обусловлено тем, что Бог сделал беременной его мать.

Еще раньше христиане (или некоторые из них) считали, что Иисус был лишь «усыновлен» Богом: его богосыновство следует понимать не в физическом или метафизическом, а в метафорическом смысле. Но в какой момент произошло усыновление? Одно время христиане считали, что оно произошло при начале его общественного служения. Они рассказывали, что во время крещения Иисуса от Иоанна открылись небеса, и на Иисуса сошел Дух Божий (т. е. он не имел Духа ранее!), и глас с небес возвестил: «Ты Сын Мой возлюбленный. Я сегодня родил тебя». Обратим внимание на слово «сегодня» в этой цитате из Псалма 2: Иисус стал Сыном Божиим в день своего крещения[73].

Однако были и другие древние варианты христологии. Они не увязывали богосыновство Иисуса с его предсуществованием, чудесным рождением или даже началом служения. В этих преданиях (возможно, древнейших) Иисус становится Сыном Божиим лишь после своего воскресения. Именно тогда Бог явил свою особую милость человеку Иисусу, вознес его на небеса и нарек своим Сыном, Мессией и Господом. Мы находим данную концепцию в символе веры (долитературная традиция!), который апостол Павел цитирует в Послании к Римлянам: «…о Сыне Своем, родившемся от семени Давидова по плоти, поставленном Сыном Божиим в силе, по Духу святости, в воскресении из мертвых» (Рим 1:3–4)[74]. Какие же основания считать, что Павел здесь цитирует символ веры, а не пишет от себя? Дело в том, что когда Павел излагает собственные воззрения на богосыновство Иисуса, он трактует его несколько иначе и использует несколько иные формулировки. В начале же послания, адресованного римской церкви, которая не знает апостола лично, он прибегает к стандартной формулировке, видимо, чтобы легче было найти общий язык, — и по ходу дела доносит до нас очень древнее предание.

Нечто подобное мы видим в некоторых речах из Деяний: стало быть, эти речи включают предания, которые существовали задолго до того, как Лука взялся за перо и папирус. Взять хотя бы речь Павла в Деян 13. (Вряд ли Павел и впрямь ее произносил: видимо, ее составил Лука, основываясь на более ранних материалах.) В ней апостол говорит группе евреев следующее:

И мы благовествуем вам, что обетование, данное отцам, Бог исполнил нам, детям их, воскресив Иисуса, как и во втором псалме написано: «Ты Сын Мой, Я ныне родил тебя».
(Деян 13:32–33).

Опять же отметим слово «ныне» («сегодня»). Согласно первоначальной традиции, возникшей задолго до Деяний Апостолов, Иисус стал Сыном Божиим в день воскресения. Уместно вспомнить и отрывок из речи апостола Петра:

Итак, твердо знай, весь дом Израилев, что Бог со-делал Господом и Христом сего Иисуса, которого вы распяли.
(Деян 2:36).

Перед нами следы преданий, которые существовали не только до Деяний Апостолов, но и до любого из известных нам Евангелий (и даже любого из христианских текстов). Они содержат адопцианскую христологию, где Бог прославляет Иисуса и делает его своим сыном *при воскресении.*

В обоих случаях Иисус мыслится как просто человек, распятый по наущению евреев в Иерусалиме.

Лишь затем Бог усыновил его.

То, что речи в Деяниях содержат очень древний материал, гораздо более древний, чем Евангелия, важно и по следующей причине: эти речи ясно дают понять, что Иисус был смертным, жил на Земле и был распят при Понтии Пилате по инициативе евреев. Возьмем еще отрывки из трех важных речей:

Мужи Израильские! выслушайте слова сии: Иисуса Назорея, мужа, засвидетельствованного вам от Бога силами и чудесами и знамениями, которые Бог сотворил через него среди вас, как и сами знаете, сего, по определенному совету и предве-дению Божию преданного, вы взяли и, пригвоздив руками беззаконных, убили; но Бог воскресил Его, расторгнув узы смерти….

(Деян 2:22–24)

Бог… прославил Сына своего Иисуса, которого вы предали и от которого отреклись перед лицом Пилата, когда он полагал освободить его. Но вы от Святого и Праведного отреклись, и просили даровать вам человека-убийцу, а Начальника жизни убили. Сего Бог воскресил из мертвых, чему мы свидетели.

(Деян 3:13–15)

Ибо жители Иерусалима и начальники их… не найдя в нем никакой вины, достойной смерти, просили Пилата убить его. Когда же исполнили все написанное о нем, то, сняв с древа, положили его во гроб. Но Бог воскресил его из мертвых.

Деян 13:27–30)

Предельно ясно, какое представление об Иисусе заключено в этих преданиях, не менее древних, чем самые древние из известных нам евангельских повествований об Иисусе и независимых от них. Чем больше мы углубляемся в исторические источники, тем больше видим свидетельств жизни Иисуса…

Послания, не принадлежащие апостолу Павлу

Новозаветные послания изобилуют упоминаниями о человеке Иисусе, который жил и был распят. Детально рассматривать их здесь нет необходимости: ограничимся некоторыми важными цитатами из книг, написанных рядом авторов независимо друг от друга и без опоры на Евангелия.

Начнем с посланий, которые подписаны именем Павла, но не принадлежат ему[75]. Одно из них — Первое Послание к Тимофею. В нем мы находим предание, известное по столь многим другим источникам: «Пред Богом, все животворящим, и пред Христом Иисусом, который засвидетельствовал пред Понтием Пилатом доброе исповедание, завещеваю тебе…» (1 Тим. 6:13). Мы не знаем, кто написал эти строки: знаем лишь, что не Павел, и что текст не выказывает знакомства с нашими Евангелиями. И все же автор подтверждает один из главных тезисов этих других сочинений.

Поздние писатели подражали не только Павлу. Апостол Петр, возможно, не написал ни одного из посланий, которые подписаны его именем в Новом Завете[76]. Между тем ясно, что оба этих автора считали Иисуса реальным историческим лицом. Начнем с нескольких отрывков из текста, известного под названием «Первое Послание Петра» и не выказывающем знакомства с нашими Евангелиями.

Ибо вы к тому призваны, потому что и Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам его. Он не сделал никакого греха, и не было лести в устах его. Будучи злословим, он не злословил взаимно; страдая, не угрожал, но предавал то Судии Праведному.

Он грехи наши сам вознес телом своим на древо, дабы мы, избавившись от грехов, жили для правды: ранами его вы исцелились.

(1 Петр 2:21–24)

…потому что и Христос, чтобы привести нас к Богу, однажды пострадал за грехи наши, праведник за неправедных, быв умерщвлен по плоти, но ожив духом…

(1 Петр 3:18)

Итак, как Христос пострадал за нас плотию, то и вы вооружитесь тою же мыслью…

(1 Петр 4:1)

Пастырей ваших умоляю я, сопастырь и свидетель страданий Христовых…

(1 Петр 5:1)

То, что эти строки не принадлежат перу апостола Петра, в данном случае для нас несущественно. Важно другое: перед нами независимое свидетельство о жизни и смерти Иисуса (во плоти).

Еще решительнее на сей счет высказывается автор «Второго Послания Петра». Этот текст также представляет собой подделку, но его автор, будучи, видимо, не знаком с Евангелиями, знает предание о Преображении Иисуса на горе.

Ибо мы возвестили вам силу и пришествие Господа нашего Иисуса Христа, не хитросплетенным басням последуя, но быв очевидцами его величия. Ибо он принял от Бога Отца честь и славу, когда от велелепной славы принесся к нему такой глас: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, в котором Мое благоволение». И этот глас, принесшийся с небес, мы слышали, будучи с ним на святой горе.

(2 Петр 1:16–18)

Чуть раньше (видимо, в конце I века) был написан трактат, известный нам под названием «Первого Послания Иоанна» (предание ошибочно приписывает его Иоанну Зеведееву, ученику Иисуса). Его анонимный автор не писал Евангелия от Иоанна, но есть веские основания полагать, что он знал об этом Евангелии и принадлежал к общине, в которой оно было создано. Как бы то ни было, он ясно говорит об Иисусе как о реальном человеке, которого можно было видеть, слышать и трогать:

О том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши, о Слове жизни, — ибо жизнь явилась, и мы видели и свидетельствуем, и возвещаем вам сию вечную жизнь, которая была у Отца и явилась нам, — о том, что мы видели и слышали, возвещаем вам, чтобы и вы имели общение с нами: а наше общение — с Отцом и Сыном Его, Иисусом Христом.

(1 Ин 1:1–3)

Даже Апокалипсис, при всех его диковинных образах и фантастических концепциях, понимает Иисуса как реальное историческое лицо. С точки зрения автора, Иисус «жил» и «умер» (Откр 1:18). Подобно Евангелию от Иоанна, но независимо от него, Апокалипсис изображает Иисуса как Агнца, «закланного» для спасения (Откр 5:6). Не будем обсуждать сейчас его богословскую интерпретацию смерти Иисуса, а лишь отметим: перед нами очередное независимое свидетельство христианской веры в реального Иисуса.

И напоследок обратимся к так называемому Посланию к Евреям. Это анонимное сочинение было включено в новозаветный канон христианами, которые ошибочно приписывали его авторство апостолу Павлу. Оно не зависит от Павловых посланий и не выказывает следы знакомства с Евангелиями. Тем не менее оно содержит многочисленные упоминания о жизни исторического Иисуса. Приведем лишь некоторые ключевые отрывки.

- Иисус явился «в последние дни сии» (Евр 1:2).
- Бог говорил через него (1:2).
- Он «совершил очищение грехов» (т. е. умер мученической смертью) (1:3).

• Бог сказал ему: «Ты сын Мой, Я ныне родил тебя», и нарек его своим сыном (1:5).

• Он первым возвестил спасение (2:3).

• Бог свидетельствовал ему и/или его ученикам через знамения, чудеса и дары Духа (2:4).

• Он вкусил смерть «вне Бога» (т. е. без божественного утешения; 2:9).

• Он усовершился через страдания (2:10).

• Он был причастен плоти и крови (2:14).

• Он во всех отношениях был подобен братьям своим (евреям? всем людям?) (2:17).

• Он был искушен (2:18) «во всем, кроме греха» (4:15).

• Он был верен Богу (3:2).

• Он «с сильным воплем и со слезами принес молитвы… Могущему спасти его от смерти» (видимо, перед распятием; 5:7).

• Он научился послушанию через страдания (5:8).

• Он был распят (6:5; 12:2).

• Он происходил из колена Иудина (7:14).

• Он учил о Боге: «Ни жертвы, ни приношения, ни всесожжений, ни жертвы за грех… Ты не восхотел и не благоизволил» (10:8).

• Он сказал: «Иду исполнять волю Твою» (10:9).

• Он пострадал «вне врат» (т. е. вне Иерусалима) (13:12).

• Он потерпел поругание (13:13).

Подведем итоги. На основе устных преданий этот неизвестный автор считал Иисуса реальным человеком из плоти и крови, евреем из колена Иуды, который был искушаем (подобно всем остальным людям), через страдания научился послушанию Богу, был распят и умер без божественного утешения. Таким образом, мы располагаем еще одним независимым свидетельством о жизни и смерти Иисуса.

Еще раз подчеркнем: о существовании Иисуса свидетельствуют не только семь независимых евангельских повествований, но и речи из Деяний Апостолов (некоторые из них уходят корнями в ранние палестинские предания), повествование в Деяниях Апостолов, новозаветные послания и три раннехристианских писателя. Судя по всему, все это независимые друг от друга свидетельства[77].

Свидетельство апостола Павла

Апостол Павел — самый ранний из известных нам христианских авторов. Многие читатели Библии думают, что раньше всего были написаны новозаветные Евангелия: как-никак Новый Завет начинается с Евангелий, а христианская история — с Иисуса. Однако Павел писал до евангелистов. По мнению большинства ученых, его первое послание (1 Послание к Фессалоникийцам) было написано около 49 года, а последнее (Послание к Римлянам?) — через двенадцать-тринадцать лет после этого.

Многие мифологисты утверждают, что Павел не говорит об Иисусе как о реальной исторической личности. Однако, как мы увидим, это совершенно не соответствует действительности. Впрочем, позицию мифологистов можно понять: поскольку Павел — самый ранний из наших свидетелей, а его послания написаны спустя двадцать лет после традиционной даты распятия, у мифологической теории появился бы важный козырь, если бы выяснилось, что Павел не знал об историческом Иисусе. Поэтому мифологисты предлагают следующее: для Павла Иисус — не человек, который недавно умер, а

мифический Христос, сугубо божественная фигура вроде умирающих и воскресающих богов у язычников. Об этой гипотезе мы поговорим в главе 7, а пока рассмотрим указания на то, что Павел видел в Иисусе историческую личность, еврея, который жил, учил и был распят по наущению еврейских врагов.

Как мифологисты поступают с тем фактом, что древнейший христианский источник упоминает об историческом Иисусе? Один из их приемов состоит в том, что они объявляют эти места Павловых посланий подложными вставками: якобы поздние христианские переписчики хотели внушить читателям мысль, что Павел говорил об историческом Иисусе. Однако такой подход уж слишком удобен: если свидетельство не вписывается в твою концепцию, его попросту отбрасывают!

Апостол Павел о жизни Иисуса

Нравится это кому-то или не нравится, Павел считает Иисуса реальной личностью, еврейским учителем, который был распят. Вот основное, что он говорит о жизни Иисуса.

Прежде всего Павел предельно ясно дает понять, что Иисус родился как человек и в своей земной жизни был евреем. Отметим следующий отрывок:

…когда пришла полнота времени, Бог послал Сына своего, который родился от женщины, родился под Законом, чтобы искупить подзаконных…

(Гал 4:4–5)

Отсюда также видно, что Иисус адресовал свою миссию евреям. В этой связи можно привести следующее место из Послания к Римлянам:

Христос сделался служителем для обрезанных — ради истины Божией, чтобы исполнить обещанное отцам…

(Рим 15:8)

Тезис о служении Иисуса среди евреев, во исполнение библейских обетований, соотносится с одним из важнейших утверждений Павла об Иисусе: Иисус был еврейским Мессией. Выражение «Иисус Христос» (т. е. «Иисус Мессия», поскольку «Христос» есть греческий перевод еврейского слова «Машиах») встречается у Павла очень часто, как и обратная его вариация («Христос Иисус»), Иногда Павел говорит и просто «Христос». Получается, Павел столь глубоко убежден в мессианстве Иисуса, что использует слово «Христос» («Мессия») в качестве второго имени Иисуса!

Отчасти поэтому Павел делает столь сильный упор на то, что Иисус — потомок Давида по плоти. Широко считалось, что грядущим правителем евреев будет «Сын Давидов», — для Павла это как раз Иисус. Мы уже отмечали ключевой отрывок в Послании к Римлянам, где Павел говорит, что Иисус родился «от семени Давидова по плоти» (Рим 1:1–3). Таким образом, богосыновство Иисуса ничуть не мешает ему быть существом из плоти и крови, одним из физических потомков Давида.

А что можно сказать о семье Иисуса? Упоминание о матери Иисуса мы уже констатировали («родился от женщины»). В другом месте Павел пишет о братьях Иисуса, которые после смерти Иисуса стали миссионерами со своими женами. Об этом идет речь в Первом Послании к Коринфянам. Павел замечает, что и он вправе брать с собой супругу в миссионерские странствия, но не делает этого. (Как мы уже говорили, он вообще не был женат.)

Или не имеем власти иметь спутницею сестру, жену, как и прочие апостолы, и братья Господни, и Кифа?

(1 Кор 9:5)

Могут возразить: выражение «братья Господни» следует понимать в духовном смысле — во Христе все люди братья. Однако если бы Павел имел это в виду, остальная часть фразы не имела бы смысла: получилось бы, что апостолы и даже Кифа (Петр) не являются «духовными братьями» Господа (коль скоро о них упоминается отдельно от «братьев»)! Поэтому практически все комментаторы считают, что Павел имеет в виду реальных братьев Иисуса.

Имена некоторых братьев Иисуса сообщают ранние евангельские предания. Например, Евангелие от Марка называет следующие имена: Иаков, Иосит, Иуда и Симон (Мк 6:3), упоминая и о сестрах Иисуса (но не об их именах). Апостол Павел также говорит об одном из братьев Иисуса: Иакове. Это один из самых дискутируемых отрывков у мифологистов, и подробнее мы поговорим о нем в следующей главе. Речь идет об одном из редких автобиографических пассажей у Павла, где тот размышляет о прожитой жизни и вспоминает о событиях после своего обращения:

Потом, спустя три года, ходил я в Иерусалим видеться с Петром и пробыл у него дней пятнадцать. Другого же из апостолов я не видел никого, кроме Иакова, брата Господня. А в том, что пишу вам, пред Богом, не лгу.

(Гал 1:18–19)

Когда Павел пишет: «не лгу», я обычно склонен ему верить. В эти пятнадцать дней он видел только Кифу и Иакова.

Опять же могут возразить: а что если Иаков — «брат» Иисусу в том смысле, что и любой другой христианин? Однако это объяснение не годится, ведь, согласно Павлу, Иаков — «брат», а Кифа — нет. Об этом мы подробнее поговорим в следующей главе, а пока ограничимся следующим: Павел знал, что у Иисуса были братья, и лично был знаком с одним из них (Иаковом).

Судя по всему, Павел знал и о наличии у Иисуса двенадцати учеников. Можно выразиться даже точнее: Павел знал о тесно сплоченной группе учеников Иисуса, которые назывались «Двенадцатью». Дело в том, что, с точки зрения некоторых исследователей, важно было не точное число людей в этой группе, а ее символическая значимость. Знания на сей счет Павел выдает в сообщении о явлениях воскресшего Иисуса: «…воскрес в третий день… явился Кифе, потом Двенадцати» (1 Кор 15:4–5). Кстати, последняя формулировка не обязательно означает, что Кифа не принадлежал к Двенадцати: возможно, речь лишь о том, что сначала Иисус явился Петру, а потом остальным членам группы. Слово «Двенадцать», однако, любопытно еще и тем, что, согласно Евангелию от Матфея и Деяниям Апостолов, Иуда Искариот (один из Двенадцати!) стал предателем и быстро умер (согласно Мф — повесился, согласно Деян — упал и лопнул). Почему же тогда Павел говорит о явлении Иисуса «Двенадцати»? Возможно, он не знает рассказов об Иуде (как могли их не знать и Марк с Иоанном) или, вероятнее всего, понятие «Двенадцать» сохранялось даже в том случае, если один из группы отпал.

Павел цитирует некоторые высказывания Иисуса и явно знает, что Иисус был учителем. Об этих отрывках мы вскоре поговорим, а пока отметим следующее: два из цитируемых Павлом вы-оказываний были изречены, по его словам, во время последней трапезы Иисуса с учениками, в ночь, когда он был предан властям.

Ибо я от самого Господа принял то, что и вам передал, что Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб и, возблагодарив, преломил и сказал: приимите, ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое; сие творите в Мое воспоминание.

(1 Кор 11:23–24)

Когда Павел говорит о получении предания «от Господа», он, видимо, имеет в виду, что Бог (или Иисус) подтвердил ему (в откровении?) истинность этого предания. Терминология же («принял… передал»), как часто отмечают исследователи, напоминает ту, которой евреи обозначали изустные традиции учителей. Стало быть, Павлу известно предание о Тайной

вечере. Сцена, которую он описывает, очень близка к описанию данного события в Евангелии от Луки (хотя есть и важные различия); сходство с рассказами Матфея и Марка менее выражено. Отметим выражение «ночь, в которую предан был». Часто его относят к предательству Иуды Искариота. Однако греческое слово, переведенное как «передан», подразумевает не предательство, а выдачу. Смысл же аналогичен тому, который мы находим в Послании к Римлянам: «Если Бог за нас, кто против нас? Тот, который Сына своего не пощадил, но предал его за всех нас…» (Рим 8:31–32). Таким образом, в 1 Кор 11:22–24 Павел, видимо, не говорит о предательстве Иуды. Но он явно говорит о каком-то историческом событии, причем случившемся ночью. Перед нами не туманная мифологическая отсылка, а конкретная историческая. Павел знает, что Иисус отпраздновал последнюю трапезу с учениками, на которой предсказал свою скорую смерть. В ту же самую ночь он был предан властям.

Более того, по мнению Павла, Иисус был убит по наущению «иудеев». Это видно из отрывка, о котором идет много споров (не только среди ми-фологистов). А именно в Первом Послании к Фес-салоникийцам он описывает действия еврейских оппонентов в Иудее:

Ибо вы стали подражателями, братья, церквей Божиих, которые в Иудее во Христе Иисусе, потому что вы выстрадали от своих соплеменников то же самое, что и они от иудеев, которые убили и Господа Иисуса и пророков, и воздвигли на нас гонение, и Богу не угождают и всем людям противятся; они мешают нам говорить язычникам, чтобы они были спасены, и чрез то всегда наполняют меру своих грехов. Но, наконец, постиг их гнев.

(1 Фес 2:14–16)[78]

Последнее предложение вызывало недоумение у комментаторов: о каком гневе Божием на иудеев идет речь? Первое, что приходит в голову: имеется в виду разрушение Иерусалима римлянами в 70 году н. э. Однако письмо-то написано раньше, около 49 года н. э.! Поэтому ряд исследователей считают I Фес 2:14–16 поздней вставкой христианских переписчиков, а не подлинным текстом Павла.

Лично я считаю такой скепсис необоснованным. Прежде всего, если странным в устах Павла кажется лишь последнее предложение, проще всего считать, что оно-то и является вставкой христианского переписчика. Нет оснований считать подложным весь отрывок. Однако я признаю подлинность даже последнего предложения. Во-первых, у нас нет текстологических оснований предполагать вставку. Конечно, мы не располагаем автографом 1 Фес, то есть рукописью, написанной лично Павлом, — лишь поздними копиями переписчиков. Однако ни в одном из поздних манускриптов не пропущен этот абзац или даже эта строчка. Абсолютно все рукописи содержат эти слова. Но если отрывок был вставлен после гибели Иерусалима (скажем, в конце I — начале II века, когда христиане стали усматривать духовные причины этого события в отвержении евреями Иисуса), как получилось, что нет рукописей без 2:14–16? Почему более ранние копии вообще не переписывались? На мой взгляд, такое развитие событий не очень правдоподобно. К тому же, повторимся, реальные сомнения вызывает лишь последнее предложение, а не отрывок в целом.

Во-вторых, согласно Павловой концепции, Божий гнев *уже* проявляет себя в мире. Достаточно вспомнить следующее высказывание: «Ибо открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков, подавляющих истину неправдою» (Рим 1:18). «Открывается» — значит, дает о себе знать зримо и ощутимо. В данном контексте речь идет о гневе Божием на язычников, которые отказываются уверовать во Всевышнего в конце времен, в преддверии второго пришествия Иисуса. Павел вполне мог считать, что гнев Божий «открывается» и на тех евреев, которые ведут себя безбожно и нечестиво. Он приводит длинный список грехов, за которые следует возмездие Божие.

Поэтому я думаю, что Павел действительно написал 1 Фес 2:14–16 (во всяком случае, все до ст. 16). Он считал, что «иудеи» (возможно, имеются в виду жители Иудеи) виновны в

убийстве Иисуса. Эту точку зрения разделяли и евангелисты, хотя она и коробит тех из нас, кто возмущен ее жутким использованием в истории антисемитизма.

И наконец, Павел ясно говорит о распятии Иисуса. Он не упоминает ни Понтия Пилата, ни римлян, но у него не было необходимости объяснять читателям такие вещи. Распятие — римская форма казни и применялась к преступникам, приговоренным римскими властями. К теме распятия Иисуса Павел возвращается снова и снова. Вот пример лаконичной формулировки: «Я рассудил быть у вас не знающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого» (1 Кор 2:2). В другом месте апостол подчеркивает, что в его провозвестии ключевую роль играет учение о смерти Христовой. При этом он замечает: «Ибо я первоначально преподал вам, что и сам принял: что Христос умер за грехи наши, по Писанию, и что он погребен был» (1 Кор 15:3–4). (Не только распят, но и погребен!) Иными словами, Иисус претерпел казнь от рук римлян и умер человеческой смертью. Смерть действительно имела место, — это видно из погребения.

Апостол Павел об учении Иисуса

Вдобавок к общим сведениям о жизни и смерти Иисуса, Павел несколько раз упоминает о его учении. Мы уже видели два высказывания Иисуса (1 Кор 11:22–24), реченных, по словам Павла, во время тайной вечери. Очень похожие высказывания Иисуса на тайной вечере впоследствии приведет евангелист Лука (Лк 22:19–20).

В Первом Послании к Коринфянам есть еще два высказывания Иисуса, которые имеют параллели в евангельской традиции. Одно из них содержится в отрывке о разводе. Призывая верующих сохранять браки, Павел пересказывает речение Иисуса. То, что перед нами предание, восходящее к Иисусу, видно из слов самого апостола: он прямо указывает, что заповедь исходит от Господа:

А вступившим в брак не я повелеваю, а Господь: жене не разводиться с мужем, — если же разведется, то должна оставаться безбрачною, или примириться с мужем своим, — и мужу не оставлять жены своей.

(1 Кор 7:10–11)

По мнению многих комментаторов, середина этой фразы («если же разведется…с мужем своим») представляет собой Павлово добавление к заповеди Иисуса. Не случайно в переводах его обычно выделяют в тире (как в вышеприведенном случае) или скобками. Однако остальное восходит к самому Господу. Тесную параллель данным словам мы находим, например, в Евангелии от Марка:

Он (Иисус) сказал им: кто разведется с женою своею и женится на другой, тот прелюбодействует от нее; и если жена разведется с мужем своим и выйдет за другого, прелюбодействует.

(Мк 10:11–12)

Некоторые полагают, что Иисус не мог такого сказать, поскольку в Палестине ею времени женщина не имела права разводиться с мужем. Например, Дж. Уэллс пытается доказать, что Павел цитирует не высказывание исторического Иисуса, а слова христианского пророка, вещавшего от имени «Господа»[79]. Об этой гипотезе мы еще поговорим, а пока ограничимся следующим. Тот факт, что какие-то авторитеты в римской Палестине запрещали женщинам разводиться, не бросает тень на подлинность высказывания. Ведь что бы ни думали на сей счет авторы запретов, современные исследования показывают: еврейские женщины разводились. А значит, высказывание Иисуса вполне актуально в современной ему ситуации[80]. Иисусу не нравилось такое поведение, и он был солидарен с теми, кто его запрещал.

Вместе с тем возражения Уэллса не достигают цели, ибо степень подлинности этих слов не принципиальна. По мнению *Марка*, Иисус говорил нечто в этом роде, — значит, формулировка у Павла близка к предполагаемым словам Иисуса. И Павел указывает, что это не его личная попытка скрепить семейные узы, а учение самого Господа. Судя по всему, он основывается на предании, которое восходит к историческому Иисусу. Во всяком случае, Павел считает, что Иисус этому учил.

Аналогичным образом обстоит дело с другим отрывком из Первого Послания к Коринфянам, где Павел, видимо, ссылается на учение Иисуса. Он рассматривает вопрос о том, имеют ли апостолы право получать финансовую поддержку во время миссионерской деятельности. Ответ Павла: да, имеют (хотя лично он, Павел, обычно не пользуется этой возможностью). Основание же таково:

Так и Господь повелел проповедующим Евангелие жить от благовествования.
(1 Кор 9:14)

Комментаторы давно заметили, что эта заповедь отражена и в евангельской традиции: в несколько разных формах она содержится в Евангелиях от Матфея и Луки (а значит, восходит к Q). Особенно подходит версия Луки. В ней Иисус объясняет ученикам, как они должны вести себя во время проповеди:

В доме же том [в который поначалу пришли] оставайтесь, ешьте и пейте, что у них есть, ибо трудящийся достоин награды за труды свои; не переходите из дома в дом.
(Лк 10:7)

Опять-таки цитата у Павла очень похожа на слова, которые в другом тексте приписываются Иисусу. Большинство исследователей Павловых посланий делают отсюда естественный вывод, что в 1 Кор 9:14 Павел говорит об учении Иисуса.

Других явных цитат из учения Иисуса у Павла нет (хотя исследователи находят ряд более скрытых отсылок)[81]. Но почему Павел не цитирует Иисуса чаще? Ответ на этот непростой вопрос мы попытаемся подыскать в конце данной главы. А пока подчеркнем самое важное: Павел считал Иисуса исторической личностью и иногда ссылался на его учение.

В некоторых местах Павел говорит о «слове» или «заповеди Господа». Например, в Первом Послании к Фессалоникийцам (самое раннее его послание) он обсуждает грядущее пришествие Иисуса с неба, когда все мертвые воскреснут и воссоединятся со всеми живыми верующими в Господе (1 Фес 4:13–18). По ходу дела Павел пишет:

Ибо это мы вам говорим словом Господним, что мы живые, остающиеся до пришествия Господа, отнюдь не опередим усопших, потому что сам Господь при призывном кличе, при гласе архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде…
(1 Фес 4:15–16)[82]

С точки зрения Павла, сначала встретятся с Господом умершие, а затем — те, кто не умерли. Все это он узнал из «слова Господня». Как мы уже сказали, мифологист Дж. Уэллс полагает, что высказывания Иисуса в Павловых посланиях были заимствованы не из преданий об историческом Иисусе, а из высказываний пророков в Павловых церквях, вещавших от имени Господа небесного. Не исключено, что в некоторых случаях это так и есть: отрывок из 1 Фес — один из возможных случаев. Дело в том, что историческому Иисусу нигде не приписывается описание событий, которые произойдут при его возвращении (ср. однако Мф. 24:3-44). Поэтому есть два варианта: Павел либо знал неизвестное нам высказывание Иисуса, либо получил эти сведения из пророчества в одной из своих церквей.

На мой взгляд, возможно и то, и это. С одной стороны, Иисус говорил множество (сотни, тысячи) вещей, которые не попали в Евангелия. С другой стороны, Иисусу многое приписывалось (например, в Евангелии от Фомы и поздних Евангелиях). Павел вполне мог слышать о речениях Иисуса (в частности, отраженных в 1 Фес), которые в других наших

источниках не зафиксированы (безотносительно их подлинности). Не исключено и то, что информация почерпнута им из пророчества.

В любом случае, это иная категория Господних речений, чем та, о которой мы говорили выше. Когда слова Господа, как их передает Павел, очень похожи на слова, приписываемые Иисусу, есть все основания полагать, что Павел цитировал (как он сам думал) слова Иисуса[83].

Предварительные итоги: Павел и Иисус

Итак, Павел считал Иисуса реальной исторической личностью и обладал некоторой информацией о его жизни. Мифологисты обычно пытаются это отрицать. Некоторые из их наиболее расхожих доводов мы рассмотрим ниже, а пока кратко резюмируем, что мы выяснили о представлениях Павла об историческом Иисусе.

Легко видеть, что в отличие от евангелистов Павел не включает в свои тексты большого количества преданий об Иисусе. Многим читателям Нового Завета кажется это странным: почему он не пишет об Иисусе больше? Казалось бы, это естественно. Об этом вопросе мы подробнее поговорим дальше, поскольку у многих мифологистов есть такой аргумент: если бы Павел знал об историческом Иисусе, то больше рассказал бы о нем. А пока подчеркнем два момента. Во-первых, тексты Павла — это его послания его церквям (и Римской церкви, которую он не основывал лично). Они написаны в связи с проблемами, которые возникли в этих церквях. Поэтому Павел не ставил перед собой задачу рассказать все, что знает и думает о Боге, Христе, Духе, церкви, положении человека и т. д. Он затрагивал проблемы, стоявшие перед христианами. Возьмем аналогию: за последние тридцать пять лет я написал сотни писем по религиозным вопросам. Без труда можно найти семь из них, в которых нет ни одного высказывания Иисуса и ни одной отсылки к его словам и делам.

Во-вторых, из Павловых писем предельно ясно, что он знал (или как минимум думал), что Иисус совсем недавно жил на Земле. Павел упоминает, что Иисус родился, был евреем, прямым потомком царя Давида, имел братьев (в частности, Иакова), проповедовал евреям, учил, имел двенадцать учеников, предвидел собственную смерть, совершил трапезу с учениками в ночь, когда его выдали властям, и был распят по наущению евреев в Иудее. Несколько раз Павел упоминает и об учениях Иисуса. Сомнений быть не может: для апостола Иисус — реальная историческая личность, о которой кое-что известно.

Иногда Павел подчеркивает, что унаследовал предания об Иисусе от тех, кто были до него. Вспомним его формулировку: «принял то, что и вам передал» — у еврейских учителей это фактически термин, обозначавший передачу традиций и учений. Однако даже в тех местах, где Павел не ссылается на полученное предание, ясно, что он к нему апеллирует. Мы уже говорили о цитировании апостолом древнего адопцианского символа веры (Рим 1:3–4), где Иисус обретает богосыновство лишь после воскресения. Этот символ веры не был придуман Павлом: в нем использованы слова и выражения, для Павла не характерные (в частности, «Дух святости»), а также концепции, ему не очень близкие (Иисус стал Сыном Божиим после воскресения!).

Но где и от кого Павел получил эти предания? Частичные ответы на эти вопросы можно прочесть между строк. Скажем, апостол пишет, что до обращения был яростным гонителем церкви Христовой, но после некоего таинственного откровения уверовал, что Иисус есть Сын Божий (Гал 1). По его словам, через три года он наведался в Иерусалим, где пятнадцать дней общался с Кифой и Иаковом. Кифа — один из двенадцати учеников Иисуса, а Иаков — брат Иисуса. О важности этого факта мы поговорим в следующей главе, а пока лишь скажем, что во время этого визита Павел, вероятно, и узнал многие предания, на которые потом ссылался в своих посланиях прямо или которые отразились в них косвенно.

Когда это было? Поскольку Павел иногда дает временные указания («спустя три года», «через пятнадцать лет»), мы можем выстроить приблизительную хронологию его жизни. Судя по всему, он обратился вскоре после смерти Иисуса (ок. 30 г. н. э.), но до 40 года. Последняя дата основана на том, что, согласно 2 Кор 11:32, набатейский царь Арета хотел арестовать Павла за христианскую проповедь. Арета умер около 40 года. Значит, Павел обратился в 30-е годы. Приняв во внимание все хронологические подсказки в Павловых посланиях, ученые датируют обращение Павла началом 30-х годов: возможно, это 32-й или 33 год, то есть года через два-три после распятия Иисуса. Стало быть, если спустя три года после обращения Павел разговаривал в Иерусалиме с Кифой и Иаковом, он получил предания, о которых впоследствии упоминает в письмах, в 35-м или 36 году. Сами же предания были еще древнее и восходят ко времени не позднее пары лет после распятия.

Отсюда предельно ясно, что Иисуса считали исторической личностью уже в первые годы после традиционной даты его смерти. Вопреки утверждениям мифологистов, отнюдь не в Евангелии от Марка (ок. 70 г. н. э.) мы впервые слышим об историческом Иисусе. Данные из Павловых посланий четко соответствуют данным из евангельских преданий, чьи устные источники также почти наверняка восходят к римской Палестине 30-х годов. Еще Павлу известно, что всего лишь спустя несколько лет после Иисуса его ученики говорили о том, что говорил и делал в Палестине этот еврейский учитель, распятый римлянами по наущению еврейских властей.

Перед нами убедительное совпадение свидетельств: источники Евангелия и рассказы древнейшего христианского писателя указывают в одну сторону. Трудно объяснить его иначе, чем тем, что Иисус и впрямь существовал.

Контрдоводы мифологистов

Как мы уже сказали, некоторые ученые положили жизнь на изучение истории и посланий апостола Павла. Я лично знаком с целым рядом исследователей, которые работали с этими текстами двадцать, тридцать, сорок и более лет. Это и христиане самых разных взглядов (фундаменталисты, умеренные, крайне либеральные), и агностики, и атеисты. Насколько мне известно, все они считают, что Павел видел в Иисусе реальную историческую личность. Для них это, в сущности, самоочевидно. Однако многие мифологисты полагают научный консенсус ошибочным. В поддержку своей теории они приводят некоторые любопытные доводы. На мой взгляд, это слабые доводы, но рассмотрим их все-таки серьезно.

Теория интерполяции

Мы уже говорили о незамысловатом способе скинуть со счета свидетельства Павловых посланий о человеке Иисусе: считать их поздними вставками христианских переписчиков, вложивших в уста Павла высказывания о земной жизни Господа. Удобно, нет слов: если свидетельство противоречит теории, оно удаляется. Стоит подчеркнуть, что вовсе не специалисты по Павлу, посвятившие годы изучению Посланий к Римлянам, Галатам и Коринфянам, считают, что Павел не упоминал о деталях жизни Иисуса — рождении от женщины, иудействе, происхождении от Давида, проповеди среди евреев, последней трапезе ночью и важных учениях. Лишь мифологисты, которым не нужно, чтобы Павел упоминал об историческом Иисусе, настаивают, что эти отрывки не принадлежат перу апостола. Всегда стоит помнить, кто выдвигает ту или иную теорию…

Если же говорить о сути дела, у теории вставок нет ни текстуальных оснований, — упоминания об Иисусе содержатся абсолютно во всех рукописях, — ни мало-мальски

серьезных литературных оснований. Почти наверняка Павел написал эти отрывки. Да и вообще, вздумай переписчики вставлять упоминания о жизни Иисуса в Павловы послания, почему они ограничились столь немногим? Почему бы не вставить сообщения о девственном зачатии, рождении в Вифлееме, притчах и чудесах Иисуса, суде перед Пилатом и т. д.? Трудно уйти от мысли: как бы ни интерпретировать христологию Павла, и как бы ни объяснять, почему Павел не сказал об Иисусе больше, он явно считал Иисуса исторической личностью и полагал, что знает важные факты о его жизни и смерти.

Доводы Дж. Уэллса

Более занятные соображения о Павловых воззрениях на Иисуса высказывает Дж. Уэллс. Если Павел знал об историческом Иисусе, спрашивает Уэллс, почему он умолчал почти обо всем, о чем рассказывают Евангелия? Скажем, мы почти ничего не слышим об учении Иисуса: в Павловых посланиях есть всего три упоминания о нем. Может, Павел не придавал ему значения? Если нет, то почему? А если придавал, почему не ссылался на него? Да и о событиях жизни Иисуса апостол почти не пишет: ни о чудесах, ни об экзорцизмах, ни о воскрешении мертвых. Неужели и это считал маловажным? А ведь почти ничего не сказано и о подробностях Страстей: пребывании в Иерусалиме, предательстве Иуды, суде перед Понтием Пилатом. Полагал ли это Павел несущественным? По мнению Уэллса, если бы Павел знал об этих вещах, он считал бы их очень важными и упоминал о них. Его молчание наводит на мысль, что он о них не знал.

Особенно важен для Уэллса тот факт, что Павел почти не цитирует высказывания Иисуса и не упоминает о его чудесах. Все-таки учение Иисуса — вещь далеко не последняя по значимости, и о нем было бы уместно вспомнить при обсуждении тех или иных вопросов. Уэллс приводит следующие примеры.

• По словам Павла, «мы не знаем, о чем молиться» (Рим 8:26)[84]. Почему же «не знаем», когда Иисус (казалось бы) научил учеников молитве «Отче наш»? Как мог Павел не знать столь элементарной информации об Иисусе, если она существовала?

• Павел одобрительно отзывается об идее целибата (1 Кор 7). В этой связи ему пригодилась бы похвала Иисуса «скопцам для Царства Небесного» (Мф 19:12), но апостол как будто о ней и не знает.

• Павел учил христиан: «Благословляйте гонителей ваших» (Рим 12:14). Почему бы апостолу не сослаться здесь на Нагорную проповедь, дабы показать, что это наставление — не его лишь личная точка зрения?

Далее — чудеса. По словам Уэллса, «евреи ожидали, что мессианская эпоха ознаменуется чудесами». Стало быть, рассуждает Уэллс, если бы Павел хотел в лучшем виде подать благовестие и знал о чудесах Иисуса, он как минимум упомянул бы об этих чудесах.

Уэллс делает следующее методологическое замечание. Мало того, что Павел не пишет о каких-то деталях жизни Иисуса: он не пишет о тех делах и словах Иисуса, которые усилили бы его тезисы в посланиях. «Конечно, молчание не всегда доказывает незнание: любой автор знает намного больше, чем говорит. Молчание автора значимо лишь в том случае, если оно касается вопросов, имеющих отношение к теме его дискуссии» (Уэллс)[85].

Итак, замечает Уэллс, если Павел считал, что Иисус жил на земле незадолго до его миссионерской деятельности, странно, что «нет упоминаний о его служении в Галилее, да и вообще о Галилее, Вифлееме и Назарете; ни намека на то, что Иисус говорил притчи и творил чудеса, что умер он в Иерусалиме». Что касается распятия, «можно было бы ожидать, что Павел как минимум упомянул бы, где и когда произошло это важное событие — будь ему

это известно»[86]. Уэллс делает вывод: для Павла Иисус — это не фигура недавнего прошлого, не еврейский проповедник из Галилеи, распятый римлянами при Понтии Пилате.

Ответ на доводы мифологистов

На первый взгляд может показаться, что соображения Уэллса резонны. Однако при ближайшем рассмотрении они не выдерживают критики. Взять хотя бы тезис о том, что Павел обязательно должен был бы сослаться на «Отче наш» или заповедь благословлять гонителей, — здесь все очень неоднозначно.

• Во-первых, даже если бы Павел знал об историческом Иисусе очень много, он вполне мог не знать эти конкретные высказывания.

• Во-вторых, многие авторы (даже после Павла), глубоко убежденные в существовании Иисуса, ни словом не упоминают ни об «Отче наш», ни о заповеди благословлять гонителей. К примеру, этих материалов нет в Евангелии от Марка[87]. Считал ли Марк Иисуса исторической личностью? Конечно, считал. Почему же тогда не включил эти важные речения? Возможно, они не вписывались в его задачи, или он о них не слышал, — хотя, заметим, для него важны и молитва, и вопрос о поведении при гонениях.

• В-третьих, некоторые материалы, чье отсутствие привлекло внимание Уэллса, были неактуальны для адресатов Павла. К примеру, Уэллс думает, что в доказательство мессианства Иисуса Павел должен был бы ссылаться на его чудеса. Пожалуй, если бы апостол полемизировал о мессианстве Иисуса с группой евреев, он вполне мог бы сказать о чудесах. Однако все семь имеющихся у нас Павловых посланий адресованы не евреям с целью обратить их в христианство, а христианским (более того, языкохристианским) общинам, которые уже верят в Иисуса. Адресаты не нуждаются в переубеждении. С какой стати Павлу тратить время на обоснование тезиса, который собеседники уже приняли?

• В-четвертых, многое в построениях Уэллса основано на следующей логике: «Если бы я был на месте Павла, то не мог бы не сказать того-то». Подобные домыслы всегда рискованны, а уж когда мы говорим о мотивах неизвестного нам человека, жившего две тысячи лет назад, тем более. Наши соображения о логике Павловых поступков могут совершенно не отвечать действительности.

• В-пятых, Павел молчит далеко не только о жизни и учении Иисуса. Приводя в отчаяние историков, он молчит о сотнях других вещей, которые нам интересны. Взять хотя бы его молчание о самом себе: откуда он родом? Кем были его родители? Какое образование он получил? У кого он учился, с кем дружил и с кем враждовал? Какой была его религиозная деятельность до обращения? Какое «откровение» изменило его взгляд на Иисуса? Чем он занимался три года в Аравии или Дамаске, прежде чем встречаться с Кифой в Иерусалиме? На что ушли последующие четырнадцать лет? Где он путешествовал? Кем был по профессии? Чем обычно были заняты его дни? Как он обращал людей? Где знакомился с ними? Что говорил им? Что происходило, когда они принимали благовестие? И многое, многое другое. Есть тысячи вещей о Павле, которые нам интересно знать, а он о них даже не упоминает. Почему? Главным образом потому, что это не к месту. В своих письмах к церквям он рассматривает проблемы и ситуации этих церквей.

• В-шестых, повторимся: читатели Павла — христиане. Мы не знаем, сколько они уже знали о Павле и, что важнее, об Иисусе. Если их осведомленность была велика, у Павла не было нужды сообщать им, что Иисус ходил по воде, воскресил дочь Иаира или был казнен в Иерусалиме.

• В-седьмых, сравним Павла с некоторыми другими христианскими (прежде всего новозаветными) авторами, которые явно верили в существование Иисуса: найдутся ли у них

ссылки на слова и дела Иисуса, отсутствующие в Павловых посланиях? К примеру, часто ли авторы Первого Послания к Тимофею, Послания к Евреям, Первого Послания Петра, Откровения Иоанна говорят о притчах, чудесах и экзорцизмах Иисуса? Ни разу. Означает ли это, что они не знают об Иисусе? Как мы уже видели, нет, не означает. Скорее всего они лишь не видят необходимости ссылаться на данные предания.

Возьмем два очевидных случая: авторов, которые явно знали дошедшие до нас Евангелия. Как мы уже говорили, автор Иоанновых посланий (1–3 Ин) принадлежал к общине, в которой было написано Евангелие от Иоанна. Есть все признаки того, что Евангелие от Иоанна ему известно. Но сколько раз он цитирует это Евангелие в посланиях? Ни разу. Сколь часто говорит о притчах, чудесах и экзорцизмах Иисуса, его путешествии в Иерусалим и суде перед Понтием Пилатом? Ни разу. Означает ли это, что он не считает Иисуса исторической личностью? Отнюдь нет!

Аналогичным образом обстоит дело с Деяниями Апостолов. Перед нами автор, который написал Евангелие (Евангелие от Луки). Около четверти Деяний занимают речи, вложенные в уста апостолов. Сколь часто в них цитируются слова исторического Иисуса или как минимум слова Иисуса из Евангелия от Луки? Почти ни разу. Наиболее ясное исключение составляет фраза «блаженнее давать, нежели принимать» (см. выше), причем она в Евангелии от Луки отсутствует. А ведь речи из Деяний затрагивают вопросы, о которых Иисус часто говорил (к примеру, о гонениях и лжеучителях)! Тем не менее ссылок на соответствующие слова Иисуса мы не находим.

Или возьмем тексты за пределами Нового Завета. Авторы Первого Послания Климента (ок. 95 г.) и Послания Варнавы (ок. 135 г.) недвусмысленно говорят об Иисусе как о реальном историческом лице (и даже сообщают некоторые факты о нем). Однако молчат они почти о стольких же вещах, о скольких молчит Павел. Пройдемся по списку странных, по мнению Уэллса, умолчаний Павла: Первое Послание Климента и Послание Варнавы не сообщают о рождении Иисуса от девы и в Вифлееме, о его происхождении из Назарета и об искушениях в пустыне. Из них не видно, что Иисус рассказал хоть одну притчу, исцелял больных, изгонял бесов, спорил с фарисеями, преобразился на горе, совершил путешествие в Иерусалим на Пасху, въехал в город на осле, очистил Храм, отпраздновал тайную вечерю, отправился в Гефсиманию, был предан Иудой Искариотом и судим сначала первосвященником Каиафой, а затем Понтием Пилатом. Нет сведений о том, что еврейская толпа убедила Пилата освободить Варавву вместо Иисуса и так далее.

Что означает молчание? Означает ли оно, что эти люди не знали об историческом Иисусе? Напротив, они явно знали о нем. Они лишь не считали эти предания актуальными для своих целей.

Теперь возвратимся к Павлу. Как мы уже выяснили, он *знает* об историческом Иисусе. Он говорит важные вещи о его жизни и несколько раз ссылается на его учение. Почему же он не поступает так чаще? Почему его информация сколь скупа? Исследователи Нового Завета неоднократно задавались этим вопросом. Можно предложить несколько вариантов.

Начать с того, что Павел мог не очень много знать об Иисусе. Многих такое предположение шокирует: если Павел считал Иисуса своим Господом, разве не должен он был стремиться хотеть узнать как можно больше? Заметим, однако: осмысляя свою веру, христиане наших дней часто обращаются к Новому Завету, особенно евангельским повествованиям о словах и делах Иисуса. Для них самоочевидно, что настоящий христианин должен знать о жизни Иисуса. Между тем во времена, когда Павел писал свои послания, еще не существовало Евангелий. Евангелия появились позже. И не совсем понятно, сколь важными для себя считал Павел детали жизни Иисуса. Вспомним, что он сказал коринфянам:

И когда я приходил к вам… я рассудил быть у вас незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого…

(1 Кор 2:1–2)

Для Павла особенное значение имели смерть и воскресение Иисуса. Вот почему перечисляя ключевые моменты своей проповеди (1 Кор 15:3–5), апостол ограничивается следующим: Христос умер по Писанию; был погребен; был воскрешен по Писанию; явился ученикам (а затем Павлу). Именно это, а вовсе не Нагорная проповедь, по-настоящему важно для Павла. О том, почему именно Павел делал больший упор на смерть и воскресение, чем на жизнь Иисуса, ученые спорят давно, но это уже другой вопрос.

У нас нет возможности выяснить, знал ли Павел об учениях Иисуса, которые мы находим в Нагорной проповеди. Зато видно, что иногда он находил некоторые известные ему учения подходящими для своих целей и цитировал их. Относительно того, почему он не делал этого чаще, остаются лишь домыслы. Не исключено, что многое в учении Иисуса ему было попросту неизвестно. Или он не считал эти вещи существенными. Еще одна возможность: Павел цитировал многие учения Иисуса в других посланиях (лишь малая часть которых дошла до нас). Какой из этих вариантов верен, мы никогда не узнаем.

Однако с несомненностью можно утверждать: Павел считал, что Иисус существовал. Он знал о важных аспектах жизни Иисуса: Иисус был евреем, родился от еврейки, проповедовал евреям и был ими отвергнут, претерпел казнь. Знал апостол и о некоторых учениях Иисуса. Знал, что Иисус был распят. Снова и снова возвращался Павел мыслями к этому важнейшему для него моменту: Иисус умер. Но ведь не может умереть человек, который не жил…

Заключение

В результате наших изысканий мы убедились, что об историчности Иисуса свидетельствует не один лишь источник (скажем, Евангелие от Марка). Независимо от Евангелий об этом ясно говорят апостол Павел и множество других текстов: речи из Деяний Апостолов (содержат материал более ранний, чем Павловы послания), затем Послание к Евреям, Первое и Второе Послания Петра, Послание Иуды, Откровение Иоанна, Папий, Игнатий Антиохийский и Первое Послание Климента. Эти десять свидетельств можно добавить к семи евангельским свидетельствам (полностью или частично независимым). Но этого мало. Стоит учесть и устные предания, которые имели хождение до письменных отчетов. Более того, информация об Иисусе, которой обладал Павел, по-видимому, восходит к началу 30-х годов (как и часть материала в Деяниях Апостолов). Сведения об Иисусе в этих источниках подтверждают и некоторые аспекты евангельских преданий, часть которых также можно проследить до арамеоязычной Палестины 30-х годов.

Вырисовывается убедительная картина: Иисус — не выдуманная, а абсолютно реальная историческая личность, жившая в Палестине. Однако существуют и другие свидетельства. Мы обратимся к ним в следующей главе.

5 Два ключевых факта в пользу историчности Иисуса

Подчас меня спрашивают, особенно сторонники, почему я мало отвечаю ученым и блогерам, которые критикуют мою деятельность и нападают на меня лично. Вопрос хороший, и на него у меня есть несколько ответов. Во-первых, сутки не резиновые. Если бы я отвечал на все глупости, у меня не было бы времени ни жить, ни работать. Во-вторых, я полагаюсь на разумность читателей. Мне кажется, многие из них способны отличить правдоподобные выкладки от галиматьи и аргументированную теорию от фантазии, в основе которой лежит желание доказать те или иные богословские или идеологические позиции.

В прошлом году группа хорошо спонсируемых консервативных христиан (среди них мой бывший студент, не слишком любивший мои лекции) создали в Интернете сайт под названием *The Ehrman Project.* На нем выставлены короткие видеоответы (очень

консервативных евангельских ученых практически на все, о чем я писал, собирался писать и даже думал. Мои студенты поначалу были растеряны: как к этому относиться? Я сказал, что ничего априорно дурного я здесь не вижу. Прочитайте, о чем я пишу в своем учебнике и других книгах, затем послушайте контраргументы, взвесьте «за» и «против» и решите, чьи аргументы лучше. Быть может, я слишком уж оптимист, но думаю, если человек будет рассматривать доводы непредвзято, он сумеет отличить более убедительные от менее убедительных.

Как я уже говорил, эту книжку пишу не без опаски: может достаться на орехи со всех сторон! Мифологистам нравится, что я выношу на публику научные сомнения в исторической надежности Библии, — но сейчас они будут недовольны, что я не приемлю их излюбленную идею с отрицанием историчности Иисуса. Консервативные христиане порадуются, что я доказываю историчность Иисуса, но возмутятся остальному, что я говорю об Иисусе. Таково уж магистральное направление в науке: задевает людей с обеих сторон спектра. Однако исследователь должен исходить из фактов и аргументов, а не из того, что ему нравится. Я с глубочайшим подозрением отношусь к ученым (любых взглядов), чьи «исторические» находки случайно совпадают с тем, что они думали раньше. Повторюсь, такое бывает у авторов с противоположных сторон спектра: и у тех, кто с пеной у рта доказывает, что «Иисус не существовал», и у тех, кто считает «доказанным» физическое воскресение Иисуса.

На мой взгляд, Иисус существовал, но не был таким, каким его считают большинство христиан.

О последнем обстоятельстве мы поговорим позже, а сейчас продолжим нашу основную тему: Иисус был исторической личностью. В данной главе мы сосредоточимся на двух существенных моментах. На мой взгляд, они не оставляют и тени (разумного) сомнения, что Иисус был палестинским евреем, распятым римлянами. Для этого нам придется сначала вернуться к Павлу. Однако на сей раз нас интересуют не высказывания Павла об Иисусе, а круг его общения: Павел был лично знаком с Петром, ближайшим учеником Иисуса, и Иаковом, братом Иисуса.

Знакомства Павла

Вспомним некоторые важные события в жизни Павла. Как мы уже сказали, создается впечатление, что Павел обратился в христианство около 32–33 годов (считая, что Иисус был распят приблизительно в 30 году). В одном из редких автобиографических отрывков Павел указывает, что спустя несколько лет после обращения он пошел в Иерусалим, где лично общался с двумя выдающимися представителями христианского движения:

Потом, спустя три года, ходил я в Иерусалим видеться с Петром и пробыл у него дней пятнадцать. Другого же из апостолов я не видел никого, кроме Иакова, брата Господня. А в том, что пишу вам, пред Богом, не лгу.

(Гол 1:18–20)

Кифа — это Симон Петр, ближайший ученик Иисуса[88]. Иаков, по словам Павла, — брат Господа. Какой бесценный источник информации об историческом Иисусе! И какая жалость, что я с ними не знаком…

Апостол Петр

Петр — не просто один из Двенадцати[89]: он входил в еще более узкий круг учеников, состоявший, помимо него, из Иакова и Иоанна. В Евангелиях эти трое проводят с Иисусом больше времени, чем остальные ученики, и ближе всего к Иисусу — Петр. Почти во всех

источниках Петр предстает как самый доверенный из учеников на протяжении всей проповеди Иисуса после крещения.

Приблизительно в 36 году Павел отправился в Иерусалим пообщаться с Петром (Гал 1:18–20), где провел пятнадцать дней. Не надо думать, что единственной или даже основной его целью было побольше разузнать об Иисусе. Запросто может быть, что Павлом двигало желание обговорить с Петром, — руководителем (или одним из руководителей) иерусалимских христиан, — свою миссионерскую деятельность среди язычников (сам Петр проповедовал евреям). Согласно Гал 2:1-10, именно по этой причине Павел снова побывал в Иерусалиме четырнадцатью годами позже. Однако невозможно представить, чтобы Павел провел две недели с близким спутником Иисуса и не узнал об Иисусе хоть что-нибудь (например, что Иисус существовал).

Еще существеннее очевидный факт, что, по словам Павла, он общался с Иаковом, братом Иисуса. Правда, Павел называет его «братом Господа», а не «братом Иисуса». Однако это ничего не меняет: обычно Павел называет Иисуса Господом, а имя Иисус (без добавления слова «Христос» и других титулов) использует редко[90]. Можно ли представить более ясное свидетельство наличия очевидцев? Знакомство Павла с ближайшим учеником Иисуса и с братом Иисуса — серьезная проблема для мифологической теории.

Братья Иисуса

Стоит сказать несколько слов о братьях Иисуса. Мы уже отмечали сообщение Павла о том, что «братья Господни» участвовали в христианской миссионерской деятельности (1 Кор 9:5) и что слово «брат» не может иметь *в данном контексте* сугубо духовный смысл (напр., «все мы друг другу братья», или «все мы братья во Христе»). Действительно, Павел часто использует слово «брат» в метафорическом смысле, когда обращается к членам христианских общин. Однако, говоря о «братьях Господних» в 1 Кор 9:5, он не включает в их число ни себя, ни Кифу. Это было бы лишено смысла, если бы под «братьями Господними» имелись в виду все «верующие в Иисуса»: Павла и Кифу нельзя исключать из числа верующих! Значит, здесь слово «братья» использовано в более узком значении. Они действительно братья Господу (Иисусу). Вместе с Кифой и Павлом они вели миссионерскую деятельность.

Аналогичным образом обстоит дело с Гал 1:18–19. Когда Павел говорит, что, помимо Кифы, видел из апостолов лишь «Иакова, брата Господня», он не может использовать выражение «брат Господень» в значении «верующий»: верующими были и Петр, и другие апостолы. Значит, смысл — иной, буквальный. Иаков действительно был братом Иисуса.

В качестве отступления заметим, что Римско-католическая церковь столетиями отрицала наличие у Иисуса *родных* братьев. Согласно ее учению, люди, которые в Новом Завете называются «братьями» Иисуса, не были связаны с ним узами столь тесного родства, ибо не родились от Девы Марии. Однако этот тезис основан не на исторических фактах и не на внимательном анализе новозаветных текстов, а на доктринальных соображениях. Согласно традиционной католической догматике, Мария была Приснодевой, то есть сохраняла девство и после рождения Иисуса на протяжении всей жизни.

Данная концепция во многом обусловлена тем, что в сексуальных отношениях видели нечто порочное. Между тем Дева Мария, согласно католическому учению, не обладала грешной природой. В принципе идея логичная: если бы она ей обладала, она передала бы ее Иисусу. Отсюда возник догмат о Непорочном зачатии Девы Марии: с самого момента своего зачатия она была сохранена от первородного греха. А поскольку она не имела грешной природы, она не могла делать ничего порочного (включая секс). По окончании своей жизни она не умерла, а была взята на небеса («Вознесение Девы Марии»).

Протестанты же давно утверждали, что все эти учения о Деве Марии не имеют основания в Библии. И как историк, я должен сказать, что они, видимо, правы. В древнейших преданиях об Иисусе и его семье не заметно ни следа подобных богословских концепций и выкладок. Но если католики верят, что Мария была Приснодевой и никогда не занималась сексом, кем же они считают «братьев» Иисуса?

На сей счет католическая традиция давала два разных ответа, один из которых стал стандартным.

• Более ранняя концепция: «братья» Иисуса — сыновья Иосифа от первого брака. Она восходит к поздним апокрифическим сказаниям о Рождестве, которые утверждают, что во время помолвки с Марией Иосиф был глубоким стариком (какой уж тут секс!). Эта концепция сохраняла свой авторитет веками: не случайно в средневековой живописи Иосиф изображался пожилым (а Мария — в самом цвете юности). Заметим, однако, что даже если она верна, — в пользу чего нет ни одного надежного свидетельства, — Иаков все равно был близким родственником Иисуса.

• Более поздняя концепция: «братья» Иисуса — двоюродные братья. Во многом она обрела авторитет благодаря трудам Иеронима, христианского писателя IV века. Иероним был аскетом и отказался от радостей секса, а аскетизм считал высшей формой христианской жизни. Однако ему не приходило в голову считать себя более выдающимся аскетом, чем близкие родственники Иисуса. Он полагал более естественным, что у Иисуса не только мать, но и отец (отцовство шло через узы адаптации) был аскетом. Даже Иосиф никогда не занимался сексом. А раз он не занимался сексом, у него не могло быть детей от первого брака! Значит, «братья» Иисуса — вовсе не его сыновья. Иероним решил считать этих «братьев» двоюродными братьями.

Основной минус второй концепции состоит в том, что в греческом языке «двоюродных братьев» обозначало особое слово, которое Новый Завет *не* применяет ни к Иакову, ни к другим братьям Иисуса. И если читать текст без натяжек, его проще всего понять в том смысле, что Евангелия и Павел говорят о *родных* братьях Иисуса. Поскольку ни Марк (именно он впервые упоминает о наличии у Иисуса четырех братьев и нескольких сестер: Мк 6:3), ни Павел, не учат о рождении Иисуса от Девы, правдоподобнее всего считать, что они считали Иисуса рожденным, как все люди. Отец и мать Иисуса имели сексуальные отношения. У этой счастливой пары родился Иисус и (затем?) другие дети. Соответственно, «братья» Иисуса — его родные братья.

С одним из этих братьев Павел был знаком лично. Это очень большая близость к историческому Иисусу. Если бы Иисус не существовал, его брат обязательно должен был бы это знать!

Мифологисты об Иакове

А что же мифологисты? Они давно поняли, что знакомство Павла с братом Иисуса создает серьезные проблемы для их теории. Если Павел общался с близкими родственниками Иисуса, о какой неисторичности Иисуса можно говорить? Поэтому они всячески пытаются (на мой взгляд, безуспешно) доказать, что Павловы высказывания об Иакове, брате Господа, означают не то, что кажется на первый взгляд. Последняя попытка такого рода принадлежит мифологисту Роберту Прайсу. В своем обширном исследовании он приводит три разных объяснения того, почему Иаков называется «братом Господним», но не является братом Иисуса. Он честно пишет, что если объяснения «окажутся притянутыми за уши, необходимо будет признать это и отвергнуть их»[91]. Что же получается в итоге? Он не признает их таковыми, но и…не принимает их! Поневоле остаешься в недоумении.

Что же это за гипотезы? Одну из них энергично развивает Дж. Уэллс, опираясь на забытые выкладки Дж. Робертсона в 1927 году[92]. С его точки зрения, в Иерусалиме существовало небольшое братство мессианских евреев, называвших себя «братьями Господа». К их числу принадлежал и Иаков. Для сравнения Уэллс берет Коринф: Павел именует себя «отцом» коринфской общины (1 Кор 4:15), и некоторые коринфские христиане именовали себя «Христовыми» (1 Кор 1:11–13). Уэллс замечает:

Если существовала коринфская группа, называвшая себя «Христовыми», вполне могла существовать и иерусалимская группа, называвшая себя «братьями Господними». И совсем необязательно последняя была лучше знакома с Иисусом, чем Павел. Иаков же, «брат Господа», вполне мог быть руководителем этой группы[93].

Уэллс цитирует еще Мф 28:9-10 и Ин 20:17, где Иисус называет своих учеников (не родственников!) «братьями».

Эти доводы кажутся резонными лишь на первый взгляд. Прежде всего отметим, что последние два евангельских отрывка вообще не имеют отношения к делу. Они говорят не о какой-то отдельной группе ревностных миссионеров, а всего лишь о Двенадцати. Между тем Уэллс вообще отрицает наличие Двенадцати, поскольку не считает Иисуса исторической личностью I века, имевшей учеников. Когда в Евангелиях ученики Иисуса называются его братьями, это ничуть не льет воду на мельницу гипотезы Уэллса о наличии в Иерусалиме особой миссионерской группы, в которую входил Иаков.

Ситуация в коринфской общине — также слабый аргумент. Павел называет себя «отцом» всей коринфской общины, а не какой-то особой группы внутри ее. Более того, вопреки мнению Уэллса, мы ничего не знаем о группе, называвшей себя «Христовыми». Да, конечно, были христиане, которые говорили, что верны, прежде всего, Христу (а не Павлу, Кифе или Аполлосу). Однако мы совершенно не знаем, как они себя называли: у Павла об этом нет ни слова. Сравнение с иерусалимской группой, именовавшей себя (по мнению Уэллса) «братьями Господними», совершенно неправомерно.

А из чего видно, что в Иерусалиме вообще существовала группа ревностных мессианских евреев, которые стояли особняком от остальных иерусалимских христиан? Абсолютно ни из чего. Ни один источник об этом не упоминает. Эта группа — плод воображения Уэллса и его предшественника Робертсона. Более того, ее существование крайне маловероятно: во всех наших преданиях Кифа и Иаков действуют в тесной спайке. Эти евреи верят в воскресение Иисуса, живут в Иерусалиме, трудятся во имя общих целей, участвуют в общих собраниях и совместно руководят домашней церковью. Кифа — миссионер, которого посылает эта церковь. Если бы в Иерусалиме существовала группа «братьев Господних», состоявшая из ревностных еврейских миссионеров, Кифа обязательно был бы ее членом. Почему же тогда Иаков назван «братом Господним» *в отличие* от Кифы?

Поэтому Уэллс просто хватается за соломинку. Будет нелишним вспомнить, что мы уже знаем. Согласно нескольким независимым традициям (Евангелие от Марка, Евангелие от Иоанна, Павловы послания, Иосиф Флавий), у Иисуса были братья. Также согласно ряду независимых источников, одного из этих братьев звали Иаковом. Павел говорит об Иакове, брате Господнем. Ясно, что самое очевидное, напрашивающееся и естественное объяснение состоит в том, что Павел имеет в виду брата Иисуса. Этого объяснения придерживаются абсолютно все известные мне специалисты по Посланию к Галатам.

Еще одну попытку уйти от очевидного смысла Павловых слов предложил Прайс. (Заметим, что эта вторая гипотеза исключает первую.) Прайс допускает, что Иакова стали называть «братом Господним», ибо он столь глубоко осмыслил Иисуса небесного, что фактически стал его двойником. В подтверждение Прайс ссылается на некоторые апокрифы, в частности, Деяния Фомы (II век н. э.)[94], где Фома назван «близнецом» Иисуса. Но почему он так назван? Прайс дает ответ: Фома лучше других понял, кто есть Иисус (ср. Евангелие от

Фомы 13). Прайс указывает еще на несколько апокрифов, касающихся Иакова Иерусалимского и называющих его братом Иисуса. С точки зрения Прайса, это опять же может быть связано с особой связью Иакова с Иисусом, особенно глубоким пониманием Иисусова учения.

Однако последнее соображение очень уязвимо. В этих других апокрифах Иакова называют братом Иисуса потому, что таково было широкое убеждение ранних христиан. Апокрифисты считают это самоочевидным.

Аналогичным образом обстоит дело с Деяниями Фомы. В этом любопытном произведении все упирается в то, что Фома — и в самом деле брат Иисуса. И не просто брат, а близнец. Он не брат лишь потому, что согласен с Иисусом или очень хорошо его понимает. Напротив, из первой же сцены видно, что особой продвинутостью Фома не отличается. После воскресения Фоме выпадает миссия идти с проповедью в Индию, но он не хочет. Лишь явление Иисуса с небес переубеждает его. О том, что Фома глубже всех понимал Иисуса, сказано в совсем другом тексте, Евангелии от Фомы. Но последнее не называет Фому братом (и уж тем более близнецом) Иисуса.

В некоторых сегментах древней Церкви существовало представление о том, что Фома — брат-близнец Иисуса. (По-арамейски «Томб» как раз и значит «близнец»!) Взяв эту идею на вооружение, автор Деяний Фомы обыграл ее, например, в следующей занятной истории. Корабль, на котором Фома (с неохотой) отправился в Индию, заходит по дороге в крупный город, где вот-вот должно начаться свадебное торжество: царская дочь выходит замуж за одного из местных аристократов. Фому приглашают на праздник, и после церемонии он заводит с новобрачными весьма необычные речи. Как добропорядочный христианский аскет, Фома считает секс греховным, а воздержание — желательным даже для людей, состоящих в браке. Поэтому он пытается убедить царскую дочь и ее мужа не завершать свой брак этой ночью.

Его речи не имеют успеха. Он покидает сцену, и молодые входят в брачный покой. И к своему величайшему изумлению, видят там Фому, сидящим на ложе! Во всяком случае, они думают, что это Фома: сходство с человеком, с которым они только что говорили, разительное. Однако это не Фома, а Иисус. Иисус сошел с неба, чтобы завершить задачу, проваленную братом. Иисус говорит убедительнее Фомы и завоевывает сердца новобрачных, которые после этого проводят ночь не в объятиях, а в разговорах.

Как видим, здесь все строится на том, что Фома и Иисус — братья-близнецы в самом буквальном, а не в символическом или духовном, смысле слова.

Поразительно, конечно, что христианам вообще такое приходило в голову. Разве мать Иисуса не была девственницей? И если да, то откуда мог взяться брат-близнец?

Ни один из наших источников не дает ответа на этот вопрос. Возможно, ответ следует искать в тогдашних мифологических системах. Известны мифы о героях, родившихся от союза бога и человека. В некоторых из них смертная женщина также зачинает от мужа, в результате чего на свет появляются близнецы. (Как они могут быть идентичными, можно лишь диву даваться, но генетика не была сильной стороной большинства древних сказителей.) Взять, к примеру, мифы о Геракле. Его мать, Алкмена, стала возлюбленной Зевса, но впоследствии понесла ребенка и от своего мужа Амфитриона. В результате родились близнецы: божественный Геракл и обычный смертный Ификл.

Не исключено, что в подобном ключе мыслили и некоторые христиане: Иисус был зачат, когда Мария была еще девой, но затем после связи с мужем появился второй сын, брат-близнец Фома. Конечно, это всего лишь предположение, но оно выглядит разумным. Зато совершенно неразумной выглядит интерпретация этих сказаний, при которой Фома и Иисус не родственники. Напротив, вся суть состоит в том, что они братья-близнецы!

В обосновании своей теории, что смертный мог считаться особым «братом» Иисуса, если хорошо поразмыслил над его учением, Прайс ссылается на ряд апокрифических Деяний[95]. Однако что это за ссылки? Это тексты, где говорится именно о Фоме и Иакове, то есть как раз тех апостолах, которые считались *физическими* братьями Иисуса! А в качестве решающего доказательства Прайс упоминает вождя Тайпинского восстания по имени Хун Сю-цюань, жившего в XIX веке. Этот китайский повстанец называл себя «младшим братом Иисуса». Прайс восклицает: «Возможная параллель с Хуном Сюцюанем практически доказывает, что именование Иакова «братом Господним» не обязательно означает его буквальное родство с историческим Иисусом». Коль скоро Хун Сюцюань не был братом Иисуса, им запросто мог не быть и Иаков[96].

Однако это несерьезный аргумент. Как может китайский революционер XIX века что-то доказывать относительно жителя Палестины I века? Хун Сюцюань жил спустя восемнадцать столетий, в совершенно другой стране и других социальнокультурных условиях. К тому моменту уже существовала многовековая христианская традиция. Хун Сюцюань не имел ни малейшего отношения к историческому Иисусу или историческому Иакову. Даже по меркам Прайса, использовать его в качестве решающего аргумента — колоссальная натяжка.

Поэтому у Прайса есть третий способ понять выражение «Иаков, брат Господень» не в смысле родства Иакова с Иисусом. Прайс пишет об этом не вполне ясно, но общий смысл следующий: иногда в Библии персонаж олицетворяет собой целую группу. Скажем, в Книге Бытия патриарх Иаков получает имя Израиль и становится родоначальником колен Израилевых; Исмаил — отец исмаильтян; Вениамин представляет южное колено Израиля (колено Вениаминово) и т. д. С точки зрения Прайса, все это выдуманные персонажи, и сходным образом может обстоять дело с Иаковом: Иаков был главой группы, которая связывала себя с Иисусом. Прайс предполагает, что эта еврейская секта имела отношение к общине, изготовившей кумранские рукописи. Чтобы подчеркнуть важность своей группы и крепость своих уз с Иисусом, они со временем стали утверждать, что Иаков есть брат Господень. Прайс считает, что он был первосвященником кумранской общины. По мнению Прайса, данная гипотеза способна пролить свет на «иначе необъяснимое соперничество между сторонниками Двенадцати и сторонниками Столпов (возглавляемых Иаковом)»[97].

Однако здесь уж совсем домысел на домысле. Есть веские основания полагать, что кумранская община не имела непосредственного отношения к христианам, и что исторический Иаков не был связан с кумранитами и уж тем более не был первосвященником[98]. Ни один древний источник об этом не говорит. Абсолютно все источники, упоминающие христианина Иакова, — Павловы послания, Деяния Апостолов, Псевдо-Климентины, — изображают его главой первоначальной церкви в Иерусалиме. Большинство из них (вместе с Евангелием от Марка и Иосифом Флавием) считают его братом Иисуса. У Иакова нет ничего общего с Израилем, Исмаилом и Вениамином: они считались родоначальниками племен, которые произошли от них и были связаны с ними кровными узами. Никто не считает, что группа Иакова в Иерусалиме состояла из его детей и внуков. Прайс не приводит никаких аналогий для своего варианта понимания Иакова, «брата Господня» как главы особой группы в Иерусалиме. А способность данной теории объяснить «соперничество» между «Двенадцатью» и «Столпами» уж совсем сомнительна. «Столпами» Павел называет в Послании к Галатам руководителей иерусалимской церкви: Петра, Иакова и Иоанна, из которых двое *принадлежали к Двенадцати*! О каком соперничестве здесь может идти речь? Разве что о (чисто гипотетических) трениях между Петром и Иоанном…

Прайс разумно пишет: «Не надо руками и зубами цепляться за излюбленную теорию», пытаясь объяснить выражение «брат Господень». Но именно это он и делает! Павел познакомился с Иаковом приблизительно в 35–36 годах н. э., спустя всего лишь несколько лет после традиционной даты смерти Иисуса. Он называет его братом Господа. Другие предания, возникшие задолго до Евангелий, говорят, что у Иисуса были братья, и что одного

из них звали Иаковом. Иосиф Флавий также называет Иакова братом Христа. Какой наиболее естественный вывод отсюда следует? У Иисуса был брат по имени Иаков. И Павел общался с ним в середине 30-х годов н. э. Опять-таки мы подходим очень близко по времени к жизни Иисуса. Ясно, что Иаков должен был знать, существовал его брат или не существовал…

Распятый Мессия

Как мы уже сказали, эта глава посвящена двум фактам, которые с особой ясностью доказывают историчность Иисуса. Есть и множество других фактов, убедительных практически для всех, кто исследовал их непредвзято. Однако эти два факта особенно весомы. Они не зависят друг от друга и вообще никак не связаны. Первый из них — знакомства Павла: в Палестине 30-х годов Павел общался с Петром, ближайшим учеником Иисуса, и Иаковом, родным братом Иисуса. Второй факт — это информация, которой Павел обладал еще раньше. Да и не только Павел, но и все первые христиане. Первые христиане не просто считали Иисуса Мессией: они считали его *распятым* Мессией.

Христианская вера в распятие Иисуса — сильный аргумент в пользу историчности Иисуса. Почему? Вспомним историю жизни Павла. Согласно Деяниям Апостолов и свидетельству самого апостола (Гал 1), до своего обращения Павел был яростным гонителем христиан. Поскольку обратился он приблизительно в 32–33 годах н. э., его деятельность на поприще гонителя относится к самому началу 30-х годов.

Ревностный еврей, Павел «опустошал» «церковь Божию» (Гал 1:13). Судя по всему, христиане говорили нечто такое, что он считал глубоко ошибочным и опасным. К сожалению, Павел не сообщает напрямую, что это было, но догадаться несложно, если учесть более поздние воззрения Павла и характер еврейских мессианских чаяний.

Прежде чем углубляться в этот вопрос, подчеркнем: Павел не мог не контактировать с людьми, которых преследовал. И то немногое, что он знал об Иисусе в ту пору (около 31–32 годов н. э.), он отчасти знал из этого общения. Сами же гонимые знали об Иисусе до того, как начались гонения. Таким образом, не может быть разумных сомнений в том, что христиане с информацией об Иисусе существовали уже спустя год или два после традиционной даты смерти Иисуса, и что Павлу было нечто известно о воззрениях этих людей на Иисуса.

Как мы покажем в следующей главе, христиане считали Иисуса не умирающим и воскресающим божеством, а еврейским Мессией, человеком, которого Бог избрал для осуществления своей воли на земле. Именно об этом Иисусе слышал Павел. Однако в том, чтобы называть еврейского учителя Мессией, ничего криминального не было: в последующей истории иудаизма это случалось неоднократно, и бывает даже в наши дни. Говорить, что какой-то человек — Мессия, ничуть не кощунственно: такое утверждение могут счесть (и часто считают) слегка безумным, но не более того. С чем же связана столь острая реакция Павла на веру в мессианство Иисуса? Дело в том, что Павел и все остальные евреи знали: Иисус был распят. До своего обращения Павел считал совершенно немыслимым, чтобы распятый мог быть Мессией.

Вспомним, что Павел пишет, уже будучи христианским миссионером, в Послании к Галатам. Он цитирует отрывок из Писания, который явно был важен для него еще в дохристианскую пору: «Проклят всяк, висящий на древе» (Гал 3:13; Втор 21:23). В первоначальном контексте Второзакония имелся в виду обычай вешать труп на дереве как акт посрамления и унижения. Столетиями спустя, когда римляне стали распинать опасных преступников, стих Втор 21:23 получил новое применение: не логично ли считать, что всякий погибший подобным образом проклят Богом?

А ведь Иисус был распят, — так все думали или, во всяком случае, говорили. По-видимому, именно это обстоятельство в начале 30-х годов и восстановило Павла против христиан. Христиане считали Иисуса Божиим избранником, возлюбленным Сыном и Мессией. Павел же до своего обращения был убежден: человек с такой судьбой по определению не может быть тем, кого Бог избрал для осуществления своей воли на земле. Ведь вместо божественного благословения, думал Павел, Иисус получил проклятие — повешение на древе.

Могут спросить: что же в этом странного? Разве Мессии не было уготовано пострадать за грехи человеческие и воскреснуть? Древние евреи так не думали. Более того, смерть Мессии вообще не вписывалась в их концепцию. Здесь имеет смысл остановиться на том, как древние евреи, включая Павла до обращения, представляли себе Мессию.

Древние представления о Мессии

Для начала подчеркнем: ни один еврей не думал, что Мессия будет Богом. Многие христиане верили и верят в божественность Мессии, но последователи иудаизма не считали так никогда. Это специфически христианская точка зрения: если Иисус есть Бог, то Мессия есть Бог. Однако данный аспект христианской теологии не имеет опоры в концепциях древнего иудаизма. В Мессии видели не Бога, а человека, избранного/посланного Богом. Бог един, а Мессия — это «помазанник» Божий: Бог «помазал» его для выполнения определенной миссии на земле.

Греческое слово «Христос» есть перевод еврейского слова «Машиах» («Помазанник»), Таким образом, Иисус Христос — это Иисус Помазанник. Происхождение понятия уходит корнями в древнюю историю Израиля, в те времена, когда народом еще правили цари, как считалось, «помазанные» Богом. Во время обряда интронизации совершалось буквальное помазание: на голову царя возливалось масло в знак божественного избрания (ср. 1 Цар 10:1; 2 Цар 23:1).

Иногда помазывали и других особых представителей Бога на земле, например, первосвященников (Лев 4:3, 5, 16). Иудейская традиция за пределами Еврейской Библии также содержит упоминания о помазании в знак особой милости Божией (напр., 2 Макк 1:10; Завещание Рувима 6:8). Более того, помазанником могли назвать любого лидера, которого считали наделенным божественной миссией. Скажем, пророк Исаия называет «помазанником» («мессией»!) персидского царя Кира, одного из освободителей Израиля (Ис 45:1).

И все-таки чаще всего так обозначали царей Израиля. В древнеизраильской традиции даже появилось учение о том, что Бог всегда будет править своим народом через избранного царя. Согласно обетованию, данному Давиду, величайшему из израильских царей (2 Цар 7:11–14), у него всегда будет потомок на троне: помазанник, правящий народом. Однако это обетование не сбылось. В 586 году до н. э. вавилонские войска царя Навуходоносора вторглись в Иудею, разрушили город Иерусалим, сожгли храм, а царя свергли. На протяжении следующих нескольких столетий еврейским народом правили чужеземцы: вавилоняне, персы, греки, а затем сирийцы.

Некоторые еврейские мыслители, вспоминая первоначальное обетование Давиду о помазаннике («мессии») на троне, пришли к выводу, что говорит оно о будущем: в будущие времена (возможно, уже скоро) Бог пошлет своему народу царя, подобного Давиду. Этого ожидаемого царя стали называть просто «Мессией». Предполагалось, что он будет человеком (подобно Давиду, Соломону и другим царям), но Бог даст ему низвергнуть врагов евреев и восстановить Израиль как суверенный народ на Земле Обетованной.

Во времена Иисуса некоторые евреи продолжали ждать Мессию. Палестинскими евреями правили римляне, но существовала надежда на то, что Бог вмешается и пошлет великого воителя, который уничтожит языческих врагов и восстановит царство Израилю. Яркий пример мессианских чаяний мы находим в Псалмах Соломона. Этот еврейский текст был написан, видимо, в I веке до н. э. Он говорит о грядущем Мессии следующее:

Призри на них, Господи, и восставь им царя их, сына Давидова, в тот час, который Ты знаешь, Боже, да царит он над Израилем, отроком Твоим. И препояшь его силою поражать правителей неправедных.

Да очистит он Иерусалим от язычников, топчущих город на погибель. В премудрости и праведливости да изгонит он грешников от наследия Твоего, да искоренит гордыню грешников, подобно сосудам глиняным сокрушит жезлом железным всякое упорство их.

Да погубит он язычников беззаконных словами уст своих, угрозою его побегут язычники от лица его, и обличит он грешников словом сердца их…

И возьмет он народы язычников служить ему под игом его…

и очистит он Иерусалим, освятив его, как был он в начале…

и сам справедливый царь научен будет Богом о них.

И нет неправедности во дни его среди них, ибо все святы, а царь их — помазанник Господень[99].

Как видим, здесь нет ни намека на мученическую смерть Мессии от его врагов-римлян. Напротив, Мессия должен уничтожить врагов и установить свой престол в Иерусалиме, откуда и править своим народом властно, величественно и справедливо.

Похоже ли это на то, что, согласно Евангелиям, сделал Иисус? И если нет, как он может быть Мессией?

Впрочем, некоторые еврейские современники Иисуса иначе представляли грядущего правителя Израиля. Они считали его не обычным земным царем, а могущественной ангелоподобной сущностью, посланной от Бога уничтожить врагов и установить Царство Божие на земле. В связи с этим часто вспоминали «подобного сыну человеческому» в Книге Даниила (напр., Дан 7:13–14). В апокрифической Первой Книге Еноха (возможно, относится к тому же времени) содержится следующее предсказание о мессианском Сыне Человеческом:

[Сын Человеческий] никогда не исчезнет с лица земли. А те, кто сбивал мир с пути, будут связаны цепью, и их гибельное собрание — заключено в узы; все их дела исчезнут с лица земли. Поэтому не будет найдено ничего тленного, ибо Сын Человеческий явился и воссел на престоле славы своей; и всякое зло исчезнет пред лицом его[100].

Существовала и другая концепция. Некоторые евреи полагали, что помазанник будет могущественным священником, которому Бог вручит бразды правления над своим народом. Такой священник будет истолковывать священные заповеди и следить за их исполнением в грядущем благом царстве. Община, в среде которой были написаны кумранские тексты, ожидала даже *двух* мессий: светского правителя и священника[101].

Одним словом, мессианские чаяния начала I века отличались многообразием. Однако во всех вариациях присутствовала единая линия: Мессия мыслился как грядущий правитель народа Израилева, устанавливающий царство здесь на земле; его божественное посланничество и помазание было зримо; это фигура властная и могущественная.

А кем был Иисус? Во всех древних преданиях он предстает малоимущим галилейским крестьянином, который был распят вместо того, чтобы установить Царство (как некоторые надеялись). О распятии Иисуса говорят почти все наши источники, ранние и поздние. Это и независимые евангельские источники (Марк, M, L, Иоанн, Евангелие от Петра), целый ряд посланий и других текстов (Послание к Евреям, Первое Послание Петра, Откровение) и, конечно, многочисленные упоминания у Павла. Распятие Иисуса стоит в центре Павлова провозвестия, причем видно, что это одна из первых вещей, которые Павел узнал об Иисусе.

Кто стал бы выдумывать распятого Мессию? Еврею это не пришло бы в голову. А кем были ученики Иисуса в первые годы после его смерти? Евреями Палестины. Неудивительно, что Павел считал их воззрения оскорбительными. Ведь у христиан получалось, что Бог благословил, наделил особой милостью и помазал в цари над всем Израилем… государственного преступника! Неужели это и есть Божий ответ на трудное положение еврейского народа?

Распятый преступник! Павел считал это хуже, чем безумием, — богохульством, кощунством. Поэтому он всячески пытался искоренить эту маленькую еврейскую секту. Нам сейчас сложно понять, сколь монструозной была в глазах большинства евреев I века концепция распятого Мессии. Своим студентам я привожу следующую аналогию. Как бы вы отреагировали, если бы я заявил, что Бог установит свое владычество на земле через Давида Кореша? Давид Кореш? Глава секты «Ветвь Давидова» (в Техасе), складировавший оружие, совращавший малолетних и убитый ФБР? Как такой человек может быть Божиим избранником? Но нет, сказал бы я, он — Господь всего. (Конечно, с такими аналогиями надо быть поосторожнее: не проходит и семестра, чтобы один из студентов не спросил, как я только могу считать Давида Кореша Господом!)

Но если евреи не выдумали бы распятого Мессию, откуда еще могла взяться концепция распятого Мессии? Ответ один: она основана на исторической реальности. Иисус действительно существовал. Некоторые его слова и дела навели часть его последователей на мысль, что он Мессия. Затем он впал в немилость у властей, которые арестовали его, судили и приговорили к смертной казни. Он был распят. Казалось бы, — полный крах всех надежд учеников. Мессия не может быть распят. Но случилось нечто необычное. Какие-то ученики стали говорить, что Бог воскресил Иисуса из мертвых. Слух об этом стал распространяться, и некоторые ученики (возможно, все они) стали считать, что Иисус и впрямь воскрес. Это оживило надежды, сокрушенные распятием. Воодушевленные ученики пришли к мысли, что Иисус — избранник Божий, Мессия. Но тогда получалось, что надо пересматривать саму концепцию мессианства: Бог с самого начала собирался спасти Израиль не через могущественного царственного Мессию, а через Мессию распятого.

Поскольку никто не выдумал бы концепцию распятого Мессии, можно сделать лишь один вывод: Иисус существовал, вызвал мессианские надежды и был распят. Ни один еврей такого бы не нафантазировал. И важно помнить, что об Иисусе как распятом Мессии евреи говорили уже в начале 30-х годов. Такие утверждения звучали уже в 32 году, когда Павел преследовал этих евреев. А значит, возникли они еще раньше.

И Павел, повторимся, знал Петра, ближайшего ученика Иисуса, и Иакова, брата Иисуса. Перед нами ясное свидетельство того, что вера в распятого Мессию существовала уже в самом скором времени после смерти Иисуса.

Страдающий Мессия?

Могут спросить: неужели вообще никто из евреев не думал, что Мессии суждено страдать и умереть? Насколько нам известно, никто. Моим студентам часто оказывается трудно, а то и невозможно, переварить это известие. Ведь они воспитывались в христианских церквях, где учат, что Мессии *должно* было пострадать. В качестве одного из доказательств приводят следующий отрывок из Книги Исаии:

Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от него лице свое; он был презираем, и мы ни во что ставили его. Но он взял на себя наши немощи и понес наши болезни; а мы думали, что он был поражаем, наказуем и уничижен Богом. Но он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на нем, и ранами его мы исцелились.

(Ис 53:3–5)

Показывая мне этот отрывок, студенты иногда говорят с довольной улыбкой: «Вот видите? Страдания Мессии четко предсказаны». Я отвечаю каждый раз одинаково: «Покажите, где здесь слово «Мессия». Как правило, просьба ставит студентов в тупик: в самом деле, слова «Мессия» в отрывке нет. Тогда они говорят: «Но ведь это очень похоже на распятие Иисуса. А еще псалом 21. И псалом 68». Я неизменно стою на своем: «Покажите мне в каждом случае, что автор говорит о Мессии». Да, во всех этих отрывках сказано о страдании, но из чего видно, что это страдания Мессии?

Взять хотя бы 53-ю главу Книги Исаии. Страдалец назван не «Мессией», а «рабом Господним».

О его страданиях сказано в прошедшем времени, как если бы описанные события *уже произошли* к моменту повествования (за шестьсот лет до Иисуса). Более того, как отмечали комментаторы, из контекста ясно, что это за «раб Господень». Чуть раньше пророк возвещает:

И сказал мне: ты раб Мой, Израиль, в тебе Я прославлюсь…
(Ис 49:3)

Раб Божий — это *Израиль.* Именно Израиль страдает за грехи людей и приносит исцеление. 53-я глава была написана во времена вавилонского плена, когда вавилоняне угнали вождей Иудеи за сотни километров и заставили их жить в Вавилоне. Исаия оплакивает плен, но указывает, что страдание принесет искупление за грехи народа, и Бог восстановит людям благополучие. О будущем Мессии здесь вообще речи не идет.

Отметим важный момент: до христианства не было евреев, которые истолковывали бы 53-ю главу Исаии как указание на будущего Мессию. Ни один еврейский текст, написанный до Иисуса, не понимает этот текст в мессианском ключе. Почему же христиане издавна так поступают? По той же причине, по которой они считают, что Мессии должно было пострадать. Для них Иисус — Мессия. А Иисус пострадал. Значит, Мессия должен был пострадать. Но для Бога это не могло быть неожиданностью. Стало быть, таким следует считать изначальный замысел Божий.

Исходя из этой предпосылки, христиане истолковали некоторые повествования Еврейской Библии о страдании как намек на страдания Мессии Иисуса. Евреи громко протестовали против подобных интерпретаций, что порождало дискуссии.

До своего обращения Павел был на стороне евреев-нехристиан. В его глазах концепция страдающего Мессии настолько противоречила Писанию и справедливым упованиям народа Божьего, что ее нельзя было не счесть абсурдной и даже кощунственной. Однако впоследствии Павел передумал. Он пришел к выводу, что Мессия действительно понес на себе проклятие Божие (коль скоро проклят всякий «повешенный на древе»). Но это проклятие было не за грехи самого Иисуса, а за грехи других людей. Он взял на себя проклятие, заслуженное другими, и тем самым спас их от Божьего гнева. Придя к этой мысли, Павел превратился из гонителя христиан в их самого знаменитого сторонника, миссионера и богослова. Его обращение сыграло колоссальную роль в последующей истории христианства.

Ответ мифологистов

Неужели нет *никаких* отрывков, говорящих о страдающем Мессии? Некоторые мифологисты понимают, какую проблему для них создает это обстоятельство: если кто-то взялся бы выдумывать Мессию, — как, по их мнению, христиане выдумали Иисуса, — они не выдумали бы Мессию страдающего, поскольку такого Мессию никто не ожидал. Ответ на этот вопрос попытался дать Ричард Карриер. Как я уже упоминал, он, помимо Прайса, единственный из (известных мне) мифологистов, который имеет продвинутую степень в релевантной дисциплине (докторская степень по классической филологии в Колумбийском

университете). Это неглупый человек. Однако даже неглупые люди ошибаются, и перед нами как раз тот случай.

В своей недавней книге Карриер пишет: «Концепция страдающего и казненного бога нашла бы особенный отклик у тех евреев их сторонников, которые *ожидали* униженного Мессию»[102]. Этот тезис вызывает следующие возражения. Во-первых, как мы увидим, первые христиане, скажем, начала 30-х годов н. э., не считали Иисуса Богом. Во-вторых, нам неизвестны евреи, которым даже в самых диких фантазиях приходило в голову, что Бог может быть казнен. В-третьих, никто не ждал униженного Мессию.

Карриер ссылается на 53-ю главу Исаии, пытаясь доказать, что идея униженного Мессии все-таки существовала. Однако, как мы уже видели, Исаия не говорит о будущем Мессии, и до I века никто из евреев не понимал этот отрывок в мессианском смысле.

Более любопытны другие выкладки Карриера: он апеллирует к 9-й главе Книги Даниила. В ней содержится одно из пророчеств «задним числом», характерных для последних шести глав этой книги. Под пророчествами «задним числом» я имею в виду следующее: Книга Даниила подает себя как произведение еврея Даниила, написанное в вавилонском плену около 550 года до н. э. На самом деле, как давно известно критическим исследователям (Карриер согласен с ними), она была написана ближе к 160 году до н. э.[103] «Предсказывая» будущие события, настоящий автор, выдающий себя за Даниила, описывает уже случившиеся вещи. В результате получается, что пророк VI века до н. э. задолго предвидел грядущее.

9-я глава Книги Даниила содержит детальные «предсказания» того, что случится с жителями Иерусалима через семьдесят «седмин», которые «определены для народа твоего и святого города твоего, чтобы покрыто было преступление, запечатаны были грехи и заглажены беззакония» (9:24). В самом тексте «седмины» соотнесены с годами: одна «седмина» — это семь лет. Согласно 9:25, семь таких седмин отделяют «повеление о восстановлении Иерусалима» и явление «помазанного владыки». Согласно ст. 26, спустя шестьдесят две седмины «помазанник» будет «отрезан и не будет иметь ничего». Карриер пытается доказать, что автор Книги Даниила ожидал убийства («отрезан») Мессии («помазанника»).

Что и говорить, толкование интересное. Но уж очень оно своеобразно. По понятным причинам вы не найдете его в комментариях на Книгу Даниила, написанных критическими исследователя-ми-гебраистами (т. е. не фундаменталистами и не консервативными евангельскими христианами). Скорее всего помазанный владыка из ст. 25 и помазанник из ст. 26 — разные люди. Оба ли они властители, то есть традиционные мессианские фигуры? Действительно, словом «помазанник» иногда обозначали будущего правителя Израиля. Однако бывало и иначе. Иногда «помазанник» — это просто царь (Соломон), или первосвященник, или кто-либо прошедший обряд помазания. Ни из чего не видно, что персонаж из ст. 26 — Мессия в узком смысле слова. Он и не назван «владыкой».

Возьмем один из лучших комментариев на Книгу Даниила, написанный замечательным гебраистом Луисом Хартманом. (Кстати, Карриер не гебраист. Я даже не знаю, знает ли он иврит и арамейский — языки, на которых написана Еврейская Библия.) Хартман пишет о ст. 25:

> *Если в допленный период [период в Израиле до вавилонского плена, начавшегося в 586 году до н. э., за четыреста с лишним лет до написания Книги Даниила] еврейское понятие «машиах» применялось почти исключительно к царям, в послепленный период [после возвращения в Палестину многие годы спустя] первосвященник получал торжественное помазание священным маслом при вступлении в должность… Скорее всего, «помазанный владыка» из ст. 25 — это первосвященник, а именно, Иисус, сын Иоцадака*[104].

Иными словами, Дан 9:25 не только не говорит о будущем Мессии: здесь сказано о персонаже израильской истории, который нам уже известен. Это священник Йошуа (Иисус),

упомянутый и в других местах Еврейской Библии (напр., Зах 6:11). Дан 9:26 описывает человека, который жил несколько столетий спустя, и опять-таки это не будущий Мессия. Как полагает Хартман (и очень многие другие библеисты), «помазанник» из ст. 26 — это, скорее всего, другой известный персонаж еврейской истории: Ония III, лишенный первосвященства и убитый в 171 году до н. э., за несколько лет до маккавейского восстания (см. 2 Макк 4:1-38)[105].

Повторимся, эти два «помазанника» — вовсе не будущие Мессии, а первосвященники (как таковые, прошедшие обряд помазания). Они жили до того, как автор Книги Даниила взялся за перо. И насколько нам известно, до христианства евреи не понимали данный отрывок в мессианском смысле. Насколько нам известно, ни у каких евреев начала 30-х годов не было концепции страдающего Мессии, основанной на Дан 9:26. Этот стих понимался совершенно иначе.

Что же тогда остается? Абсолютно ни из чего не видно, что до христианства какие-либо евреи ожидали, что Мессия будет убит за грехи (да и вообще убит), и уж, тем более, замучен и публично распят врагами евреев. Это диаметральная противоположность тому мессианскому сценарию, которого ждали. Но как такое пришло в голову христианам? Ясно, что эта концепция возникла не на пустом месте: ее создали люди, которые верили в мессианство Иисуса, но знали, что он был распят.

Уместно вспомнить одну ремарку апостола Павла. В Первом Послании к Коринфянам апостол замечает, что христианская весть о распятом Мессии — «для иудеев соблазн, а для эллинов безумие» (1 Кор 1:23). Стало быть, в массе своей евреи эту весть не принимали. Почему? Потому что этот ключевой постулат христианской веры выглядел в их глазах нонсенсом, безумием, а то и кощунством.

Однако очень маленькая группа евреев незадолго до 32 года н. э. утверждала об Иисусе именно это. Для нее Иисус не был Богом. И не был великим царем, правящим в Иерусалиме. Он был распятым Мессией. Невозможно объяснить возникновение этой веры в этом месте и у этого народа, иначе чем признав, что Иисус действительно существовал и был распят.

Заключение

Подведем итоги. Какие данные существуют в пользу того, что Иисус существовал, был еврейским учителем в Палестине 20-х годов н. э., а затем предан распятию при Понтии Пилате около 30 года н. э.? Таких данных много, и они многообразны. Прежде всего, о жизни Иисуса свидетельствуют многочисленные и независимые евангельские повествования, и как минимум семь из них написаны в пределах ста лет после традиционной даты смерти Иисуса. Эти повествования не возникли из ничего, а основаны на намного более ранних письменных источниках, часть которых датируется не позднее чем 50-ми годами н. э. Источники также не были лишь плодом фантазии авторов: в основе лежали устные предания, которые годами имели хождение среди христиан. Устные предания передавались по всей Римской империи в самых разных условиях (видимо, большей частью городских). Некоторые из них можно проследить до Палестины, родины Иисуса, где они первоначально рассказывались на арамейском языке. Создается впечатление, что часть из них (возможно, даже многие) возникли не позднее 30-х годов н. э. Таким образом, нельзя сказать, что в пользу историчности Иисуса говорят лишь Евангелия, созданные спустя пятьдесят-шестьдесят лет после его предполагаемой смерти. Можно констатировать множество источников, имеющих самое разное географическое происхождение. Многие из них относятся ко времени почти сразу после предполагаемой жизни Иисуса, и подчас к Палестине. На основании одних лишь этих фактов трудно понять, как Иисус мог быть «выдуман». Кем выдуман? Где? Когда? Как получилось, что о его историчности есть столько независимых свидетельств?

И это далеко не все. Абсолютно *все* авторы, упоминавшие Иисуса, — языческие, христианские, еврейские, — были убеждены в его историчности. Так думали даже враги христианства. Среди многочисленных нападок на христианство ни разу не встречалась та, что Иисус не существовал. Если же взять христианские источники, об этом говорит далеко не только Евангелие от Марка. Об этом говорят все авторы: например, авторы посланий, написанных до и после Марка, чьи взгляды были основаны не на Евангелиях, а на преданиях полностью независимых от Марка. Об этом же свидетельствуют Q, M, L, Евангелие от Иоанна и все источники последнего, а еще — такие тексты I века, как Первое Послание Климента, Первое Послание Петра, Первое Послание Иоанна, Послание к Евреям и Деяния Апостолов. Причем речи из Деяний Апостолов содержат очень ранние предания: эти предания существовали уже в первые годы христианства, когда ученики Иисуса считали, что Иисус не был Сыном Божиим всю жизнь или с момента крещения, а лишь стал им после воскресения. Такова ранняя (возможно, древнейшая) христология, которой придерживались самые первые христианские общины Палестины. Опять-таки мы оказываемся в 30-х годах н. э. и видим недвусмысленные указания на историчность Иисуса.

К таким же результатам приводит внимательное изучение Павловых посланий. Об Иисусе Павел услышал приблизительно через год (максимум два) после его смерти. Апостол доносит до нас предания, полученные им в первые годы христианской жизни, вскоре после обращения около 32–33 годов н. э. Нет сомнений, что Павел считал Иисуса исторической личностью. По его словам, Иисус родился, был евреем и потомком Давида, имел братьев, служил евреям, имел двенадцать учеников, совершил тайную вечерю и был распят. Павел также упоминает о некоторых учениях Иисуса. Он указывает, что часть преданий получил от своих предшественников, и мы без труда можем установить, когда именно. Павел говорит, что навестил Петра, ближайшего ученика Иисуса, и Иакова, брата Иисуса, через три года после обращения, то есть приблизительно в 35–36 годах н. э. Таким образом, многие высказывания Павла об Иисусе уходят корнями в древнейшую традицию, о которой независимо свидетельствуют и Евангелия.

Еще важнее знакомства Павла. Павел лично общался с Петром и Иаковом. Петр — самый доверенный ученик Иисуса, а Иаков — его родной брат. Обоих Павел знал десятилетиями, начиная с середины 30-х годов. Как можно говорить, что Иисуса выдумали? Павел был знаком с его лучшим другом и с его братом!

Павел также знал о распятии Иисуса. До возникновения христианства ни одному еврею не приходило в голову, что Мессия пострадает. Стандартный мессианский сценарий был диаметрально противоположным. Поэтому никак нельзя сказать, что распятого Иисуса выдумали с целью обеспечить мифологическое осуществление еврейских чаяний. Более того, основная трудность, с которой сталкивались христиане, проповедуя евреям, состояла именно в казни Иисуса. Кто стал бы такое выдумывать? Напротив, христианам приходилось объяснять нелегкие для них факты. Для этого они создали принципиально новую богословскую концепцию. Изобрели же они не человека по имени Иисус, а идею страдающего Мессии. Эта концепция прижилась настолько, что многие последующие христиане считали самоочевидным, что она содержится еще в Ветхом Завете. На самом же деле, Ветхий Завет не говорит о страдающем Мессии. Эту идею лишь вычитали из него задним числом. Почему? Потому что христиане считали Иисуса Мессией, а Иисус (как было известно всем и каждому) был распят. А распять, конечно же, можно лишь человека, который существовал.

Нет сомнений, что Иисус существовал. Однако в своей книге я хочу не только показать факты, которые убедили в историчности Иисуса почти всех исследователей, задумывавшихся над этим вопросом. Я хочу объяснить, почему заблуждаются те немногие авторы, которые полагают иначе. Для этого мы должны перейти от фактов в пользу существования Иисуса к тезисам, которые выдвигают мифологисты. Я не ставлю перед собой задачу опровергнуть

каждое утверждение каждого мифологиста: для этого потребовалось бы писать слишком большую книгу, и читать ее не доставило бы удовольствия читателю. Я ограничусь наиболее важными вопросами и наиболее интересными, наиболее существенными аргументами. В следующей главе мы разберем несколько доводов мифо-логистов, которые, на мой взгляд, вообще не влияют на вопрос об историчности Иисуса. В последующей главе мы коснемся некоторых наиболее известных попыток объяснить, как выдумали Иисуса, и поговорим о том, почему эти попытки неубедительны.

2 Доводы мифологистов

6 Аргументация мифологистов: тезисы слабые и несущественные

До сих пор, рассматривая вопрос историчности Иисуса, мы лишь приводили довод за доводом в пользу того, что Иисус существовал, был еврейским учителем в Палестине и был распят по указанию римского наместника Понтия Пилата. Хотелось бы узнать и нечто большее: что Иисус говорил и делал. Всякий, кому интересна история Иисуса, спрашивает себя, чему Иисус учил, чем занимался и почему его казнили. Об этих важных вопросах мы поговорим ближе к концу книги. А сейчас остановимся на другой проблеме: если доказательства историчности Иисуса столь убедительны, почему мифологисты их не принимают? В этой главе мы рассмотрим типичные аргументы мифологистов. На мой взгляд, эти аргументы слабые и/или не имеют отношения к делу. А в следующей главе мы разберем сценарии, предлагаемые мифологистами: как, с их точки зрения, был «выдуман» Христос. Эти построения также весьма шатки и не перевешивают убедительных свидетельств в пользу историчности Иисуса.

Несущественные исторические доводы

Любой человек, которому доводилось вникать в исторические дискуссии, сталкивался с аргументами, не имеющими отношения к делу. Возьмем пример не из мифологического лагеря, а из противоположного конца спектра: фундаменталисты и консервативные апологеты Библии часто утверждают, что раз Библия лучше засвидетельствована в древних источниках, чем любая другая книга древности, то ей можно доверять. Однако одно из другого не следует. Да, у нас больше рукописей Нового Завета, чем Гомера, Платона, Аристотеля, Еврипида, Цицерона, Марка Аврелия или любого другого античного автора. Но это ничуть не означает, что новозаветным книгам можно доверять. Это лишь позволяет лучше воссоздать первоначальный текст новозаветных книг.

Приведу следующую аналогию. «Капитал» Маркса и «Майн кампф» Гитлера лучше засвидетельствованы, чем, скажем, Евангелие от Иоанна. Гораздо лучше. Даже никакого сравнения нет. Число экземпляров «Капитала» и «Майн кампф», близких по времени к оригиналам этих текстов, несопоставимо большее, чем число копий Евангелия от Иоанна, близких по времени к оригиналу этого текста. Означает ли это, что на слова Маркса и Гитлера можно положиться? Делает ли это позицию авторов убедительной? Станем ли мы следовать Марксу или Гитлеру лишь потому, что существует много экземпляров их произведений? Конечно, нет. Это применимо и к новозаветным документам. Да, у нас больше копий Евангелия от Иоанна, чем Платонова «Государства». Однако это не означает, что на его сведения можно положиться. Это лишь помогает установить текст, вышедший из-под пера автора. А прав автор или нет, надо выяснять отдельно.

Не только фундаменталисты и консервативные христиане прибегают к несущественным доводам.

Так поступают и мифологисты на противоположном конце спектра. В этой главе мы рассмотрим несколько ходовых аргументов, с помощью которых мифологисты пытаются

опровергнуть историчность Иисуса. Я утверждаю, что большинство этих аргументов слабые, а некоторые вообще не имеют отношения к делу.

Утверждение 1: Евангелия ненадежны в качестве исторических источников

Мифологисты поистине упиваются историческими проблемами, связанными с Евангелиями: у нас нет оригинального текста Евангелий, и не всегда понятно, как он выглядел; Евангелия написаны не людьми, чьи имена стоят в заголовках (Матфей, Марк, Лука, Иоанн), а людьми, которые не знали Иисуса лично и жили через сорок-шестьдесят лет после него в разных частях света; в Евангелиях есть ряд противоречий и нестыковок; Евангелия сообщают об исторических событиях, достоверность которых находится под вопросом.

Не все ученые согласны с этими утверждениями. Консервативные евангельские христиане не согласны ни с одним из них. Однако лично я считаю, что все это так и есть. И считаю, что это создает проблемы для изучения Нового Завета, истории древней церкви и жизни исторического Иисуса. Однако по причинам, о которых я скажу ниже, данные сложности большей частью не имеют отношения к вопросу об историчности Иисуса. Разберем ситуацию подробнее.

У нас нет оригинального текста Евангелий

Евангелия принадлежат к числу наиболее хорошо засвидетельствованных книг древности, но установить, какой текст вышел из-под пера евангелистов, не всегда просто. Дело не в том, что мало рукописей: как раз рукописей много — тысячи. Мы не располагаем оригиналами: текстами, которые были написаны лично авторами. (Так обстоит дело не только с Евангелиями, но и со всеми книгами Нового Завета.) Более того, большинство этих рукописей были изготовлены спустя столетия после оригинальных копий. Ни одна из них даже не близка по времени к оригиналам: не создана, скажем, лет через десять-двадцать после оригиналов. И все они содержат ошибки.

Я не вижу смысла останавливаться на этих проблемах, а интересующегося читателя отсылаю к другим своим книгам[106]. Скажу лишь, что они большей частью не имеют отношения к вопросу об историчности Иисуса. Ибо стопроцентно надежная рукописная традиция вовсе не обязательна. Допустим, к примеру, что знаменитый рассказ о женщине, взятой в прелюбодеянии, не содержался в первоначальном тексте Евангелия от Иоанна, хотя его можно найти в подавляющем большинстве средневековых рукописей. Что это меняет? Если этого рассказа не было в оригинале, вполне возможно, что с Иисусом ничего такого не происходило. Но что с того? Это не означает, что Иисус не существовал. Это означает лишь, что можно усомниться в достоверности эпизода.

Возьмем аналогию. Допустим, что свидетельство о рождении Барака Обамы было подделано. (Я в это не верю, но на секунду допустим.) Какое отношение это имеет к вопросу историчности Обамы? Пожалуй, придется искать другие факты, говорящие о его существовании, только и всего.

Действительно, в рукописях Нового Завета содержится много разночтений: разные формулировки, пропуски слов или фраз, поздние вставки и т. д. Однако это не настолько масштабные проблемы, чтобы мы не могли составить впечатление о первоначальном тексте. Если бы мы не знали, что написал Павел или евангелисты, этот аргумент был бы весомее.

Однако текстуальная проблематика новозаветных рукописей не такова, чтобы наша точка зрения на историчность Иисуса могла измениться. И ни один текстолог в мире не считает ее таковой.

Да и сами мифологисты вроде бы не выступают с подобными утверждениями. О чем можно говорить: в подавляющем большинстве случаев текст ясен. А где он ясен, существование Иисуса не оспаривается.

Мы не знаем, кто написал Евангелия

Верно и то, что мы не знаем, кто написал Евангелия. По преданию, авторами их были два ученика Иисуса (мытарь Матфей и любимый ученик Иоанн) и два спутника апостолов (Марк, секретарь Петра, и Лука, спутник Павла). Однако эти атрибуции, скорее всего, не соответствуют действительности. Аналогичные проблемы связаны с большей частью остального Нового Завета. Из двадцати семи новозаветных текстов лишь восемь можно с уверенностью считать творчеством авторов, которым они приписываются традиционно. Остальные произведения либо приписаны тем, кто их не писал, либо сознательно подделаны (т. е. написаны кем-то от лица известных людей).

Опять-таки я писал на эти темы в других работах и повторяться не буду[107]. С уверенностью о евангелистах можно сказать лишь следующее: если ученики Иисуса были из простого люда галилейских сел, говорили по-арамейски и, скорее всего, не знали грамоты, то Евангелия написаны высокообразованными христианами за пределами Палестины, родным языком которых был греческий. Это не Матфей, Марк, Лука и Иоанн.

Однако это не имеет ни малейшего отношения к вопросу о существовании Иисуса. Вспомним историю с «дневниками Гитлера». Когда они стали достоянием гласности, первоначальные эксперты сочли их подлинными. Однако вскоре стало ясно, что это подделка, а их автор, немец по имени Конрад Куяу, был пойман с поличным. Куяу хотел нажиться: за дневники он получил миллионы марок… Но означает ли эта подделка, что Гитлер не существовал? Отнюдь. Историчность Гитлера решается на основании других фактов.

Как мы уже говорили в предыдущих главах, мы можем использовать Евангелия как исторические источники, хотя и не знаем, кто их написал[108].

Пусть это были не Матфей, Марк, Лука и Иоанн, а, скажем, Фред, Гарри, Сэм и Джефф, — это все равно очень ценные тексты.

В евангелиях много нестыковок и противоречий

Я полностью согласен, что новозаветные повествования содержат множество мелких и крупных нестыковок и противоречий. Достаточно сравнить версии одних и тех же рассказов в разных Евангелиях, чтобы в этом убедиться. Возьмем лишь несколько примеров.

• *Родословия Иисуса у Матфея и Луки.* Оба представлены как генеалогии Иосифа, но кто его дед, прадед и т. д.? Здесь налицо явные расхождения.

• *Рассказы о детстве Иисуса*. Согласно Матфею, родители бежали вместе с Иисусом в Египет, а согласно Луке, через месяц после рождения Иисуса вернулись в Назарет[109].

• *Рассказы о Страстях.* Согласно Иоанну, Иисус был распят перед пасхальной трапезой, а согласно Марку, наутро после нее.

• *Рассказы о Воскресении.* Согласно Матфею, ученикам было сказано идти в Галилею, где они и встретили воскресшего Иисуса. Согласно Луке, им было сказано оставаться в Иерусалиме; они провели в Иерусалиме месяцы, и там же увидели воскресшего Иисуса.

Не всегда расхождения касаются лишь мелких деталей. Скажем, объявлял ли Иисус себя Богом? Вопрос немаловажный! Если да, это нужно осмыслять. Был ли Иисус сумасшедшим? Страдал ли манией величия? Или, наоборот, был прав? Заметим, однако, что из всех канонических евангелистов лишь последний (Иоанн) утверждает, что Иисус называл себя Богом. Если исторический Иисус регулярно говорил ученикам о своей божественности (как он это делает в Евангелии от Иоанна), не странно ли, что Матфей, Марк и Лука даже не упоминают об этом? Считали ли они это несущественным? Или просто забыли?

Опять-таки о нестыковках и противоречиях в новозаветных Евангелиях я говорил в других работах, а потому не вижу нужды повторяться[110]. Замечу лишь, что они почти не имеют значения для вопроса об историчности Иисуса. Противоречия в источниках будут существенны и проблематичны, когда мы захотим узнать, что Иисус говорил и делал. Однако аргументы в пользу существования Иисуса, приведенные в предыдущих главах, не зависят от того, последовательны Евангелия или противоречивы. Можно также взять аналогию: о президентстве Билла Клинтона разные люди расскажут по-разному. Однако расхождения в описаниях не имеют отношения к вопросу о его существовании.

Евангелия содержат исторически недостоверные материалы

С Евангелиями сопряжен целый ряд исторических проблем. В частности, иногда они сообщают о событиях, которые вряд ли происходили. Возьмем рассказ Луки о рождении Иисуса. В отличие от Матфея, Лука сообщает, что родители Иисуса первоначально жили в галилейском Назарете. (Вифлеем расположен около Иерусалима, гораздо южнее.) Согласно Луке, император Август повелел «сделать перепись по всей земле» (Лк 2:1). Каждый отправился в свой город. Поскольку Иосиф был потомком Давида, ему пришлось идти для регистрации в Давидов город Вифлеем. С ним пошла и Мария, с которой он был обручен. Пока они находились в этом городе, Мария родила.

Эта информация не может быть исторически достоверной. При Августе не было всеобщей переписи и уж тем более переписи, при которой каждый житель Римской империи должен был регистрироваться в городе, в котором тысячу лет назад жили его предки[111]. И не могло быть такой переписи в «правление Квириния Сирией» (Лк 2:2), если Иисус родился во времена Ирода: Квириний стал править лет через десять после смерти Ирода.

Сомнительны и некоторые сцены рассказа о Страстях. Марк сообщает, что Понтий Пилат предложил отпустить одного из двух узников, по выбору народа, — Иисуса или Варавву, — таков якобы был пасхальный обычай (Мк 15:6-15). Нет исторических свидетельств, что Понтий Пилат (или кто-либо еще) следовал такому обычаю. Да и вообще неправдоподобно, что безжалостный Пилат, обычно не склонный потакать толпам, стал бы отпускать ежегодно по жестокому и опасному преступнику, за которого только попросил бы народ. Крайне маловероятно, что эта сцена, как и перепись, имела место. Но какое значение это имеет для вопроса об историчности Иисуса? Можно лишь констатировать, что данный эпизод недостоверен.

Вернемся к нашим аналогиям. Существует много рассказов о Джордже Вашингтоне, и не факт, что все они достоверны. Действительно ли он спилил вишневое дерево? Действительно ли у него были деревянные зубы? Действительно ли он стоял на носу лодки, переправляясь с войсками через реку Делавэр? Действительно ли он заболел и умер после того, как ему

пришлось бежать из дома любовницы в нижнем белье, когда неожиданно пришел муж? Что-то из этого, возможно, и верно (хотя насчет вишни — сомнительно), что-то нет. Однако существования Вашингтона это не отменяет. Он существовал, и мы располагаем о нем некоторой информацией. Аналогичным образом обстоит дело с Иисусом.

Изобилуют ли евангельские рассказы легендарным материалом?

Почти все мифологисты подчеркивают легендарный характер евангельских рассказов. Особенно педантично и страстно это делает Роберт Прайс. В этом отношении его новая книга «Теория мифического Христа и ее проблематика» продолжает многие темы и подтверждает многие выводы его более ранней книги под названием «Невероятно худеющий Сын Человеческий»[112]. О ряде ключевых доводов Прайса мы поговорим в следующей главе. А пока я подчеркну следующее: тезис, которому он придает столь большое значение, на каждой странице пытаясь показать наличие в евангельских текстах легендарного материала, имеет лишь косвенное значение для вопроса об историчности Иисуса.

Аргументация Прайса весьма сложна, и объяснить неспециалисту ее методологические основы трудновато. Отчасти она связана с выводами «критики форм». Как мы помним, в первой половине XX века его представители, Мартин Дибелиус и Рудольф Бультман, обратили внимание на то, что предания об Иисусе во многом были сформированы общинами, которые их передавали. Эти традиции обретали форму в зависимости от своего «места в жизни» (нем. *Sitz im Leben).* Рассказы о спорах Иисуса о субботе получили одну форму, рассказы о чудесах — другую и т. д. У этой научной концепции есть следующий подтекст: христианские общины передавали лишь *актуальные* для себя рассказы. С какой стати рассказывать то, что для тебя неважно? Прайс всячески подчеркивает этот момент: общины рассказывают лишь такие предания, которые служат их интересам.

Прайс также учитывает послебультмановские разработки. В какой-то момент ученые задались вопросом: как узнать о периоде более раннем, чем устные рассказы в христианских общинах? Можно ли отделить наслоения, привнесенные христианскими рассказчиками, от более ранних материалов? Допустим, мы увидим, что в некоторых рассказах отсутствуют признаки общинного творчества: например, они идут вразрез с тем, что общины хотели бы рассказать об Иисусе. Предания, в которых Иисус делает или говорит неудобные для общин вещи, не могли быть выдуманы христианами. Если таковые найдутся, их нельзя будет объяснить интересами христиан в той или иной жизненной ситуации *(Sitz im Leben).* Эти рассказы передавали лишь потому, что люди знали: Иисус действительно это сказал или сделал.

Последний принцип — один из стандартных, с помощью которых ученые и поныне отделяют достоверные евангельские предания об Иисусе от поздних вымыслов, продиктованных заботами и нуждами общин. Он называется «критерием по несходству» (англ. *criterion of dissimilarity).* Если какое-то предание не совпадает с тем, что нам известно о проблемах, интересах и задачах раннехристианских общин, — или даже противоречит им, — вероятность его достоверности увеличивается. И наоборот. (Чуть ниже я приведу примеры.)

Прайс делает следующее. Он рассматривает предание за преданием и пытается показать, что каждое из них удовлетворяет тем или иным христианским нуждам и интересам. А значит, весьма вероятно, что *никакие* предания не восходят к историческому Иисусу, и *никакие* евангельские рассказы не историчны.

На мой взгляд, это совершенно неверно по нескольким причинам.

• *Злоупотребление «критерием по несходству».* С его помощью Прайс пытается показать, что в жизни Иисуса *не* происходило. Однако смысл этого критерия диаметрально противоположный: он не работает как опровержение историчности, но лишь как доказательство ее. К примеру, в Евангелиях Иисус предсказывает, что пойдет в Иерусалим, где будет убит, а потом воскреснет. Удовлетворяют ли эти отрывки «критерию по несходству»? Никоим образом. Легко представить, как христианские общины могли вложить подобные предсказания в уста Иисуса. «Критерий по несходству» не срабатывает, и мы не можем с его помощью подтвердить, что Иисус сделал эти предсказания. Но означает ли это, что Иисус ничего такого не говорил? Опять же, никоим образом. Данный критерий лишь способен пробудить в нас сомнения в надежности того или иного предания, но сам по себе он не доказывает недостоверность. Он отвечает лишь на вопрос, что Иисус делал и говорил, а не на вопрос, чего Иисус *не* делал и *не* говорил.

• *«Критерий по несходству» оперирует вероятностями, а не дает однозначных ответов.* Как и сам Прайс осознает, ничего иного историку не остается: мы не можем быть стопроцентно уверены в прошлом. Требовать критерия, гарантирующего результат — значит выходить за рамки доступного исторической науке. Вероятность — максимум возможного для нас. Между тем есть целый ряд преданий об Иисусе, которые без труда проходят «критерий по несходству». Их достоверность вероятнее, чем недостоверность.

• *Выводы на основании «критерия по несходству» могут быть усилены через использование других критериев.* Например, как мы уже видели, помимо дошедших до нас Евангелий (числом семь в пределах ста лет после распятия), нам известно много независимых свидетельств о жизни Иисуса, включая ряд письменных и устных источников Евангелий и большое число других независимых христианских текстов. Допустим, некое предание об Иисусе содержится лишь в одном из этих источников (например, рассказ о посещении волхвов есть только у Матфея, а притча о милосердном самаритянине — только у Луки). Не исключено, что источник «выдумал» этот рассказ. Но что если один и тот же (или очень похожий) рассказ содержится в двух независимых свидетельствах? Поскольку свидетельства независимые, ни один из источников не мог его выдумать. Значит, перед нами материал более ранний, чем любой из источников. А если о каком-то факте свидетельствуют многие источники? Тогда шансы на историческую достоверность существенно повышаются. Если мы найдем рассказы, отраженные во многих источниках и удовлетворяющие критерию по несходству, вероятность исторической достоверности будет чрезвычайно велика. Пусть даже предание содержит легендарные детали — в основе своей оно надежно.

Приведем несколько примеров.

• *Распятие Иисуса.* Как мы уже видели, невозможно представить, чтобы первоначальные палестинские иудеохристиане выдумали концепцию распятия Мессии. Значит, предание о распятии Иисуса удовлетворяет «критерию по несходству». Оно также упоминается в целом ряде источников: Евангелии от Марка, М, Ь, Евангелии от Иоанна, посланиях Павла, сочинениях Иосифа Флавия и Тацита. Вывод: если говорить о вероятностях, вероятность достоверности здесь чрезвычайно велика. Иисус был распят.

• *Братья Иисуса.* Согласно ряду независимых источников (Марк, Иоанн, Павел, Иосиф Флавий), у Иисуса были братья; во всех этих источниках, за исключением Иоанна, одного из братьев зовут Иаковом. Сцены, в которых появляются братья Иисуса, не тенденциозны и не служат каким-либо христианским задачам. Таким образом, «критерий по несходству» удовлетворяется, как и «критерий по множеству свидетелей». Вывод: скорее всего, у Иисуса были братья, один из которых имел имя Иаков.

• *Происхождение Иисуса из Назарета.* Согласно ряду источников (Марк, Q), Иоанн, L, M), Иисус происходил из Назарета. Предания не содержат и намека на то, что, говоря о Назарете как о родном городе Иисуса, кто-то продвигал собственные интересы. Наоборот, для христиан этот факт был неудобен: это видно, скажем, из Ин 1:45–46 и рассказов Матфея и

Луки о Рождестве, которые независимо друг от друга пытаются показать, что родился Иисус в Вифлееме, хотя и жил впоследствии в Назарете. С чем связана эта проблема? Во-первых, ветхозаветный пророк Михей предрекал происхождение Спасителя из Вифлеема, а не Назарета (Мих 5:2). Во-вторых, Назарет был слишком маленьким и слишком захолустным городом. Насколько мы можем судить, до христианства он ничем не был известен. Замешательство на сей счет отражено в Евангелии от Иоанна: «Из Назарета может ли быть что доброе?» (Ин 1:46). Спаситель мира — из Назарета? Не из Вифлеема? Не из Иерусалима? Не из Рима? Как такое может быть? Таким образом, предание засвидетельствовано во многих источниках и удовлетворяет «критерию по несходству». Вывод: скорее всего, Иисус происходил из Назарета.

Я специально остановился на этих научных критериях, чтобы показать сомнительность выкладок Прайса. Что бы ни говорил Прайс, у нас есть как минимум несколько надежных преданий о жизни исторического Иисуса. В последующих главах мы увидим, что есть и много других надежных преданий. А пока обозначим следующий методологический момент: вопрос о том, содержат ли многие (или даже все) предания об Иисусе легендарные детали, практически не имеет отношения к вопросу об историчности Иисуса.

В принципе, любой человек, рассказывающий о другом человеке, привносит в рассказ частицу себя и долю предвзятости. Мы люди, а не машины. Мы субъективны. Все наши рассказы окрашены нашим восприятием и нашими предубеждениями. Поэтому все они до какой-то степени легендарны. Иисус не исключение. Люди, рассказывавшие о нем, добавляли немало легендарного. Иногда легендарное совершенно затмевало остальное: есть рассказы, в которых вовсе нет исторического зерна. В других случаях легендарное добавлялось к реальному. В результате есть целый ряд преданий, имеющих историческое зерно. Они показывают: несмотря на легендарные наслоения в традиции, в существовании Иисуса сомневаться не приходится. Во-первых, историческое зерно все-таки присутствует. Во-вторых (и это главное), добавление легендарных черт не тождественно полной выдумке. Даже если легендарные добавления очень велики, за ними могут проглядываться контуры исторического события.

Впрочем, еще раз повторимся: аргументы в пользу историчности Иисуса не зависят лишь от достоверности тех или иных евангельских преданий. В их основе лежат другие соображения, о которых мы говорили в предыдущих главах, а среди свидетельств — послания Павла и речи из Деяний Апостолов, содержащие намного более ранние материалы, чем Евангелия.

Подведем итоги. Да, Евангелия ставят перед учеными ряд проблем: мы не располагаем оригинальными текстами и не знаем, кто их написал; они полны противоречий и содержат ряд исторически недостоверных, легендарных материалов. Однако эти проблемы не имеют особого значения для интересующего нас вопроса: существовал ли Иисус. На первый взгляд они могут показаться важными и значимыми. Однако при внимательном и тщательном рассмотрении становится ясно, что они таковыми не являются.

Утверждение 2: Назарет не существовал

Зачастую мифологисты утверждают, что Назарет, родной город Иисуса, в 1 веке не существовал. Доказывают они это весьма пылко, и, видимо, полагают, что вымышленность Назарета поможет доказать неисторичность Иисуса. Конечно, это не так. Если Иисус существовал (на что указывают все факты), а Назарет — нет, то Иисус всего лишь происходил откуда-то еще. Родился Барак Обама в Соединенных Штатах или нет (полагаю, все-таки да), не имеет отношения к вопросу о том, родился ли он вообще.

Однако мифологисты часто прибегают к этому аргументу, поэтому рассмотрим его подробнее. Сам по себе он не нов. Еще в 1906 году Швейцер рассматривал его, обсуждая мифологистов своего времени[113]. Некоторых современных сторонников этой теории мы уже упоминали. Например, Фрэнк Зиндлер в статье с броским названием «Там, где Иисус никогда не ходил», пытается опровергнуть существование ряда мест, традиционно связываемых с Иисусом, особенно существование Назарета. По его мнению, Евангелие от Марка даже и не говорит, что Иисус был из Назарета! Казалось бы, в Мк 1:9 прямо сказано: «Пришел Иисус из Назарета Галилейского». Однако Зиндлер объявляет данный стих поздней вставкой. Но что это, как не подстраивание фактов под теорию? Если отрывок не вписывается *в* концепцию, он объявляется неаутентичным[114].

С точки зрения Зиндлера, Иисус первоначально считался мессианской давидической «Отраслью» (Ис 11:1). В иврите гласные буквы отсутствуют, и слово «Отрасль» писалось как *NZR*?. Впоследствии, думает Зиндлер, кто-то из христиан не понял, что такое и решил, что речь идет о городе. Так возник миф о Назарете… В пользу этого сценария Зиндлер не приводит ни единого аргумента: его утверждения сугубо голословны. Он даже не пытается объяснить, почему христиане, которые не знали слова *NZR,* не спросили у кого-нибудь. Более того, остается неясным, почему они изобрели несуществующий город, и как из фразы «Иисус *NZR*?» получилось «пришел Иисус из Назарета». Одним словом, теория совершенно неправдоподобна, особенно с учетом того факта, что Иисуса связывают с Назаретом многочисленные источники (см. выше). Есть и дополнительные свидетельства, о которых мы еще скажем, в пользу того, что во времена Иисуса маленький еврейский город Назарет действительно существовал.

К сходным выводам, хотя и иным путем, приходит Дж. Уэллс. Он обращает внимание на четыре случая, когда Марк называет Иисуса Назарянином (Мк 1:24; 10:47; 14:67; 16:6). С точки зрения Уэллса, Марк не понял первоначальный смысл титула, который указывал на принадлежность Иисуса дохристианской еврейской секте назарян, сходных с ветхозаветными назореями (вроде Самсона). Люди, давшие обет назорейства, должны были воздерживаться от вина, а также не имели права подходить к мертвому телу и стричь волосы. Марк этого не знал и решил, что слово «Назарянин» указывает на местожительство Иисуса; так появился выдуманный город Назарет[115].

Опять-таки все это вилами на воде писано и вычурно. С какой стати Марк изобрел несуществующий город, чтобы объяснить слово «назарянин», когда первоначально речь шла о назореях? Да и вообще, Марк должен был знать Ветхий Завет, который неоднократно цитировал. Все-таки обет назорейства — довольно известная вещь. И потом, если сектанты, о которых пишет Уэллс, были назореями, почему они называли себя назарянами? Между этими двумя словами даже нет этимологической связи! Повторимся также, что о Назарете говорят разные традиции (Марк, M, L, Иоанн). Назарет не мог быть выдуман Марком.

Итак, нет ясности в вопросе о том, что такое «Назарянин», и откуда взялось название «Назарет», если этот город не существовал. Как можно приписывать христианам изобретение Назарета, если мы не знаем, зачем им это понадобилось, и в чем состоял первоначальный смысл слова? Проблема усугубляется упомянутым выше фактом: Назарет действительно существовал во времена Иисуса, причем именно там, где указывают Марк и другие евангелисты.

Последнее слово скептицизма относительно существования Назарета — книга «Миф о Назарете» Рене Сальма[116]. Сальм считает эту тему очень важной и принципиальной для вопроса об историчности Иисуса: «От этого [т. е. от существования Назарета] зависит очень многое, быть может, судьба всего христианского мира»[117]. Подобно многим более ранним мифологистам, Сальм повторяет давно известные ученым вещи: Назарет не упоминается в Еврейской Библии, у Иосифа Флавия и в Талмуде. Впервые о нем говорится в Евангелиях. На Сальма производит впечатление тот факт, что первые поколения христиан не только не

стремились попасть в Назарет, но игнорировали его и даже не знали, где он находится. (Откуда это известно Сальму? Как мы можем утверждать такие вещи обо «всех» первых христианах? Если бы они оставили нам записи, в которых указали бы все, что знали и делали, было бы другое дело.)

Сальм развивает следующий тезис: Назарет существовал в более глубокой древности и в течение бронзового века, после чего был надолго оставлен, и во времена Иисуса там никто не жил. Основываясь на археологических данных, особенно на гробницах, Сальм утверждает: город был заново заселен между двумя иудейскими восстаниями (70 и 132 годов н. э.), когда евреи перебирались к северу после разрушения Иерусалима римлянами.

Подобно Зиндлеру, Сальм думает, что Марк не говорил о происхождении Иисуса из Назарета: Мк 1:9 — поздняя вставка.

Надо заметить, что археология — дисциплина очень узкоспециальная. Однако Сальм не археолог и, судя по всему, никогда не участвовал в археологических раскопках. Не работал он и на раскопках Назарета. Свои выводы он основывает на отчетах археологов о Назарете. В частности, он рассуждает так: обнаруженные там скальные гробницы-локулы (их еще называют «кохим») не использовались в Галилее середины I века, а значит, не относятся ко временам Иисуса. Поэтому город тогда не существовал.

Это очень слабое рассуждение. Как из того факта, что назаретские гробницы относятся ко временам после Иисуса, следует то, что во времена Иисуса там не было города? Иными словами, как из того факта, что люди жили в Назарете позже, следует то, что они не жили там раньше? Более того, Сальм не объясняет нечто важное об этих скальных гробницах: они были дорогостоящими, и позволить их себе могли лишь богатые семьи[118]. В существующих свидетельствах о Назарете ничто не указывает на то, что во времена Иисуса в нем жили богачи. Никто их жителей Назарета попросту не мог позволить себе купить такую гробницу. Поэтому их отсутствие ничего не доказывает. Палестинские бедняки хоронили своих покойников иначе: в неглубоких могилах, подавляющее большинство которых не сохранилось до наших дней.

Далее. Более поздние «кохим» обнаружены на склоне горы, где традиционно помещают Назарет. По мнению Сальма, этот склон был необитаем во времена Иисуса, и когда после 70 года н. э. появилась деревня, она находилась в долине, на расстоянии чуть менее километра. Он также замечает, что на том месте археологи не копали.

Опять-таки это очень слабо и нелогично. Если археологи не копали в том месте, где Сальм помещает деревню, какие основания у него полагать, что она не находилась там во времена Иисуса? Это очень серьезный минус его теории. В сильных, подчас не слишком учтивых выражениях, Сальм утверждает, что все сторонники существования Назарета противоречат «имеющимся артефактам». Но о каких артефактах можно говорить, если на месте, где они (согласно Сальму) могут находиться, не проводились раскопки? И о каких противоречиях можно говорить, если артефактов нет?

Кроме того, множество веских археологических данных дают основания считать: во времена Иисуса Назарет *существовал.* Подобно другим деревням и городам той части Галилеи, он был выстроен на склоне горы, недалеко от более поздних скальных гробниц-локул. Прежде всего археологи раскопали ферму, связанную с деревней. Она относится как раз к временам Иисуса[119]… Однако Сальм оспаривает выводы археологов, проводивших раскопки. (Не будем забывать, что сам он не археолог, а основывается на отчетах настоящих археологов. Настоящие же археологи с ним не согласны.) Скажем, археолог Ярдена Александр указала, что при работах было найдено 165 монет, и уточнила в своем отчете, что некоторые из них поздние, XIV–XV веков. Последний факт отлично подходит Сальму. Однако выясняется, что были и монеты эллинистического, хасмонейского и раннеримского периода,

то есть как раз времен Иисуса. Сальм возражает: не указав этого в отчете, Александр устно подтвердила, что в собрании нет монет, восходящих ко времени до иудейского восстания[120].

Не будучи специалистом по керамике, Сальм отрицает, что найденная на месте керамика относится ко временам Иисуса. Вот вердикт двух археологов, которые отреагировали на его идеи:

Из того, как Сальм судит о керамике… видно, что он не имеет образования в этой области и не исследовал серьезно источники[121].

Далее они пишут:

Если учесть, как игнорируются и сбрасываются со счета серьезные керамические, нумизматические [монеты] и литературные свидетельства существования Назарета в позднеэллинистический и раннеримский периоды, выкладки Рене Сальма в рецензии и недавней книге следует отнести к области «мифа»[122].

Кен Дарк, специалист по галилейской археологии и руководитель археологического проекта «Назарет», подверг книгу Сальма подробной и разгромной критике. Среди прочего он замечает: «Ни из чего не видно, что у Сальма есть образование или опыт полевой работы в области археологии». Дарк показывает, что Сальм неправильно понимает гидрологию (природные воды) и топографию (план) Назарета. Он указывает, что город вполне мог быть расположен на склонах горы, как и соседние города вроде Хирбет Каны. Дарк выносит суровый приговор работе Сальма:

Остается сделать вывод: вопреки первому впечатлению, это не компетентное исследование. Проигнорированы многие факты, а также важные и актуальные научные работы. Базовая предпосылка Сальма ошибочна, логика слаба, а аргументация основывается на предубеждении. Его основной тезис не находит археологических подтверждений[123].

Мало того. Через год после публикации книги Сальма, в древнем Назарете было сделано еще одно открытие. Это дом времен Иисуса. Об открытии сообщало агентство *Associated Press.* Я лично написал археологу Ярдене Александр, руководителю раскопок в Израильском департаменте древностей, и она подтвердила это сообщение. Дом расположен на склоне горы. Остатки керамики, связанной с домом, отражают период приблизительно от 100 года до н. э. до 100 года н. э. (т. е. как раз времена Иисуса). Ни из чего не видно, что жители дома были состоятельны: нет ни предметов из стекла, ни импортных предметов. Сосуды сделаны из глины и камня. Сообщение *Associated Press* завершается следующим выводом:

Судя по этому жилищу и более ранним открытиям близлежащих захоронений в погребальных пе-щерах, Назарет был захолустной деревушкой домов в пятьдесят, раскинувшейся на полоске в четыре акра., и заселенной евреями скромного достатка.

Ничего удивительного, что это место не упоминается ни в Еврейской Библии, ни у Иосифа Флавия, ни в Талмуде. Оно было слишком маленьким, бедным и незначительным. Большинство людей о Назарете и не слышали, а тех, кто слышал, он не интересовал. И уж конечно, никому не пришло бы в голову выдумывать его в качестве родного города Мессии. Можно сделать лишь один вывод: как о том и говорят многочисленные источники, Иисус действительно происходил из Назарета.

Впрочем, повторю свою основную мысль: даже если Иисус не жил в Назарете, что с того? С историчностью Иисуса это вообще никак не связано. Это совершенно разные вопросы. Данный аргумент — очередной у мифологистов, который не имеет отношения к делу.

Утверждение 3: Евангелия — это творческие парафразы Ветхого Завета

Ряд мифологистов пытается доказать, что новозаветные Евангелия представляют собой переработку и парафраз ветхозаветных отрывков применительно к выдуманной фигуре Иисуса. В еврейской традиции такой подход к интерпретации текста — через парафраз, расширение и новую актуализацию — называется *мидрашом.* Существуют мидраши галахические (сосредоточены на заповедях) и мидраши агадические (повествовательные). По мнению Роберта Прайса, «евангельские повествования — это агадические мидраши на Ветхий Завет»[124]. Прайс оперирует следующей логикой: если евангельские рассказы об Иисусе построены по образцу рассказов о ветхозаветных персонажах, мы имеем дело не с историческими фактами, а с литературным вымыслом, а потому Иисуса следует считать фигурой вымышленной.

Роберт Прайс и агадический мидраш

Как мы увидим, гипотеза Прайса имеет много недостатков. Однако опять-таки основная проблема состоит в том, что его доводы бьют мимо цели. Тот факт, что рассказ о человеке составлен по образцу более древних рассказов и традиций, не означает, что в повествовании нет исторического зерна. Это лишь говорит нечто о формировании рассказа.

Возьмем первые главы Евангелия от Матфея. Комментаторы давно заметили, что евангелист изображает Иисуса как «нового Моисея». Поэтому неудивительно, что события, происходящие с Иисусом у Матфея, находят тесные параллели с ветхозаветными сказаниями о Моисее. Египетский фараон пытается погубить Моисея в младенчестве (Исх 1), — Ирод, еврейский царь, хочет разделаться с младенцем Иисусом (Мф 2). Иисус и его семья находят убежище в Египте, земле Моисея. Моисей вывел детей Израилевых из Египта в Землю обетованную (Исх 13–14), — Иисус вернулся из Египта в Израиль. В связи с последним обстоятельством Матфей цитирует слова пророка Осии о спасении Израиля: «Из Египта воззвал Я сына моего» (Мф 2:16/Ос 11:1), только под «сыном» имеет в виду не народ Израиля, а его Мессию, Иисуса. При исходе из Египта израильтяне пересекли Чермное море, — первое событие в жизни взрослого Иисуса состояло в том, что он вошел в воду и вышел из воды при крещении (Мф 3). Израильтяне бродили сорок лет по пустыне, будучи испытываемы Богом, — Иисус провел сорок дней в пустыне, где прошел искушения (Мф 4). Израильтяне отправились к горе Синай, где получили Закон Моисеев, — Иисус взошел на гору и произнес Нагорную проповедь, в которой истолковал заповеди Моисеевы (Мф 5–7).

Снова и снова Матфей подчеркивает тесные параллели между жизнью Иисуса и жизнью Моисея. Его основания понятны: он считает Иисуса новым Моисеем, который дает своим ученикам авторитетное истолкование Закона Божия. Такой подход — специфика Матфея: другие Евангелия не включают все эти параллели (царь не пытается убить ребенка; нет бегства в Египет; нет Нагорной проповеди и т. д.). Исходя из своих причин, Матфей выстроил повествование именно так, а не иначе.

Однако такая подача рассказа не имеет отношения к вопросу о том, существовал Иисус или нет. Она лишь наводит на мысль о возможной недостоверности ряда деталей: не добавил ли их евангелист, чтобы удобнее было проводить богословскую линию с Иисусом как новым Моисеем. Историчность главного героя — совершенно другой вопрос.

Выстраивать рассказ в соответствии с определенной канвой — обычное дело. Так поступали не только библейские авторы: это встречается и в наши дни на каждом шагу. Скажем, у нас есть самые разные сценарии: «из грязи в князи», «война хороших против плохих», «падение великого человека» и т. д. Сплошь и рядом они применяются к реальным историческим лицам.

При желании, например, можно подать историю отставки Ричарда Никсона как «шекспировскую» трагедию. Одни факты легко подойдут к этой канве, а те, что не подойдут,

можно не упоминать или подкорректировать. Но будет ли это означать, что уотергейтский скандал не имел места, или что Ричард Никсон не существовал? Отнюдь. Можно будет лишь констатировать определенный подход рассказчика.

Так и с Иисусом. Одни ученики Иисуса считали, что через Иисуса говорил Бог, как некогда через Моисея. Они старались рассказать об Иисусе так, чтобы эта аналогия была очевидной. Многие другие ученики считали его пророком Божиим и Сыном Божиим. Поэтому они говорили о нем так, как говорили бы о еврейских пророках (например, Илии, Елисее и Иеремии).

Яркий пример мы находим в рассказе об Иисусе и наинской вдове (Лк 7:11–17), который во многом напоминает рассказ о пророке Илии и сарептской вдове (3 Цар 17:17–24). (Сарепта также находилась в северной части Земли Израилевой.) Илия узнает о смерти единственного сына вдовы и просит несчастную мать дать ему труп. Затем он воскрешает ребенка и возвращает матери, которая восклицает: «Теперь-то я узнала, что ты человек Божий, и что слово Господне в устах твоих истинно». А что у Луки? Иисус приходит в Наин и узнает, что у одной вдовы умер единственный сын. Он велит ей не плакать, подходит к трупу и воскрешает юношу. Евангелист описывает реакцию толпы: «Великий пророк восстал между нами, и Бог посетил народ Свой». Таким образом, толпа понимает, что деяние Иисуса подобно тому, какое некогда совершил Илия, а значит, Иисус — великий пророк Божий.

Когда мы видим столь тесные параллели с Ветхим Заветом, напрашивается мысль, что рассказчик (в данном случае Лука или его источник) выстроил рассказ по образцу ветхозаветного отрывка. Но справедливо ли утверждать, как делает Прайс, что все евангельские повествования — лишь мидраши на Священное Писание? Это слишком смелый вывод, как легко заметить из того факта, что многие приведенные Прайсом примеры весьма спорны. Например, Прайс полагает, что сцена с исцелением тещи Петра заимствована из 3 Цар 17:8-16, где Илия чудесным образом дает пищу все той же вдове и ее сыну в голодное время. Если в случае с наинской вдовой параллель была очевидна, то здесь различий значительно больше, чем сходств. Непонятно, как Прайсу вообще пришла в голову такая аналогия: в 3 Цар речь идет о вдове, а у Марка — нет; в 3 Цар пророк насыщает голодную семью, а у Марка Иисус исцеляет больную женщину, которая затем кормит его (а не наоборот); в 3 Цар пророк помогает неевреям, а Иисус помогает еврейке. Евангельская сцена явно не выстроена по образцу ветхозаветной.

Еще пример — исцеление паралитика в Мк 2. По мнению Прайса, сцена основана на эпизоде в 4 Цар 1:2-17 (Илия и царь Охозия). Да неужели? Прочтите сами и сравните. Различия столь существенны, что непонятно, как Прайс вообще высказывает такую версию.

В целом, у выкладок Прайса есть следующий минус: как мы уже сказали, он правильно подметил, что историки имеют дело с вероятностями, а не с гарантированными результатами. Однако его собственные исторические суждения идут вразрез с этим принципом. У него получается, что наличие в евангельском отрывке даже самого отдаленного сходства с чем-либо в Ветхом Завете дает основание считать отрывок мидрашом. Но разве это вероятностное суждение? Приведем два примера.

В одном случае параллель с ветхозаветным отрывком выглядит правдоподобной, а в другом нет.

Ученые давно подметили исторические проблемы, связанные с рассказом о торжественном входе Иисуса в Иерусалим. Особенно заметны они у Матфея (Мф 21:1-11). Под конец жизни Иисус решает предпринять роковое путешествие в Иерусалим. Он просит учеников найти осла, чтобы въехать на нем в город. Точнее говоря, у Матфея ученики должны привести даже не одно животное, а двух: ослицу и осленка. Иисус садится на двух животных сразу и въезжает в Иерусалим под восторженные приветствия народа. Люди расстилают перед ним одежды и ветви, восклицая: «Осанна сыну Давидову! Благословен

грядущий во имя Господне!» Евангелист сообщает, что все это происходит во исполнение пророчества из Книги Захарии: «Се, царь твой грядет к тебе, кроткий, сидя на ослице и молодом осле, сыне подъяремной» (Зах 9:9).

В других Евангелиях Иисус въезжает в город лишь на одном осле. Матфей прочел пророчество Захарии слишком уж буквально, не учтя поэтических особенностей отрывка. Дело в том, что в библейской поэзии часто встречается параллелизм: вторая строка усиливает смысл первой или пересказывает ее другими словами. Захария говорит об одном и том же, но по-разному: царь придет на осле; царь придет на осленке. Это типичный случай поэтического параллелизма. Однако Матфей решил, что Захария имел в виду двух разных животных: ослицу и осленка. Поэтому, желая добиться полного соответствия пророчеству, он заставил Иисуса оседлать сразу двух ослов (хотя ехать подобным образом было бы неудобно и отнюдь не величественно).

Вся сцена выстроена вокруг исполнения пророчества, что заставляет усомниться в ее исторической достоверности. Сомнение вызывают и некоторые другие аспекты матфеевского описания. Если толпа кричала, что Иисус — Мессия, пришедший в святой город, почему власти не отреагировали немедленно? Почему Иисус не был тут же арестован как смутьян, да еще называющий себя еврейским царем? Ведь только Рим считал себя вправе назначать царей. Между тем, если верить Матфею и другим евангелистам, Иисус без помех провел неделю в Иерусалиме и лишь тогда был схвачен и осужден. Маловероятно, что римские власти, которые присутствовали в городе специально ради предотвращения волнений и акций толпы, не вмешались бы, если бы народ кричал приветствия новому правителю, прибывшему в город.

Иисус почти наверняка пришел в Иерусалим (см. ниже), но не так, как описывает Матфей. Матфей выдумал или адаптировал описание, чтобы добиться соответствия пророчеству Захарии.

Возьмем другой пример, где в рассказе есть историческое зерно, несмотря на художественные добавления (см. подробнее в следующей главе). Согласно Евангелиям, публичная деятельность Иисуса началась с омовения у Иоанна Крестителя. Евангельские рассказы об этом событии содержат исторически неправдоподобные детали. Согласно самой ранней версии (Марк), когда Иисус выходил из воды, на него сошел, подобно голубю, Святой Дух, а глас с небес молвил: «Ты сын Мой возлюбленный, в котором мое благоволение» (Мк 1:9-11). Евангелист хочет показать, что уже в начале своего служения Бог назвал его своим сыном, и что Дух Святой помазал его с неба, придав силы для проповеди и чудес.

Однако эти добавления не означают, что Иисус не крестился у Иоанна. Как Прайс объясняет возникновение евангельских рассказов о крещении Иисуса? А вот как:

Общая канва данной сцены может восходить к зороастрийским сказаниям о начале служения Зороастра. Зороастр, сын ведийского жреца, погружается в воды для очищения, а когда выходит из воды, ему является архангел Воху Мана, предлагает чашу и поручает нести весть о едином Боге Ахура Мазде. Нечестивый же Ахриман искушает Зороастра, чтобы тот отказался от своего призвания (67).

Насколько правдоподобно это объяснение? Зороастризм? Воху Мана? Ахура Мазда? Неужели именно эти влияния сформировали рассказ о крещении Иисуса? Прежде всего, как Прайс может называть Евангелие агадическим мидрашом на Ветхий Завет, если речь идет о парафразе зороастрийского Писания? И даже если сцена крещения Иисуса неисторична, рассказ о ней восходит к первохристианским общинам в арамеоязычной Палестине. Сколь многие арамеоязычные евреи Палестины находились под влиянием сказаний об инициации Зороастра в присутствии архангела Воху Мана?

Попытки Прайса объяснить генезис евангельских рассказов зачастую неправдоподобны. Но хуже того, они регулярно бьют мимо цели. Даже если поздним рассказчикам пришло в

голову поведать о крещении Иисуса, взяв за образец случай с Зороастром (что само по себе маловероятно), это не имеет отношения к вопросу об историчности Иисуса или его крещения у Иоанна. Тот факт, что рассказчик выстроил рассказ в соответствии со своими интересами, не означает, что в основе рассказа не лежат реальные события, или что герой рассказа не существовал. Об историчности Иисуса свидетельствуют многие другие факты. И, как мы увидим, есть веские основания полагать, что он принял омовение у Иоанна Крестителя. Возможное сходство с Зороастром здесь ничего не меняет.

Томас Томпсон и миф о Мессии

Недавно Томас Томпсон написал работу, тезис которой напоминает выкладки Прайса, но предполагает чуть иной подход к делу. В своей книге «Миф о Мессии: ближневосточные корни Иисуса и Давида» он пытается доказать, что как ветхозаветные персонажи Авраам, Моисей и Давид являются вымышленными, а не историческими, так и Иисус, евангельские предания о котором не основаны на надежных устных традициях, а представляют собой литературный вымысел евангелистов и их предшественников[125].

Томпсон — профессиональный исследователь Еврейской Библии, среди коллег хорошо известный как «минималист», то есть сторонник теории, что Еврейская Библия почти не содержит исторической информации. У меня нет сейчас желания присоединяться к этой полемике, поэтому поговорим лучше о том, как он применяет свое понимание ветхозаветных сказаний к евангельским рассказам об Иисусе. В своей книге Томпсон внимательно читает Евангелия, пытаясь показать, что евангелисты создают рассказы в свете ветхозаветных повествований. С его точки зрения, евангельские рассказы сконструированы как художественные тексты авторами, решившими изложить свои воззрения на Иисуса в письменной форме. Таким образом, они не основаны на устных преданиях, восходящих ко временам Иисуса. Да и сам Иисус, считает Томпсон, не существовал, а был выдуман ранними христианами.

Книга Томпсона очень сложна для неспециалиста. Копает он глубоко, но формулирует свои мысли несколько туманно, и местами через текст приходится буквально продираться. Те, кто не имеет образования в области библеистики, едва ли поймут его аргументацию, и едва ли будут ей убеждены. Впрочем, его основная мысль понятна. Литературная функция евангельских рассказов во многом завязана на интертекстуальность, а именно эти рассказы основаны на текстах Еврейской Библии. Чтобы правильно их понять, необходимо понять их происхождение. От этого утверждения Томпсон переходит к выводу: поскольку предания об Иисусе носят текстуальный и литературный характер, они не уходят корнями в устные традиции и не имеют основания в реальной истории. По его мнению, читать Евангелия как исторические повествования неправильно.

На мой взгляд, этот вывод чересчур смелый и необоснованный. Из того, что многие (Томпсон, преувеличивая, говорит — «все») евангельские рассказы основаны на более ранних литературных текстах, не обязательно следует, что в их основе лежит письменный художественный вымысел, а не устная традиция.

• Во-первых, даже люди, которые не пишут рассказы, а рассказывают их устно, могут находиться под влиянием более ранних письменных текстов, которые имели широкое распространение.

• Во-вторых, у нас есть четкие и практически неопровержимые свидетельства тому, что до записи рассказы об Иисусе передавались устно.

• В-третьих, иначе необъяснимо распространение христианства в Римской империи. Ясно ведь, что миссионеры обращали людей, не подсовывая им книги (большинство населения было неграмотным!), а рассказывая об Иисусе.

• В-четвертых, ряд христианских авторов напрямую свидетельствуют об устном распространении рассказов об Иисусе. Например, апостол Павел говорит о передаче слышанных им преданий (1 Кор 11:22–24; 15:3–5). Лука сообщает, что его предшественники основывались на устных преданиях (Лк 1:1–4). Автор Четвертого Евангелия говорит об устном источнике некоторых своих рассказов (Ин 19:35). И даже Папий, более поздний христианский автор, указывает, что беседовал с людьми, которые были спутниками учеников Иисуса.

Эти устные предания об Иисусе возникли не двадцать, тридцать и сорок лет после традиционной даты смерти Иисуса. Как мы видели, они начали распространяться в арамеоязычной Палестине не позднее начала 30-х годов, то есть максимум год или два после предполагаемой даты распятия. Почти наверняка это случилось даже еще раньше.

Таким образом, тезис Томпсона о том, что евангельские повествования представляют собой не запись устных традиций, а чисто литературные выдумки, весьма сомнителен. Более того, у выкладок Томпсона тот же минус, что и у теории Прайса: по большому счету, все это несущественно для вопроса об историчности Иисуса. Если какой-то рассказ построен по образцу ветхозаветного отрывка, это еще не значит, что в нем нет исторического зерна, что описанное в нем событие не происходило, а главный герой не существовал. Историчность — это совершенно отдельный вопрос.

Возьмем аналогию. В наши дни широко распространены исторические романы. За последние несколько лет я прочел «Ключ Сары» Татьяны де Рос-ней (о событиях во Франции во время холокоста), «Повесть о двух городах» Чарльза Диккенса (о Французской революции), «Ромолу» Джордж Элиот (о Савонароле во Флоренции XV века). Все это художественные произведения. Авторы не претендуют на объективный исторический рассказ о холокосте, французской истории или знаменитом итальянском еретике. Однако отрицать, что в них отражены некоторые реальные исторические события и реальные исторические лица, значит, не понимать их основной литературной предпосылки. Никто не станет утверждать, что Французская революция не происходила, поскольку Диккенс сказал о ней в художественном романе, или что холокост — выдумка, поскольку о нем написан роман. Эти вещи устанавливаются на основании других фактов.

Сходным образом обстоит дело с новозаветными Евангелиями. Разумеется, в них есть исторически недостоверные материалы, многие из которых построены по образцу ветхозаветных сказаний.

И для понимания Евангелий нужно понимать сокрытые в них отсылки к другим текстам. Однако это не имеет отношения к вопросу об историчности Иисуса. Это касается лишь того, насколько надежны некоторые рассказы о нем. Чтобы понять, существовал ли Иисус, необходимо смотреть другие факты (как мы и поступили).

Утверждение 4: Выдуманный «Иисус» основан на мифах о языческих божественных мужах

К этому аргументу прибегают все мифологисты. В чем-то он похож на предыдущий. Предыдущий состоял в том, что рассказы об Иисусе основаны на ветхозаветных повествованиях и пророчествах. Здесь же речь идет о том, что в основу образа Иисуса положены языческие мифы о богах и полубогах, «божественных мужах».

Опять-таки я думаю, что христиане действительно формулировали рассказы об Иисусе в свете сказаний о фигурах, сходных с ним. Однако это не имеет отношения к вопросу об историчности Иисуса.

Основной тезис

То, как я начинаю в своем учебнике по Новому Завету рассказ об историческом Иисусе, многих студентов смущает и даже шокирует. Я говорю: давайте, я расскажу вам об одном известном человеке, который жил две тысячи лет назад.

Еще до его рождения было известно, что он будет особенным. Сверхъестественное существо сообщило матери, что зачатый ей ребенок будет не простым смертным, но фигурой божественной. Само рождение было чудесным, и уже в юности рожденный был развит не по годам. Во взрослом возрасте он оставил дом и стал бродячим проповедником, призывая людей жить духовными, а не материальными, ценностями. Он собрал вокруг себя учеников, убежденных в божественности его учения, отчасти потому, что божественным они считали его самого. Он доказывал это многочисленными чудесами, исцелял больных, изгонял бесов и воскрешал мертвых. Однако под конец жизни он столкнулся с враждой. Враги предали его римлянам для осуждения. Но когда он оставил сей мир, он вернулся к ученикам, убеждая их, что он не мертв, а жив в небесных сферах. Впоследствии некоторые ученики написали книги о нем.

Между тем, говорю я студентам, вряд ли вы читали эти книги. Более того, вряд ли вы знаете даже имя этого человека. Это Аполлоний Тианский, языческий философ и почитатель языческих богов. Повествование о нем составил его последователь по имени Филострат: «Жизнь Аполлония Тианского»[126].

Христиане, разумеется, отвечали, что Аполлоний — мошенник и шарлатан, а Иисус — Сын Божий. Последователи Аполлония утверждали противоположное: шарлатан — Иисус, но уж никак не Аполлоний. А ведь это не единственные два божественных мужа в античности. Считалось, что по земле ходили и другие божественные мужи (некоторые — недавно), рожденные от союза смертного человека и бессмертного бога; они совершали удивительные дела, произносили великие учения, а под конец жизни взошли на небеса, чтобы обитать вместе с богами.

Моим студентам обычно трудно переварить тот факт, что в античности не один лишь Иисус считался чудотворцем и Сыном Божиим. Были и другие. Мифологисты же поистине упиваются этой информацией: дескать, раз полубоги не существовали, Иисус также не существовал. Подобно им, он персонаж вымышленный.

Однако эта теория имеет серьезные минусы. Скажем, Аполлоний реально существовал: был такой философ-пифагореец, который жил лет через пятьдесят после Иисуса. Лично я не думаю, что мать Аполлония забеременела от Бога, и что Аполлоний действительно исцелял больных и воскрешал мертвых. Однако он существовал. Так и Иисус. Откуда это известно? Тот факт, что более поздние ученики сделали Аполлония и Иисуса фигурами божественными и полубожественными, мы выносим за скобки, а сами ориентируемся на другие факты. Эти свидетельства об Иисусе мы уже рассмотрели ранее. Если христиане считали Иисуса божественным мужем, это ничуть не умаляет его историчности. Впрочем, поскольку мифологисты придают данному факту большое значение, на нем стоит остановиться подробнее.

Сходную тему мы затронем в следующей главе, где речь пойдет об одном из аргументов мифологистов, который, на мой взгляд, не имеет особого отношения к вопросу о существовании Иисуса: мы посмотрим, действительно ли Иисус выдуман по аналогии с умирающими и воскресающими божествами античности. А пока меня больше интересуют мифологические параллели к преданиям об Иисусе (его рождении, чудесах, вознесении и т. д.) и то, насколько они важны для вопроса об историчности Иисуса. На мой взгляд, хотя параллели между рассказами об Иисусе и рассказами об Аполлонии действительно

любопытны (впрочем, есть и много различий), мифологисты в пылу полемики обычно преувеличивают степень сходства.

Яркий пример подобного рода преувеличений мы находим в старой книге Керси Грейвса «Шестнадцать распятых спасителей: христианство до Христа» (1875). Еще в начале своего нашумевшего «исследования» Грейвс формулирует общий тезис:

Изучение истории Востока показывает удивительный факт: рассказы о воплощенных богах, напоминающих чудесный персонаж Иисуса Христа, существовали у большинства (или даже у всех) языческих народов древности. Рассказы о некоторых из этих боговоплощений столь разительно схожи с рассказами о христианском Спасителе, — не только в общих чертах, но иногда и в самых мелких частностях (от легенды о непорочном зачатии до легенды о распятии и последующем вознесении на небеса), — что их можно едва ли не перепутать[127].

Далее Грейвс перечисляет тридцать пять таких божественных фигур. Выглядит это так: Кришна из Индостана, «Будха Сакья» из Индии, Ваал из «Феникии», Таммуз из Сирии, Митра из Персии, Кадм из Греции, «Мохамад» из Аравии и т. д. Любой мало-мальски образованный читатель уже удивится. Будда, Кадм и Мухаммед? Неужели их биография так-таки до деталей похожа на биографию Иисуса? А Грейвс продолжает:

Все они получали божественные почести. Почти всех их почитали как богов или сынов богов. Большей частью они воплощались как Христы, Спасители, Мессии и Посредники. Целый ряд из них, как считалось, были рождены от девственниц. Характер некоторых почти идентичен тому, который христианская Библия приписывает Иисусу Христу. Многие из них, подобно ему, как предполагалось, были распяты. И все они, вместе взятые, формируют прообраз и параллель практически для каждого значимого эпизода, чуда, учения и предписания христианского Спасителя в Новом Завете[128].

Звучит весьма внушительно. Неудивительно, что неосторожные читатели покупаются на это. Но отметим лишь преувеличение в последней фразе («практически для *каждого* значимого эпизода…»). Книга Грейвса изобилует подобными сенсационными заявлениями. Например, он сообщает, что в языческих источниках можно найти параллели «почти каждой важной мысли, делу, слову, учению, принципу, предписанию, доктрине, ритуалу и обычаю… почти каждому чудесному и удивительному рассказу, а также религиозной доктрине [об Иисусе]».

Эти необычайные (я бы даже сказал, фантастические) параллели Грейвс излагает в сорока пяти главах. Перед очами читателя проходят мессианские пророчества, непорочные зачатия, девственные матери, посещения ангелами, пастухами и магами новорожденных младенцев, рождения в день 25 декабря, распятия, сошествия в ад, воскресения, вознесения, искупления, учения о троице и многое другое. Можно спросить: откуда все это взято? Грейвс никак не документирует свои утверждения. Читатель обязан верить ему на слово.

Если кто-то захочет проверить, действительно ли с Буддой, Митрой или Кадмом происходило нечто подобное, он не будет знать, куда смотреть. Грейвс не сообщает источники своей информации.

Впрочем, разве он в этом одинок? С тех пор прошло 140 лет, а подобные голословные утверждения кочуют из одной мифологистской книжки в другую.

В качестве примера можно взять статью Фрэнка Зиндлера «Как Иисус получил жизнь»[129]. Зиндлер не впадает в такие крайности, как Грейвс, но не обходится без утверждений, который непонятно на чем основаны. По его мнению, биография Христа возникла как ряд астрологических и сравнительных мифологических размышлений в языческом мистериальном культе, близком древней «мистериальной религии» митраизма. Как говорит Зиндлер, персидский бог Митра, которого почитали митраисты, родился 25 декабря от девы; культом его правил папа с Ватиканского холма; жрецы носили митры и

праздновали священную трапезу в ознаменование искупительной смерти Спасителя, воскресшего из мертвых в воскресенье. Звучит знакомо, правда?

Один из центров митраистской философии, считает Зиндлер, был Тарс (родной город апостола Павла). В какой-то момент астрологи культа осознали, что зодиакальная эпоха Митры подходит к концу, поскольку точка весеннего равноденствия вот-вот сместится в Рыбы. Тогда они оставили свои культовые центры во Фригии и Киликии… отправившись в Палестину искать не просто нового Царя иудейского, но нового Владыку времени.

Так, по мнению Зиндлера, был выдуман Иисус. Насколько я понимаю, говорит все это Зиндлер на полном серьезе, искренне веря в сказанное. Но какими фактами он обосновывает утверждение, что митраисты перенесли свою религию в Палестину, чтобы искать Владыку времени? *Никакими.* А какими фактами он мог бы его обосновать, если бы пожелал? Опять же никакими. Их просто нет. Перед нами чистой воды выдумка.

Исследователи мистерий Митры честно признают, что о митраизме (как и о большинстве ми-стериальных религий) нам известно довольно мало или, во всяком случае, значительно меньше, чем хотелось бы. Митраисты не оставили книг, в которых объясняли бы свою религию и свои верования. Почти все свидетельства о нем носят археологический характер. В частности, найдены многочисленные митреумы (святилища культа). В них часто располагались статуи/рельефы с изображением Митры, убивающего быка («тавроктония»). По-видимому, сцена тавроктонии отражала нечто очень важное в митраистской мифологии. Типичное изображение выглядит следующим образом: Митра навалился на быка, упавшего на колени, поставил ногу ему на хребет, а голову его запрокинул вверх, так что бык смотрит в сторону от зрителя; в шею животного Митра вонзает нож. Собака лижет кровь, льющуюся из раны; из крови также исходит колос пшеницы. Еще присутствуют змея и скорпион, кусающие быка. С каждой стороны композиции видно по человеку с факелом: один держит его в обычном положении вертикально, а другой опустил его вниз.

Исследователи митраизма спорят, что это все означает. Несомненно, мы имеем дело с зодиакальной символикой, и есть много интересных попыток ее объяснить. К сожалению, у нас нет митраистских текстов, которые истолковали бы ее, как и текстов, говорящих о рождении Митры от девы 25 декабря или его искупительной смерти и воскресении в воскресенье[130].

Как мы уже говорили, ученые называют религии, подобные митраизму, мистериальными культами. Название связано с тем, что адепты этих культов давали обет не разглашать суть верований и обрядов[131]. Правда, некоторые более поздние авторы рассказывали о том, что, с их точки зрения, происходило в митраизме. Однако эти авторы митраистами не были, и историки крайне скептически относятся к их информации. Как и современные ученые, зачастую они лишь высказывали догадки.

Это относится и к некоторым христианским авторам (в частности, Тертуллиану), которые проводили аналогии между своей религией и мистериальными религиями. У них были ясные мотивы для подобных утверждений. Не то, что они проводили исследования и расспрашивали адептов мистериальных культов. Они лишь хотели втолковать язычникам, что христианство не столь уж радикально отличается от языческих философий и религий, а потому христиан не следует преследовать. Христианские источники, претендовавшие на знание о мистериях, были пристрастны: им было выгодно показать сходство между христианством и языческими религиями. По этой причине, а также из-за отсутствия у них надежных источников информации, им обычно нельзя доверять.

Однако многие мифологисты принимают сведения поздних источников за чистую монету и твердят про детальные параллели между Иисусом и другими фигурами. Повторимся: данная информация почерпнута у авторов, на которых, по мнению специалистов, нельзя положиться.

Другие проблемы с параллелями

Теория мифологистов, что Иисус был выдуман как один из божественных мужей античности, имеет и другие недостатки. Например, во многих случаях гипотетические параллели между рассказами об Иисусе и рассказами о языческих богах (или божественных мужах) вовсе не такие тесные. Скажем, говоря о рождении Иисуса от девы, христиане имели в виду, что мать Иисуса никогда не занималась сексом. В большинстве случаев с божественными мужами, когда отцом был бог, а матерью — смертная женщина, секс имел место. Соответственно, рожденный был в буквальном смысле слова полубогом и получеловеком. Смертная женщина не была девственницей: у нее лишь был секс с божеством.

В других случаях параллели и вовсе отсутствуют. Какие античные источники говорят о божественном муже, распятом за грехи мира? Насколько мне известно, параллелей этому центральному христианскому учению не существует. Если кто-то здесь и занимается вымыслами, это мифологисты. Оговорюсь: я не хочу сказать, что Иисус действительно умер за грехи людей. Я лишь говорю, что христианское учение об искупительной жертве Иисуса не находит параллелей в языческих сказаниях о божественных мужах. Да и вообще, смерть за грехи мира не была частью античной языческой мифологии. Мифологисты, которые утверждают это, попросту выдумывают.

Как мы уже видели на примере Аполлония, параллели между языческими представлениями о божественных мужах и христианскими представлениями об Иисусе действительно существуют. Однако, во-первых, большей частью это далеко не такие близкие и точные параллели, как думают большинство мифологистов. Во-вторых, — вернусь к своему основному возражению, это не имеет отношения к вопросу о том, существовал ли еврейский учитель Иисус, распятый при Понтии Пилате. Как мы уже видели в связи с ветхозаветными параллелями, свои рассказы об Иисусе христиане выстраивали по известным образцам. В частности, иудеохристиане проводили параллели между Иисусом и ветхозаветными персонажами. Когда христианство вышло за пределы иудаизма, и основную его численность составили неевреи, у новообращенных возникали ассоциации между преданиями об Иисусе и известными им языческими сказаниями. Поэтому Иисус в их рассказах все больше и больше походил на божественных мужей, известных римскому миру, — сверхъестественным образом рожденных из-за вмешательства божества, совершавших чудеса, исцелявших больных, воскрешавших мертвых, а в конце жизни взошедших на небеса. Как бы вы поступили, если бы взялись объяснять в античном мире, кто есть Сын Божий? Вы бы использовали именно эти категории, лексику и понятийный аппарат своего времени. А что еще оставалось бы? Иначе вас бы просто не поняли.

Тот факт, что христиане выстраивали рассказы об Иисусе по образцу сказаний о языческих божественных мужах, осложняет работу историкам, которые хотят узнать, что происходило с Иисусом на самом деле. Однако сам факт такой подачи материалов не означает, что Иисус не существовал. Историчность Иисуса — это один вопрос, а изображение его в виде еврейского пророка или языческого божественного мужа — совершенно другой вопрос.

Роберт Прайс и архетип мифического героя

В книге «Теория мифического Христа и ее проблематика» Роберт Прайс подходит к параллелям с языческими божественными мужами несколько тоньше. По его мнению, «в культурах и религиях по всему миру и на протяжении всей истории» существовал идеальный

архетип «мифического героя»[132]. Этот идеальный тип имел двадцать две особенности, многие из которых применимы к Иисусу. Подобно многим другим фигурам по всему миру, Иисус был выдуман по определенному образцу.

Не буду критиковать эту теорию подробно: к ней относится многое из вышесказанного о других гипотезах. Отметим лишь, что под «идеальным типом» ученые имеют в виду не реально существующую вещь, а лишь научный конструкт, полезный для классификации явлений. И далеко не всякий, кто соответствует его параметрам, есть вымышленный персонаж. Некоторые примеры, которые приводит Прайс, — абсолютно реальные люди: например, знаменитый Перегрин, описанный античным автором Лукианом Самосатским (как и сам Прайс признает на с. 46). Иисус также может соответствовать параметрам и быть реальным человеком. Опять-таки нужно понимать, что одно дело — как об Иисусе говорили более поздние христиане, и совсем другое — существовал ли он на самом деле.

Прайс это понимает. У него даже заготовлено возражение: об Иисусе, в отличие от других реальных людей (например, Перегрина) у нас нет «нейтральной» информации. Прайс пишет: «Каждая деталь [евангельских повествований] соответствует интересам мифологии и эпоса». В результате получается, что все выдумано.

Здесь я серьезно расхожусь с Прайсом. Никак нельзя сказать, что все евангельские предания и все детали в них работают на мифологические интересы ранних христиан. Например, утверждение, что у Иисуса было несколько братьев (которых звали Иаков, Иосит, Иуда и Симон) и сестер, не относится к мифологическим мотивам, как и сведения о его происхождении из захолустного Назарета или притча о сеятеле.

По словам Прайса, реальных людей, удовлетворяющих параметрам «идеального типа», отличает от вымышленных то, что они «оставили свой след…в светской истории». Об императоре Августе и Аполлонии Тианском говорят другие (светские) источники.

Начнем с того, что определять историчность одного из миллионов тогдашних жителей планеты, используя в качестве критерия императора Августа, нечестно. Если я захочу доказать, что мой бывший коллега Джим Сэнфорд существовал, я не буду это делать, сравнивая число упоминаний о нем в прессе с числом упоминаний о Рональде Рейгане. Кроме того, в античности не было строгого разделения между «светским/профанным» и «религиозным». Но даже если бы оно и было, с какой стати светский исторический источник должен быть надежнее религиозного? И каким именно, светским или религиозным, мы должны считать Филострата, основного источника информации об Аполлонии? Для Филострата Аполлоний — важная религиозная фигура. У Филострата есть на сей счет глубокие религиозные убеждения. Означает ли это, что Филострат не является ценным источником? Аналогичным образом обстоит дело со многими источниками по Августу, который многими считался сверхчеловеком, а в конце концов был обожествлен.

Но опять-таки возникает ключевой вопрос: насколько все это имеет значение? Да, свои рассказы об Иисусе христиане выстраивали, беря за образец представления о божественных мужах (которых и сами могли придерживаться до обращения). Современным критическим историкам отлично знакомы эти параллели, которые, впрочем, далеко не столь многочисленны, как думают мифологисты. И ученые давно пытаются разобраться, как, несмотря на подобную стилизацию, выяснить, что Иисус делал и говорил. Однако тот факт, что христиане использовали определенные модели, а кое-где выдумывали рассказы или меняли в них детали, не имеет ни малейшего отношения к вопросу об историчности Иисуса, который необходимо решать на совершенно других основаниях.

Возьмем конкретный пример. Допустим, что митраисты действительно верили, что Митра был рожден 25 декабря и имел нимб, а правил ими папа с Ватиканского холма. Какое отношение это имеет к тому, жил ли на свете еврейский проповедник Иисус из Назарета, распятый при Понтии Пилате? Никакого, как и многие другие выкладки мифологистов.

7 Вымыслы мифологистов: создание мифического Христа

Преподавать Новый Завет в «библейском поясе» почетно и приятно. Прежде всего, не приходится опасаться недобора студентов. На мои занятия даже не удается попасть всем желающим: остаются десятки людей, которые отчаянно умоляют, чтобы им разрешили ходить. И мои достоинства здесь совершенно ни при чем. Дело в самом предмете. Я знаю поистине ужасных преподавателей из университетов с Юга, но и у них аудитории всегда заполнены. Студенты в этой части мира горят желанием изучать Новый Завет. Это и христиане, которые хотят узнать иную точку зрения, чем та, которой их учили в церкви и воскресной школе, и нехристиане, которые осознают важность Библии в обществе и культуре.

Почти все мои студенты воспитывались в консервативной христианской среде и приходят с уже сложившимися убеждениями. Из-за этого библеистика отличается от практически любой другой научной дисциплины в университете, и в плане гуманитарного образования возникает идеальная ситуация. Студенты, слушающие лекции по другим гуманитарным предметам (классической филологии, философии, истории, английской литературе), обычно приступают к занятиям, не имея определенной точки зрения на предмет. В результате их не шокирует то, что они узнают о Платоне, Карле Великом или кайзере Вильгельме, и у них нет твердых мнений о «Короле Лире», «Холодном доме» и «Братьях Карамазовых». С Библией совершенно иная ситуация: они приходят со сложившимся представлением о том, что она такое, и как ее понимать. На занятиях они сталкиваются с проблемами, о которых раньше не думали, а теперь должны думать. Поскольку одна из задач гуманитарного образования состоит в том, чтобы научить студентов думать, курсы по библеистике — идеальная обстановка для гуманитарного развития, особенно на Юге, где подавляющее большинство студентов полагают, что с Библией для них все ясно.

Разумеется, в уважающих себя университетах профессора не учат чему попало. Соблюдая научную ответственность, они стараются знакомить студентов с серьезными концепциями. Возможно, именно поэтому среди преподавателей библеисти-ки и религиоведения в аккредитованных университетах и колледжах Северной Америки и Европы нет мифологистов (насколько мне известно). И дело здесь не в том, что у мифологистов нет аргументов или нет убеждений, над которыми они много думали. Просто ученые не считают их теории академически респектабельными. Конечно, само по себе это не означает, что мифологисты заблуждаются. Это лишь означает, что они маргинальны.

Как мы уже видели в предыдущей главе, некоторые аргументы мифологистов против историчности Иисуса вообще не имеют отношения к делу. Другие имеют, но неубедительны. О них мы и поговорим в данной главе. Мы увидим, как мифологисты представляют (а по сути, выдумывают) мифического Христа. Я постараюсь честно описать их взгляды, а затем показать, почему специалисты в релевантных областях знания отвергают их. Начнем с наиболее расхожего утверждения.

Выдумали ли христиане Иисуса как умирающего и воскресающего бога на основе языческих мифов?

Одно из самых распространенных утверждений мифологистов состоит в следующем: Иисуса выдумали ранние христиане, которые находились под глубоким влиянием мифов об умирающих и воскресающих божествах в языческих религиях античности. Предполагается, что во многих древних религиях существовали мифы о богах, которые умерли и воскресли:

Осирисе, Аттисе, Адонисе, Таммузе, Геракле, Мелькарте, Эшмуне, Ваале и т. д. Согласно гипотезе, первоначально эти боги были связаны с растительностью и почитались в культах плодородия. Как злаки умирают осенью, а весной возвращаются к жизни, так и связанные с ними боги. Боги умирают (когда увядает растительность) и спускаются в подземный мир, а затем оживают (опять же вместе с растительностью) и, воскресшими, снова появляются на земле. В них видят умирающих и воскресающих божеств.

Согласно данной концепции, Иисус был еврейской версией языческого божества плодородия. Евреи выдумали его как умирающего и воскресающего бога. Лишь впоследствии некоторые почитатели этого еврейского божества сделали из него реальную историческую личность, Богочеловека, который некогда жил на земле, умер и воскрес. Как только это случилось, рассказы о Богочеловеке стали разрастаться как снежный ком. Целый ряд из них был выдуман авторами вроде Марка, первого евангелиста. Однако в основе этих повествований лежала не реальная история, а чистой воды миф.

Именно так представляют себе изобретение Иисуса почти все мифологисты (за исключением Дж. Уэллса). Как мы уже видели, об этом писал еще Керси Грейвс в 1875 году. А в недавней своей книге Роберт Прайс рассказывает, что сам он, бывший евангельский проповедник, стал мифологистом, когда увидел глубокие параллели между преданиями об Иисусе и сказаниями об умирающих и воскресающих божествах[133].

Недостатки этой концепции

Большинство мифологистов даже и не подозревают, что некогда популярное представление о распространенности умирающих и воскресающих богов в античности вошло в немилость у ученых.

Для внимания научного мира к концепции умирающих и воскресающих богов больше всего сделал сэр Джеймс Джордж Фрэзер (1854–1941). В свои дни он осуществил то же, что и Джозеф Кэмпбелл во второй половине XX века: убедил тысячи людей, что большинство религий в основе своей одинаковы. Однако если Кэмпбелл ориентировался на широкую аудиторию («Тысячеликий герой», «Власть мифа»), то работы Фрэзера больше всего повлияли на ученых, особенно его представление об умирающих и воскресающих богах.

Самая знаменитая книга Фрэзера называется «Золотая ветвь». Она выдержала серию переизданий, причем каждый раз издавалась все большим тиражом. Уже в первом издании 1890 года автор изложил свою концепцию языческих божеств, которые умирали, а затем воскресали. В третьем издании 1911–1915 годов данной теме посвящена вся четвертая часть. В ней Фрэзер утверждал, что такие восточно-средиземноморские божества как Осирис, Думузи (Таммуз), Аттис и Адонис были умирающими и воскресающими. В каждом случае, считал Фрэзер, мы имеем дело с растительными божествами, чей цикл рождения, смерти и воскресения реплицирует и объясняет природный цикл земли. Сам Фрэзер не проводил прямых аналогий между этими божествами и Иисусом, но, судя по не слишком завуалированным намекам, имел их в виду. Он полагал, что христиане воспользовались расхожим языческим мифом и применили его к Иисусу[134].

Какое-то время в определенных научных кругах эта теория пользовалась уважением. Однако в конце XX века она подверглась разгромной критике. Правда, и сейчас отдельные ученые продолжают думать, что умирающие и воскресающие божества существовали. Однако даже это меньшинство не считает, что данная категория помогает понять предания об Иисусе.

В качестве примера можно взять Трюггве Меттингера, самого активного сторонника теории, что такие божества существовали. В своей книге «Загадка Воскресения: «умирающие и воскресающие боги» на древнем Ближнем Востоке» он пытается вдохнуть новые силы в

основной тезис Фрэзера. Тщательно и детально проанализировав факты, Меттингер утверждает:

В древних ближневосточных религиях существовал ряд божеств, которых можно назвать умирающими и возрождающимися божествами[135].

Он оговаривается, что о *воскресении* (т. е. возрождении мертвого к жизни) можно говорить лишь в одном известном нам случае: Мелькарт (или Геракл). В качестве примера же подобных языческих богов дохристианского периода Меттингер приводит, помимо Мелькарта, еще и Думузи и Ваала. Подобно Фрезеру, Меттингер полагает, что смерть и возрождение таких богов «тесно связаны с природным растительным циклом»[136].

Я внимательно прочел книгу Меттингера и думаю, что она не очень подтверждает представления мифологистов о языческих умирающих и воскресающих божествах.

• Во-первых, Меттингер не приводит обоснований для своего тезиса о том, что подобные воззрения были известны в Палестине новозаветных времен. Будучи специалистом по Ветхому Завету, он лишь цитирует ветхозаветные отрывки: Иез 8:14; Зах 12:11; Дан 11:37. Посмотрите их сами. Ни в одном из них не упоминается смерть и воскресение какого-либо божества. Как они могут доказывать, что такое божество было известно в Палестине? Кроме того, эти тексты написаны за столетия до Нового Завета. Можно ли указать хоть один источник, который упоминал бы, что в сельской Палестине времен Петра и Иакова почитался языческий бог, который умер и возродился к жизни? Поверьте мне, если бы он существовал, о нем говорили бы все, кому интересно раннее христианство. Однако его не существует.

• Во-вторых, в выкладках Меттингера о более ранних божествах заметно, сколь неоднозначны свидетельства даже там, где он подробно все описывает. Ему приходится углубляться в сложнейшие дебри и подмечать тончайшие филологические нюансы, чтобы показать, что *какой-либо* из этих богов считался умирающим и возрождающимся. Но сколь важной и распространенной можно считать категорию, если недвусмысленных источников почти нет (да и те, заметим, относятся ко временам задолго до новозаветных)?

• В-третьих, даже Метгингер не считает, что эти куцые свидетельства имеют отношение к христианской вере в воскресение Иисуса. Ближневосточные божества, о которых он говорит, были тесно связаны с ежегодным природным циклом. Напротив, смерть и воскресение Иисуса мыслились как единократные события. Более того, подчеркивает Меттингер, христиане верили в искупительный характер смерти Иисуса. Ничего такого в случае ближневосточных божеств не наблюдается.

• В-четвертых, даже если некоторые дохристианские народы верили в умирающие и возрождающиеся божества (а это далеко не факт), христианская вера в воскресение Иисуса носит совершенно иной характер. Даже если весьма неоднозначные свидетельства понимать так, как предлагает Меттингер, умершие языческие боги возвращались к жизни. Однако ранние христиане говорили о другом. Они проповедовали не оживление трупа, а *воскресение.* А это разные вещи.

Еврейские представления о воскресении были тесно связаны с мировоззрением, которое ученые называют «еврейской апокалиптикой». В следующей главе мы подробнее объясним, в чем оно состояло. Пока лишь отметим, что многие еврейские современники Иисуса считали, что в нашем мире господствуют силы зла. Этим они объясняли страдания и несчастья: голод и засуху, эпидемии и землетрясения, войны и смерти. Однако они верили, что однажды Бог вмешается в историю: низвергнет темные силы и установит свое благое царство на земле. В этом будущем царстве уже не будет боли, горестей и тлена. Бог погубит все противное его воле и вознаградит тех, кто хранил ему верность. Это воздаяние придет не только к тем, кто доживет до той счастливой поры. Верные евреи, которые страдали и умерли, будут воскрешены из мертвых и также обретут награду. Более того, сама смерть будет истреблена

как один из врагов Бога и его народа. После воскресения праведники получат вечную жизнь и уже никогда больше не умрут.

Многие евреи, верившие в будущее воскресение, полагали, что наступит оно очень скоро (возможно, еще на их веку). В самом ближайшем будущем, думали они, Бог будет судить мир, победит врагов, включая грехи и смерть, и воскресит свой народ из мертвых.

Христианскую веру в воскресение Иисуса необходимо понимать именно в свете еврейских представлений о воскресении. Как ясно из сочинений первого известного нам христианского автора (апостола Павла), первые христиане считали воскресение Иисуса важным еще и потому, что оно знаменовало близость всеобщего воскресения. Они считали, что живут в конце нечестивого века, и вот-вот наступит Царство Божие. Вот почему Павел называл Иисуса «первенцем от плодов» воскресения. Как земледельцы собирали в первый день первинки, а на следующий день (не через столетия!) — остальной урожай, так Иисус — первый плод того, что ожидалось вот-вот: воскресение всех мертвых, которые должны были получить осуждение (если делали злые дела) или награду (если следовали воле Божией).

Вера в воскресение Иисуса не заимствована из языческих мифов о возрождении божеств. Она уходит корнями в еврейские представления о воскресении как эсхатологическом событии, в котором Бог заново утвердит свою власть над миром. Иисус покорил темную силу смерти, и вскоре его победа станет зримой в воскресении всех верных.

Как мы уже сказали, сам Меттингер не считает, что языческие концепции умирающих и возрождающихся божеств породили на свет Иисуса. Он пишет:

> *Насколько мне известно, не существует фактов, указывающих на то, что смерть и воскресение Иисуса — мифологический конструкт, опирающийся на мифы и обряды, связанные с умирающими и возрождающимися божествами[137].*

Однако большее число ученых полагают, что ничто (или почти ничто) не указывает на то, что такие боги почитались. Особенно убедительную критику доводов Фрэзера в «Золотой ветви» разработал Джонатан Смит, видный специалист по истории религии из Чикагского университета. Особенно важна статья, которую он написал для монументальной «Энциклопедии религии», первоначально выходившей под редакцией Мирчи Элиаде[138]. Тщательно разобрав выкладки Фрэзера об умирающих и воскресающих божествах, Смит категорически заявил:

> *Категорию умирающих и воскресающих божеств, некогда одну из основных тем научных изысканий, следует признать в целом неудачной: она основана на слишком вольных реконструкциях и очень поздних или очень двусмысленных текстах…*
>
> *Всех богов, которых относили к классу умирающих и воскресающих, можно разделить на две группы. В одном случае божества возвращаются, но не умерли, а во втором — умирают, но не возвращаются. В истории религий нет ни одного несомненного случая умирающего и воскресающего божества[139].*

Свои утверждения Смит основывает на рассмотрении таких богов, как Адонис, Ваал, Аттис, Мардук, Осирис и Таммуз (или Думузи). Взять, к примеру, античные сообщения о греческом Адонисе. В античности существовали две формы мифа о нем, которые лишь позднее слились в единый мегамиф.

• *Первая форма мифа.* Богини Афродита и Персефона не желают расстаться с человеческим младенцем Адонисом. Тогда Зевс (а в некоторых вариантах мифа — Каллиопа) принимает своего рода «соломоново» решение: полгода Адонис будет проводить на земле с Афродитой, а полгода — с Персефоной, богиней подземного царства. Здесь ничто не намекает на смерть или воскресение Адониса. Часть года он находится в одном месте (среди живых), а часть — в другом месте (среди мертвых).

• *Вторая форма мифа.* Юношу Адониса убивает кабан, а богиня Афродита оплакивает его и превращает в цветок. В этой версии Адонис определенно умирает, и ни из чего не видно, что он возвращается к жизни.

Лишь в поздних текстах, после возникновения христианства, мы находим упоминания о возвращении Адониса. По мнению Смита, на эту версию наложило отпечаток христианство с его верой в воскресение мертвых. Иными словами, не миф об Адонисе повлиял на христианские представления об Иисусе, а наоборот. И все равно, замечает Смит, ничто не указывает на существование мистериального культа, в котором Адонис почитался бы в качестве умирающего и воскресающего божества, или в котором верующие связывали бы себя с ним, с его смертью и воскресением (как это происходит в христианстве).

Другой пример — Осирис, которого любят вспоминать мифологисты в качестве языческой параллели к Иисусу. Об этом египетском боге много писали в древности. Тексты, упоминающие его, имеют временной разброс в тысячу лет. Наиболее известной является работа знаменитого философа и историка Плутарха «Об Исиде и Осирисе» (II век н. э.). Согласно мифам, Осирис был убит, а тело его расчленено и разбросано. Однако его жена, Исида, собрала все части воедино и погребла. Заметим, однако, что Осирис *не* вернулся к жизни: он стал властителем подземного мира. Ни о каком воскресении здесь говорить не приходится.

По мнению Смита, сказания об Осирисе восходят к процессу мумификации в Египте, где тела готовили к загробной жизни (а не к возвращению жизни на земле). Смит делает вывод: «Этот яркий миф о смерти и оживлении совершенно не соответствует концепции умирающих и воскресающих божеств»[140]. С его точки зрения, это можно сказать и обо всех других божественных фигурах, в которых часто видели языческие прообразы Иисуса. Одни умирают, но не возвращаются, другие исчезают, но не умирают. Ни о ком нельзя сказать, что он умирает и возвращается.

Свои выкладки Джонатан Смит подтвердил подробными ссылками на древние тексты, и многие ученые с ними согласились.

Упомянем и о не менее важной работе Марка Смита, специалиста по древнему Ближнему Востоку и Еврейской Библии. Марк Смит также считает, что в древности не существовало представления об умирающих и воскресающих божествах[141]. Он убедительно доказывает, что на соответствующую теорию Фрэзера наложило глубокий отпечаток христианское богословие. Если же смотреть на языческие божества не сквозь призму христианских взглядов, их никак невозможно счесть умирающими и воскресающими. Смит объясняет, почему такая теория не применима к Осирису, Думузи, Мелькарту, Гераклу, Адонису и Ваалу.

По мнению Смита, Фрэзер допустил методологическую ошибку: взял сказания о разных божественных фигурах, относящиеся к самым разным культурам и столетиям, и создал из них единый синтез. Это все равно, что взять представления об Иисусе французского монаха XII века, кальвиниста XVII века, мормона конца XIX века и современного пятидесятнического проповедника, свести их в единое целое и сказать: «Вот каким был Иисус». С Иисусом мы бы так не поступили. Почему же мы должны поступать подобным образом с Осирисом, Гераклом и Ваалом? Более того, подчеркивает Смит, значительную часть информации об этих других богах мы черпаем из источников, которые датируются *христианской* эпохой. Это авторы, которые сами находились под влиянием христианских взглядов на Иисуса и «часто получали сведения из вторых рук»[142]. Иными словами, они вряд ли дают представление о том, что говорили о почитаемых ими богах язычники до христианства.

Большинство ученых согласны со Смитом и Смитом: не существует ясных свидетельств тому, что до христианства какие-либо язычники верили в умирающие и воскресающие божества (и уж тем более, что язычники в это верили повсюду). Как мы уже знаем, некоторые исследователи (например, Меттингер) оспаривают этот тезис. Какие же выводы

можно сделать из этой научной полемики в плане интересующего нас вопроса (был ли Иисус изобретен в качестве умирающего и воскресающего божества)? Отметим несколько ключевых моментов.

• Во-первых, научные расхождения обусловлены тем, что гипотетические данные в пользу существования подобных божеств, в лучшем случае, немногочисленны, разрозненны и допускают иные толкования, а не вездесущи и прозрачны. Умирающие и воскресающие божества широко не обсуждались религиозными людьми античности: это очевидно из того факта, что их не упоминает напрямую ни один из наших источников. Значит, если подобные верования и существовали, они не были распространенными и у всех на виду.

• Во-вторых, ни из чего не видно, что умирающие и воскресающие божества были известны или почитаемы в палестинской провинции или даже Иерусалиме 20-х годов I века н. э. Пусть мифологисты приведут хоть какие-то факты в пользу того, что палестинские евреи времен предполагаемой жизни Иисуса находились под влиянием данных воззрений. Одна из причин, по которой ученые не считают, что Иисус был изобретен в качестве умирающего и воскресающего божества, состоит в следующем: ничто не указывает на то, что в тех местах, где этот вымысел якобы состоялся, кто-либо из христиан знал о таких божествах.

• В-третьих, как признает и Меттингер, различия между Иисусом и умирающими и воскресающими божествами (воссозданных Меттингером на основании скудных данных) таковы, что Иисус просто не мог быть выдуман по их образцу, даже если о таких богах знали в 20-е годы.

Есть и еще более веская причина полагать, что Иисус не был выдуман в качестве еврейской версии умирающего и воскресающего божества: первые христиане не считали Иисуса Богом.

Божественность Иисуса

Ученые согласны, что первоначальные христиане не считали Иисуса Богом. За исключением фундаменталистов и очень консервативных христиан, исследователи полагают, что вера в божественность Иисуса появилась позднее. Фундаменталистов можно понять: они считают Иисуса Богом. А если Иисус был Богом, он должен был знать, что он Бог, и сказать об этом ученикам. Таким образом, христиане с самого начала считали Иисуса Богом… Таковы уж фундаменталистские представления о безошибочности Священного Писания: все слова, которые приписываются Иисусу, скажем, в Евангелии от Иоанна, считаются действительно им произнесенными. Однако критические ученые считают иначе: был Иисус Богом или не был (вопрос богословский, а не исторический), первые ученики так не считали. Как я уже сказал в начале книги, вопросом о том, как, когда и почему христиане уверовали в божественность Иисуса, я собираюсь заняться в следующей книге. А пока лишь скажу, что эта теория появилась в христианском богословии не сразу.

Ни одно из первых трех Евангелий (Матфей, Марк, Лука) не называет Иисуса Богом и не утверждает, что Иисус так себя называл. В древнейших евангельских преданиях Иисус говорит не о своей божественности, а о грядущем Царстве Божием и необходимости готовиться к нему. Уже один этот факт заставляет задуматься: если первые ученики Иисуса считали Иисуса Богом, почему первые Евангелия об этом не говорят? Как можно умолчать о столь важной вещи? Правда, Евангелия постоянно говорят об Иисусе как о Сыне Божием.

Однако Сын Божий и Бог — разные вещи. Мы можем подумать, что раз для нас сын пса — это пес, сын кота — кот, то и сын бога — бог. Однако евангелисты не были людьми с ментальностью XXI (или даже IV) века. Их авторы жили в I веке и следовали еврейским принципам, особенно зафиксированных в еврейских Писаниях — Ветхом Завете. Ветхий Завет же упоминает о многих людях, считавшихся сынами Божиими, но отнюдь не Богом.

Приведем примеры.

• Царь Израилев напрямую именовался «сыном Божиим»: например, Соломон в 2 Цар 7:11–14. Значит ли это, что он был Богом? Ничуть. Это обычный человек, который, впрочем, находился в особо близких отношения с Богом (как ребенок с родителем), и через которого Бог осуществлял свою волю на земле.

• Народ Израилев иногда именовался «сыном Божиим» (напр., Ос 11:1). Значит ли это, что народ обладал божественностью? Ничуть. Просто через Израиль Бог осуществлял свою волю на земле.

• Будущий Мессия считался «сыном Божиим». Это не означает, что евреи ждали Боговоплощения: они ждали человека, который будет особенно близок к Богу, и через которого Бог будет вершить свою волю.

Для евангелистов Матфея, Марка и Луки, Иисус — человек. Эту концепцию они восприняли из устных и письменных преданий, на которых основывали свои повествования. Иисус не называется Богом в Q, M, L или устных традициях, которые можно проследить по синоптическим Евангелиям.

Можно копнуть и еще глубже в прошлое. Как мы уже отмечали, очень ранние представления об Иисусе отражены в допавловых преданиях. Одно из них Павел цитирует в Рим 1:3–4, где Иисус становится Сыном Божиим (не Богом!) лишь после Воскресения. Воскресив Иисуса, Бог сделал его своим сыном. Аналогичную картину мы видим в речах из Деяний Апостолов (Деян 2:36; 13:32–33). Бог прославил Иисуса и сделал его своим сыном, Христом, при воскресении.

Скорее всего, именно так смотрели на Иисуса первые ученики. При его жизни они надеялись, что он — Мессия (не Бог!). Эта надежда пошатнулась, когда Иисус был арестован, осужден, замучен и распят: разве может быть такая судьба у Мессии? Однако что-то убедило учеников Иисуса (или часть из них), что он воскрес. Это подтвердило их прежние представления об Иисусе: Иисус — некто особенный перед Богом. Пришлось, однако, и переосмыслять свои богословские концепции. Некоторые стали считать Иисуса Мессией, пострадавшим за грехи людей: он сознательно пошел на смерть, зная, что такова воля Божия, но был воскрешен Богом в знак того, что на нем пребывает особая милость Божия. И Бог вознес его на небеса, откуда он впоследствии возвратится и установит Царство Божие на земле.

Впрочем, есть один отрывок, который очень любят мифологисты. При поверхностном его чтении действительно может возникнуть мысль, что Павел (до евангелистов!) считал Иисуса умершим и воскресшим Богом, аналогичным умирающим и воскресающим языческим божествам. Это «гимн» из Послания к Филиппийцам (Флп 2:6-11). Пожалуй, во всем Новом Завете (и уж точно в посланиях Павла) нет отрывка, о котором было бы столько написано. Одним лишь этим шести стихам посвящены толстые научные тома[143]. Хотя мифологисты обычно рассматривают данный отрывок так, словно его смысл очевиден, почти ничего очевидного в нем нет. Каждое его слово и каждая фраза изучаются с помощью самых тонких методов анализа, — и все равно среди комментаторов нет согласия относительно смысла. Впрочем, одно ясно: мифологисты обычно понимают его неправильно. Он не изображает Иисуса как языческого умирающего и воскресающего бога: такая мысль может возникнуть лишь при невнимательном прочтении.

Для начала приведем отрывок полностью. (Оговоримся, однако, что среди ученых давно идут жаркие споры даже о переводе ряда ключевых его понятий.)

В вас должны быть те же мысли, какие и во Христе Иисусе,
который, будучи в образе Бога,
не стал держаться за (или не стал посягать на)
равенство с Богом

но опустошил себя самого,
приняв образ раба,
сделавшись подобным человекам.
По виду став как человек, он смирил себя,
быв послушным до смерти, и смерти крестной.
Потому и Бог превознес его
и дал ему имя
выше всякого имени,
чтобы пред именем Иисуса
преклонилось всякое колено
небесных и земных и преисподних,
и всякий язык исповедал,
что Иисус Христос — Господь,
во славу Бога Отца.
(Флп 2:5-11)

Это одно из самых интересных описаний Христа в Новом Завете. О полной его интерпретации здесь не может быть и речи. Ограничимся лишь общими замечаниями, а также несколькими ключевыми моментами.

Большинство ученых считают, что этот отрывок носит поэтический характер: возможно, это гимн (старая точка зрения) или символ веры (это более вероятно). Также считают, что Павел не сочинил его с нуля, а процитировал. Впрочем, даже с последним нет ясности: одни исследователи думают, что Павел цитирует текст, написанный кем-то еще, а другие — что он сам был его автором[144].

Вызывает вопросы и композиция отрывка. Я разделил его на две части. Первая часть состоит из трех строф по три строки. Каждая говорит о нисхождении/уничижении Христа. Вторая часть состоит также из трех строф по три строки. Каждая говорит о восхождении/прославлении Христа.

Однако это лишь одна из возможностей. Есть и масса других вариантов, предлагавшихся крупными учеными, многие из которых изучали данный отрывок намного больше, чем я (хотя я изучал его, думал и читал о нем более тридцати лет)[145].

Одна возможность понять отрывок, — многим, кто берется за него впервые, она кажется самоочевидной, — состоит в следующем. Христос изначально обладал божественностью, сошел на землю, был распят, а затем вернулся на небеса. Не исключено, что это толкование верное, но, как я уже сказал, оно активно оспаривается. Однако даже оно не означает, что Христос сначала мыслился как умирающий и воскресающий бог. Причин тому несколько.

• Во-первых, согласно Флп 2:6, до своего уничижения Христос был «в образе Бога». Это не означает, что он был Богом. Использовано греческое слово, которое означает «форма», «вид». Так и ниже сказано, что Иисус имел «образ раба»: это не означает, что Иисус всегда был рабом. Это лишь говорит о внешней форме, принятой Иисусом.

• Во-вторых, выражение в Флп 2:6 можно понять двояко: «не стал посягать на равенство с Богом» и «не стал держаться за равенство с Богом». В пользу первой интерпретации говорит следующий факт: после того, как Христос уничижил себя, Бог прославил его, дав ему такой статус, какой он раньше не имел. Значит, до уничижения он еще не был равным Богу: иначе о каком еще большем прославлении можно говорить? Что может быть выше Бога? Судя по всему, хотя первоначально он был «в образе Божием», это не означало полную меру божественности. Как раз на божественность он не посягнул.

Но если Христос был «в образе Божием» и не был равным Богу, кем он был? На сей счет среди экзегетов идут жаркие дискуссии. Одна из наиболее распространенных интерпретаций едва ли придет в голову неспециалисту. С точки зрения многих ученых, в отрывке не

говорится, что божественный Христос пребывал с Богом на небесах, затем спустился на землю, умер и вознесся обратно. Они полагают, что здесь идет речь о Христе как «втором Адаме»: «второй Адам» был подобен первому, описанному в Книге Бытия, но действовал противоположным образом, и это привело к противоположным результатам[146].

Согласно Книге Бытия, Адам был сотворен по «образу» Божию (Быт 1:26). Возникает вопрос: не был ли Христос «в образе Бога» в том же смысле, что и Адам? Обратим внимание: Адам захотел именно «равенства с Богом», вкушая плод с древа познания добра и зла. Напротив, Христос не стал «посягать на равенство с Богом». Адам умер вследствие своего греха, — и умирали все его потомки. Христос же пошел на смерть добровольно: ради тех, кто умирает из-за Адама. Поскольку он не стал посягать на равенство с Богом, а умер — из послушания Богу, Бог сделал для него противоположное тому, что сделал Адаму. Адам и его потомки были прокляты, а Христос — вознесен над всем остальным. Вознесен столь высоко, что пред именем Иисуса преклонится каждое колено, и каждый язык произнесет исповедание.

В конце отрывка процитирована Книга Исаии (Ис 45:23), где сказано, что пред Богом преклонится всякое колено, и клятву Богу даст каждый язык. Как бы ни понимать остальную часть отрывка, этот вывод поразителен. Христос получит поклонение, по праву подобающее одному лишь Богу. Вот как Бог превознес его в награду за акт послушания!

Если это толкование правильное, то в начале отрывка не говорится о предсуществовании и божественности Христа: Христос — человек. Но даже если оно неправильное, повторимся: Христос описан не как Бог, а как тот, кто был «в образе Бога».

Еще одна возможность (на мой взгляд, более вероятная): Христос мыслится как предсуществу-ющий ангел. В Ветхом Завете ангелы — это посланцы Божии. Они даже могут именоваться Богом. Например, в рассказе о Моисее и неопалимой купине (Исх 3) «ангел Господень» представляется Богом. Однако он лишь пребывает в форме/образе Бога, но сам не Бог: ангел — лишь посланец, вестник его. Интересно, что в ряде еврейских текстов сказано о возвышении того или иного ангела до уровня Бога, восседании его на престоле подле Всемогущего[147].

Однако как бы ни понимать начало отрывка из Послания к Филиппийцам, одно ясно: речь не идет об умирающем и воскресающем Боге. Подобная интерпретация полностью пренебрегает стихом 2:7. Кем бы ни был Христос, — божественной сущностью, Адамом или ангелом, — он «опустошил себя» перед смертью на кресте. То есть лишил себя того статуса, который у него был во время пребывания «в образе Бога», и принял совершенно иной образ, образ «раба». Умер он не как Бог, а как раб. И воскрес не как Бог. Статус, равный Богу, он обрел лишь *после* воскресения. Именно тогда он получил в награду божественные атрибуты и богосыновство. Текст говорит не о смерти и воскресении божества, а о смерти смиренного раба, который затем лишь обрел божественное величие.

Отметим очень важный момент. Даже те ученые, которые считают, что Павел воспользовался уже существующим гимном (или символом веры), не думают, что в нем отражена древнейшая хри-стология. Первоначальные христианские предания указывают в принципиально ином направлении, подчеркивая человеческую природу Иисуса и ничего не говоря о его божественности. Учение о божественности Христа появилось в христианском богословии не сразу.

Общее направление первоначальной мысли вроде бы ясно: Бог прославил Иисуса и сделал его сыном, когда воскресил его. (В целом, в этом ключе составлен и отрывок из Послания к Филиппийцам.) Очень показательны речи из Деяний Апостолов, которые содержат очень ранний материал (предшествующий Евангелиям и, видимо, Павловым посланиям): в них Иисус *лишь после воскресения* становится Господом, Христом и Сыном

Божиим (Деян 2:36; 13:32–33)[148]. Об этом говорит и символ веры, который Павел цитирует в Рим 1:3–4.

Однако некоторые христиане стали считать, что при таком подходе Иисус обретает богосыновство как-то поздновато. Они предположили, что он был Сыном Божиим в течение всей своей проповеди. Так появились материалы, в которых Иисус становится Сыном Божиим при крещении. Очень может быть, что на этой точке зрения стоит и Евангелие от Марка, первое из наших Евангелий. Марк начинает рассказ с того, что Иисус крестится и слышит, как Бог объявляет его с неба своим сыном. Совершенно ясно, что у Марка Иисус — не Бог. Более того, в одном марковском отрывке Иисус прямым текстом говорит, что его нельзя считать Богом (Мк 10:17–18): некто называет Иисуса «благим» и слышит в ответ, что «никто не благ, как только один Бог».

Затем некоторые христиане решили, что Иисус был Сыном Божиим не только в течение всей проповеди, но и в течение всей жизни. Они говорили, что он уже *родился* как Сын Божий. Эта концепция отражена в Евангелиях от Матфея и Луки, где мать Иисуса — девственница, а богосыновство обретает более буквальный смысл: Дух Божий делает Марию беременной (Лк 1:35).

Время шло, и некоторым христианам даже это решение показалось неудовлетворительным. Они подумали, что Иисус не просто пришел в мир как Сын Божий, но существовал еще до рождения. Матфей и Лука едва ли имели это в виду: скорее, они считали, что Иисус начал существовать при зачатии. Однако Евангелие от Иоанна, последнее из канонических Евангелий, говорит об Иисусе как о Слове Божием: Слово было у Бога еще от вечности; через Слово Бог создал мир; а затем Слово стало человеком (Ин 1:1-18). Подчеркнем: *эту точку зрения мы находим лишь в Четвертом Евангелии*[149]. Впоследствии она стала стандартной у христиан и была включена в символы веры: Христос есть Бог. Однако первоначальные христиане ни о чем таком не думали. Соответственно, нельзя сказать, что они выдумали Иисуса как умирающего и воскресающего бога: древнейшая христология вообще не предполагала, что Иисус есть Бог. Вера в божественность Иисуса появилась позднее.

Первоначальные христиане считали Иисуса распятым Мессией. Древнейшие Евангелия (как и положенные в их основу предания) и апостол Павел называют Иисуса не Богом, а Христом. Даже в гимне из Послания к Филиппийцам он назван «Христом Иисусом». Древнейшие христианские предания говорили об Иисусе как о Христе столь часто, что уже ко временам Павла слово «Христос» фактически превратилось в часть имени. (Заметим: Иисус Христос, а не Иисус Бог!) Иисус назван Христом в посланиях Павла, Евангелиях от Марка, М, Ь, Евангелии от Иоанна, а также у Иосифа Флавия, Плиния, Тацита и т. д. Не будем забывать, что это понятие обозначало в древнем иудаизме. Оно обозначало могущественного грядущего избавителя народа Божия от врагов.

Поэтому ключевой вопрос состоит не в том, почему первые христиане называли Иисуса Богом, — они его так не называли! — а в том, почему они называли его Христом. Как-никак все знали, что он был распят. Распятие же шло вразрез с любыми известными мессианскими сценариями. Первые христиане не задавались вопросом, почему *Бог* был распят: их интересовало, почему был распят *Христос.* Свои представления о смерти Иисуса они, безусловно, не заимствовали из языческой мифологии. Они знали, что он был казнен, и верили (в русле еврейской апокалиптики), что он воскрес. Их вера в мессианство Иисуса показывает, что их представления о смерти Иисуса не заимствованы из еврейских мифов и легенд: евреи не ждали распятого Мессию. Поэтому вывод подавляющего большинства историков представляется верным: Иисус существовал и был распят. Те, кто в него верили, считали его Мессией. Чтобы осмыслить распятие, им пришлось иначе взглянуть на само понятие мессианства. Но Иисуса они не выдумывали. Если бы они это сделали, они никогда

не сделали бы его распятым Мессией. Само представление о распятом Мессии возникло лишь потому, что человек Иисус, в мессианство которого они верили, был распят.

Подведем итоги. Иисус не является еврейской аналогией языческих умирающих и воскресающих богов. Далеко не факт, что даже язычники верили в таких богов. Почти никто из ученых не предполагает наличие данной концепции у евреев. Нет свидетельств, что палестинские евреи I века придерживались таких воззрений. Однако еще важнее следующий факт: Иисус не может быть умирающим и воскресающим богом, поскольку первоначально вообще не считался Богом. Учение о божественности Христа появилось не сразу. Первые христиане видели в нем умершего и воскресшего *Мессию.*

Был ли Иисус выдуман как персонификация еврейской Премудрости?

Из ныне живущих представителей мифологической школы наибольший стаж у Дж. Уэллса: уже более тридцати пяти лет он отстаивает гипотезу, что Христос христианской традиции не существовал. Однако в отличие от других мифологистов, он не считает Христа еврейским аналогом языческих умирающих и воскресающих богов. С его точки зрения, мифология, лежащая в основе христианства, была еврейской: Христос был выдуман как персонификация мифического персонажа, называемого в еврейских текстах «Премудростью».

Впрочем, у Уэллса есть еще одно важное отличие от большинства других мифологистов: он считает, что некий человек по имени Иисус существовал. Однако Уэллс думает, что к мифу о Христе это почти не имеет отношения: Иисус был не галилейским проповедником и целителем I века (это как раз выдумка евангелиста Марка!), а евреем, жившим более чем столетием раньше, о котором ничего не известно. Христос же, полагает Уэллс, был изобретен одной из еврейских сект I века[150].

В целом это напоминает воззрения Арчибальда Робертсона, который писал:

Не может ли решение спора [между сторонниками и противниками историчности Иисуса] состоять в осознании того факта, что… просто были два разных Иисуса, мифический и исторический, между которыми не было ничего общего, кроме имени, но которые впоследствии были соединены воедино?[151]

По мнению Робертсона, Павел был «гностическим миссионером, которому не было дела до Мессии, казненного в Палестине, даже если он что-либо о нем и знал». Соединил же, думал Робертсон, двух Иисусов Марк. Таким образом, Иисус — реальное историческое лицо. Однако «об этом Иисусе мы почти ничего не знаем».

Уэллс продолжает эту линию. С его точки зрения, христиане, выдумавшие Христа, находились под сильным влиянием еврейских размышлений о Премудрости Божией: она нередко мыслилась как самостоятельная божественная сущность, отдельная от Бога, но тесно связанная с ним. Через Премудрость, как считалось, Бог сотворил мир.

В самом деле, такая фигура в еврейских преданиях существует. Упоминание о ней мы встречаем еще в ветхозаветной Книге Притч. Наиболее известен отрывок из восьмой главы, где Премудрость говорит:

Господь создал меня в начале дела своего,
*первой из своих деяний, **искони;***
от века я помазана, от начала, прежде бытия земли…
прежде, нежели водружены были горы, прежде холмов…
Когда Он уготовлял небеса, я была там.

Когда Он проводил круговую черту по лицу бездны,
когда утверждал вверху облака, когда укреплял источники бездны…
тогда я была при Нем художницею,
и была радостью всякий день, веселясь пред лицом Его во все время,
веселясь на земном кругу Его…
(Притч 8:22–31)

В Книге Премудрости Соломона[152] о Премудрости сказано следующее:

Она есть дыхание силы Божией
и чистое излияние славы Вседержителя…
Она есть отблеск вечного света и
чистое зеркало действия Божия и образ благости Его…
Она быстро распростирается от одного конца до другого
и все устрояет на пользу…
она тайница ума Божия
и избирательница дел Его.
Прем 7:25–26; 8:1,4

Итак, Премудрость искони существовала у Бога, отражала его свет и была использована Богом при сотворении мира. Уэллсу это напоминает слова о Христе, которые в Новом Завете приписаны Павлу:

[Христос] который есть образ Бога невидимого, рожденный прежде всякой твари; ибо им создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли, — все им и для него создано; и он есть прежде всего, и все им стоит. И он есть глава тела Церкви; он — начаток, первенец из мертвых, дабы иметь ему во всем первенство, ибо благоугодно было Отцу, чтобы в нем обитала всякая полнота, и чтобы посредством его примирить с собою все, умиротворив через него, кровью креста его, и земное и небесное.
(Кол 1:15–20)

Уэллс говорит о сходстве данного отрывка с вышерассмотренным гимном из Послания к Филиппийцам (Флп 2:5-11). Здесь Христос выступает как Премудрость Божия, образ самого Бога; через него было все сотворено; он приходит на землю и умирает ради примирения мира с Богом. С точки зрения Уэллса, концепция Христа распятого посетила Павла, когда он размышлял над фигурой Премудрости. До Павла «некоторые христиане… не разделяли его точку зрения, что Иисус был распят». Между тем в книге Премудрости Соломона мы читаем о мудреце, который претерпел «бесчестную смерть» (Прем 2:12–20). «Отнюдь не исключено, что именно рефлексия над подобными отрывками натолкнула Павла (или его предшественника) на мысль, столь характерную для его богословской системы: что Христос умер самой позорной из возможных смертей»[153].

Однако ключевое значение Уэллс придает тому факту, что Павел прямо называет Христа «Премудростью Божией»:

Мы проповедуем Христа распятого, дня иудеев соблазн, а для эллинов безумие, для самих же призванных иудеев и эллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость.
(1 Кор 1:23–24)

Чуть дальше в том же послании апостол замечает:

Мудрость же мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего и не властей века сего преходящих, но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей, которой никто из властей века сего не познал, ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы.
(1 Кор 2:6–8)

По мнению Уэллса, Павел считал, что Премудрость воплотилась во Христе. Впоследствии, думает Уэллс, миф о Христе как воплощенной Премудрости был понят в буквальном смысле (будто Христос был реальной исторической личностью). Это случилось в конце I века, когда были записаны Евангелия.

Боюсь, однако, что у этой занятной гипотезы есть целый ряд недостатков. Возможно, именно из-за них большинство мифологистов отвергли ее. Во-первых, «Премудрость Божия» — отнюдь не главное и даже не распространенное обозначение Иисуса у Павла, и без сомнения, не с этого началась Павлова рефлексия об Иисусе. Скажем, в 1 Кор 1:23–24 Павел называет Иисуса также «Христом» и «Божией силой». Из чего видно, что Павел (или его предшественник) изначально (например, с момента обращения) считал Христа именно воплощенной Премудростью? Тем более апостол нигде больше не называет так Иисуса. Называет же он обычно его Христом. А в 1 Кор 1:23–24 он именует Христа Премудростью Божией, чтобы подчеркнуть определенную мысль: распятый Мессия — соблазн для евреев и безумие для язычников. Мы уже видели, почему большинство евреев отвергали мысль о распятии Мессии: это не соответствовало ни одному мессианскому сценарию. В противовес им Павел утверждал: распятие не только не признак слабости Мессии: на кресте была явлена подлинная сила Божия. Или язычники говорили, что смехотворно считать казненного преступника средоточием божественного откровения. В противовес им Павел говорил: напротив, это знак премудрости Божией. Таким образом, Уэллс неправильно понимает логику Павловых рассуждений о Премудрости.

• Во-вторых, в 1 Кор 1:23–24 Павел делает акцент именно на мессианстве и распятии. Это существенно, поскольку Уэллс сам признает, что еврейские размышления о Премудрости не предполагали ее мессианства. Никому бы не пришло в голову сказать: коль скоро Премудрость воплотилась, значит, ее воплощение и есть воплощение Мессии. Однако мысль легко могла идти в обратном направлении: если Христос распят (ключевой момент у Павла!), это может показаться «безумным», однако Божии пути неисповедимы, и то, что нам представляется глупостью, в реальности есть великая «премудрость».

Отправной точкой для Павла была мысль не о воплощении Премудрости, а о распятии Мессии. Уэллс возражает: то, что Павел считал Христа воплощенной Премудростью, видно из поэтического отрывка в Послании к Колоссянам (см. выше). Однако роковой недостаток этого аргумента состоит в том, что Послание к Колоссянам, почти наверняка, не принадлежит перу Павла. Как давно известно критическим ученым, это одна из подделок, которая была написана от лица апостола уже после его смерти[154]. Доказать, что данный отрывок отражает допавлову традицию, мягко говоря, непросто. Послание к Колоссянам, повторимся, было написано после Павла. На каком же основании мы можем говорить о допавловом отрывке?

Представление об Иисусе как о Премудрости Божией занимало лишь второстепенное место в богословии Павла. Без сомнения, не с этого начинались его представления об Иисусе. К данной мысли он пришел позднее. Отправной точкой было другое: Иисус — Мессия, причем Мессия распятый. Это предание об Иисусе можно проследить до самого начала 30-х годов, когда Павел даже еще не обратился в христианство. Христиане, возвещавшие мессианство Иисуса, не считали изначально Христа воплощенной Премудростью, основываясь на Книге Притч и Книге Премудрости Соломона. Христос для них был Христом распятым.

В основе этих представлений лежал отнюдь не отрывок о «бесчестной смерти» мудреца из Премудрости Соломона. (К слову, эта книга и в еврейский-то канон не вошла.) Христиане

отталкивались от общеизвестного факта: Иисус был распят. Те, кто верили в его мессианство, пришли к мысли, что Мессия претерпел распятие. Соответственно, им пришлось переосмыслить мессианский сценарий: Мессия страдает за грехи людей. Большинству слушателей это казалось дикостью. Однако ученики Иисуса считали иначе: перед нами одна из тех парадоксальных истин, которые показывают, что пути Божии неисповедимы, и то, что людям может казаться глупостью, в реальности мудро. Впоследствии, уже намного позже обращения Павла, отсюда, видимо, выросла идея, что Иисус и сам был воплощенной Премудростью: той самой Премудростью, через которую Бог создал мир. Однако первоначальные воззрения христиан (включая Павла) этого не предполагали.

Был ли Иисус неизвестным евреем, который жил более чем за столетие до Павла?

Дж. Уэллс пытается доказать, что для Павла Иисус — это не реальный еврей из плоти и крови, который недавно учил в Галилее и был распят римлянами, а сверхъестественное существо, жившее приблизительно 150 годами ранее и распятое не римлянами, а демоническими силами[155]. Основывается он, в частности, на вышеуказанном отрывке из Первого Послания к Коринфянам:

Проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей, которой никто из властей века сего не познал, ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы.

(1 Кор 2:7–8)

Уэллс рассуждает так: поскольку «никто из властей» не понял сокрытую тайну Христа, Христос должен быть фигурой неизвестной, а никак не знаменитым учителем. К тому же, по мнению Уэллса, в Павловых посланиях ни из чего не видно, что Иисус жил недавно. Да, Иисус являлся после воскресения современникам Павла, да и самому Павлу, но это не означает, что жил он недавно. Да, Иисус считался потомком Давида, но Павел «не говорит, в какое из многих столетий, разделявших Давида и Павла»[156], жил Иисус.

А как же 1 Фес 2:15 («от иудеев, которые убили и Господа Иисуса и пророков, и воздвигли на нас гонение, и Богу не угождают и всем людям противятся»)? С точки зрения Уэллса, этот отрывок — поздняя вставка, а не подлинный текст Павла. Данную гипотезу мы рассмотрели и подвергли критике выше.

Таким образом, думает Уэллс, для Павла Иисус был туманной фигурой из истории более чем вековой давности. Якобы Иисус был казнен при безжалостном еврейском царе Яннае (правил в Ю3-76 годах до н. э.), распявшем около восьмисот своих еврейских врагов. О жизни Иисуса, по мнению Уэллса, Павел ничего не знал и не интересовался, а знал лишь, что недавно Иисус являлся людям живым. Те, кто верили в него, могли соединиться с ним через мистическое крещение (в свете приближающегося Конца). Согласно гипотезе Уэллса, через двадцать пять-тридцать лет после Павла в Иисусе стали видеть историческую личность: это дало толчок к появлению евангельских преданий, которые впервые записал евангелист Марк.

Уэллс убежден: если бы Павел считал, что Иисус умер недавно, он обязательно упомянул бы о распятии в Иерусалиме при Понтии Пилате. Он также приводит отрывок из Послания к Колоссянам, где Христос выступает как «образ Бога невидимого, рожденный прежде всякой твари» (Кол 1:15). По мнению Уэллса, в подобном ключе невозможно было высказаться о человеке, который жил недавно[157].

У этой гипотезы есть масса недостатков. Во-первых, как мы уже сказали, Павел не писал Послание к Колоссянам, а значит, этот текст нельзя использовать для выяснения взглядов Павла. Во-вторых, даже если Послание к Колоссянам принадлежит перу апостола, оно ничего

не говорит о времени жизни Христа, будь то в недавнем или в далеком прошлом. В-третьих, нет ни малейших указаний на то, что Павел считал Иисуса фигурой далекого прошлого и уж тем более что он относил его смерть к правлению Янная. В-четвертых, в отсутствие у Павла сведений о казни Иисуса при Понтии Пилате нет ничего странного. Зачем упоминать общеизвестный факт? А то, что перед нами факт общеизвестный, ясно из евангельских источников, которые говорили об историческом Иисусе уже в начале 30-х годов, почти сразу после традиционной даты распятия и еще до обращения Павла.

Зато есть веские основания считать, что в Иисусе Павел видел фигуру недавнего прошлого. Начнем с исповедания веры, которое Павел приводит в Первом Послании к Коринфянам. По словам самого же апостола, это предание он получил от предшественников.

Ибо я первоначально преподал вам, что и сам принял, то есть, что Христос умер за грехи наши по Писанию, и что явился Кифе, потом Двенадцати…
(1 Кор 15:3–5)

Перед нами четко скомпонованное утверждение, которое можно разделить на две части. Обе части говорят нечто о Христе (умер, воскрес), констатируют соответствие Писанию и предлагают эмпирическое доказательство: смерть доказывается погребением, а воскресение — явлением Кифе (Петру) и Двенадцати (апостолам).

Этот отрывок чрезвычайно важен для обсуждаемой нами темы: ни из чего не видно, что между воскресением Иисуса и его явлением апостолам прошло около ста лет. Вообще предполагать такой временной разрыв довольно странно. Как Уэллсу пришло такое в голову? Ясно, что Павел описывает строгую хронологическую последовательность: Иисус умер и был погребен; через три дня воскрес; затем явился апостолам.

Согласно теории Уэллса, Иисус умер за столетие до Павла. Поскольку Павел говорит, что Иисус воскрес через три дня (не через столетие!), воскресение также должно было произойти за столетие до Павла. Данный сценарий уже сам по себе выглядит довольно странным и безосновательным. Однако он еще и не соответствует логике Павловой мысли. Сам же Уэллс признает: явления Воскресшего показывали Павлу и его современникам, что конец времен близок. Но разве это логично? С какой стати явления давно умершего человека были бы поняты в таком смысле? Напротив, если воскресение и явления Воскресшего последовали бы сразу за смертью и погребением, Павлу естественно было бы предположить близость Конца.

В своей богословской мысли Павел во многом отталкивался от факта (для него это именно факт!), что Иисус воскрес, причем воскрес недавно (а не сто лет назад). Если вы спросите современных христиан, какой смысл имело воскресение Иисуса, вы получите самые разные ответы, от незамысловатого: «Иначе было бы жалко хорошего человека», до более утонченного: «Так доказано его богосыновство». Однако если бы вы задали этот вопрос Павлу, его ответ в наши дни почти никому не пришел бы в голову: (недавнее!) воскресение Иисуса знаменует близость Конца.

Это связано с апокалиптическим пониманием воскресения, о котором мы говорили выше. Еще до своего обращения Павел был еврейским апокалиптиком и верил, что Бог скоро вмешается в историю, низвергнет силы зла и установит на земле благое Царство. В это верили и другие апокалиптики, в частности, авторы кумранских текстов и целого ряда еврейских апокалипсисов. Вот-вот, думали они, состоится Божий суд над всеми людьми: праведники будут оправданы, а нечестивцы осуждены. Суд коснется как живых, так и мертвых. Соответственно, концепция «вое-кресения мертвых», разделявшаяся многими евреями (включая Павла), носила апокалиптический характер. Ключевой момент состоял в следующем: воскресение знаменует конец века сего.

Веря в воскресение Иисуса, Павел делал вывод: Конец совсем близок. Не случайно он называет Иисуса «первенцем от плодов» воскресения (1 Кор 15:20). Вдумаемся в эту

земледельческую аналогию. Первые плоды собирают в первый день урожая. А когда собирают следующие? Не через сто лет, а на следующий день. Если Иисус — это первый плод воскресения, очень скоро должны воскреснуть и другие мертвые. Отсюда и вера в близость конца времен.

Представление Павла об Иисусе как о «первенце от плодов» воскресения не оставляет сомнений в том, что воскресение Иисуса он считал событием *недавнего* прошлого. Павел не думал, что перед концом времен какой-то давно умерший человек стал являться группе людей, включая «апостолов», которые никогда его не знали. Он думал, что Иисус воскрес в Конце. Воскресение означает: Конца следует ждать с минуты на минуту. Апостол предполагал, что и сам еще застанет возвращение Иисуса (1 Фес 4:13–18).

Литературный характер 1 Кор 15:3–5 и логика Павловой мысли показывают: жизнь, смерть и воскресение Иисуса для него были событиями недавнего прошлого. И в этом Павел солидарен со всеми источниками, которые касаются данного вопроса. Сама гипотеза, что Павел придерживался на сей счет иных воззрений, чем любой другой христианин, выглядит неправдоподобной. Об Иисусе как о фигуре недавнего прошлого говорят не только все четыре канонических Евангелия, где он связывается с Иоанном Крестителем, а рождение его датировано правлением римского императора Августа и еврейского царя Ирода. Об этом говорят и все евангельские источники — Q (где Иисус также связан с Иоанном Крестителем), M, L, — и плюс к тому источники нехристианские (например, Иосиф Флавий и Тацит упоминают Пилата). Все эти источники независимы друг от друга. Некоторые из них восходят к палестинским преданиям, которые можно проследить как минимум до 31–32 годов н. э., то есть почти до традиционной даты смерти Иисуса.

Был ли Иисус распят в духовных мирах, а не на земле?

Один из наиболее убежденных мифологистов, Эрл Догерти, приписывает апостолу Павлу следующую концепцию: Иисус был распят не на земле римлянами, а в духовных мирах демоническими силами. Его аргументация весьма характерна для мифологической школы: он подробно цитирует ученых специалистов там, где ему выгодно, но умалчивает о том, что ни один из них не согласен с его общим тезисом. Ибо Павел *не* считал, что Иисус был распят в духовных мирах. Это чистой воды вымысел Догерти.

Отвечать на книгу Догерти «Иисус: не Бог и не человек» довольно трудно. Это монументальное произведение (800 страниц) наполнено таким количеством сомнительных и необоснованных заявлений, что для критики всех недостатков нужно писать книгу на 2400 страниц. Основные тезисы обозначены в кратком предисловии («Двенадцать кусочков пазла»). Большей частью они спорные, и о недостатках некоторых мы уже говорили. Вот одно из наиболее невероятных предположений: якобы Павел и другие христиане считали, что «Сын Божий принес себя в искупительную «кровавую» жертву» не в этом мире, а в неких высших духовных сферах[158].

В качестве обоснования Догерти ссылается на «представление древних о мироздании». (Разве существовало единое представление?) По его мнению, люди, находившиеся под влиянием платонизма и ближневосточной мифологии, верили в существование небесного мира, имеющего подобие на земле. «Подлинная» реальность есть реальность не нашего, а иного мира. Особенно характерны, считает Догерти, были такие взгляды для мистериальных культов, «основной формы народной религии того времени»[159] (Последнее утвержде-ниє не соответствует действительности: большинство язычников не были приверженцами мистериальных культов.)

В первом издании книги Догерти писал, что основные божественные события мистерий происходили именно в высшем мире: именно там, к примеру, был кастрирован Аттис и расчленен Осирис; именно там Митра убил быка[160]. Во втором издании он признает, что нам неизвестно, так это или нет: древние последователи культов не оставили на сей счет свидетельств, да и вообще у нас нет ни одного текста, написанного кем-либо из них. Однако это не мешает Догерти стоять на своем: философы, находившиеся под влиянием Платона, — в частности, Плутарх, — именно так понимали ситуацию.

Как бы то ни было, в обоих изданиях книги Догерти утверждает, что события мифов мистериальных культов и христианства происходили в высшем духовном мире. Именно там был распят Христос, причем распят демонами, а не людьми. Догерти пишет:

Ключевой момент нашей интерпретации первоначальных христианских представлений о Христе, — выяснилось, что современному читателю его особенно сложно понять, — состоит в том, что Павлов Христос Иисус был целиком и полностью сверхъестественной фигурой, распятой на низших небесах демонами-духами[161].

Подобно своему предшественнику Уэллсу, Догерти считает отрывок из Первого Послания к Фессалоникийцам, — где ответственность за смерть Иисуса напрямую возлагается на «иудеев» (или «жителей Иудеи»), — поздней вставкой, а не подлинным творением апостола. (Опять-таки как просто: если текст противоречит концепции, почему бы не объявить его подложным!) Догерти также придает значение отрывку из 1 Кор 2:6–8, который мы цитировали выше, о распятии «Господа славы» «властями века сего». По его мнению, «власти века сего» — это не человеческие правители, а демонические силы. Таким образом, думает Догерти, Христос для Павла и других первых христиан, был не человеком, распятым на земле, а божеством, распятым в божественном мире.

Правдоподобно ли это, если вспомнить, что Павел был знаком с братом Иисуса и ближайшим учеником Иисуса, а сведения об Иисусе получил спустя лишь год-два после смерти Иисуса? Неужели Павел преследовал христиан не за веру в мессианство человека, распятого римлянами, а за идею убийства некоего духовного существа демонами? Что кощунственного Павел находил в подобном веровании? Почему оно вызывало в нем желание уничтожить христианство (о чем он сам пишет в первой главе Послания к Галатам)?

Концепция Догерти страдает многочисленными изъянами. Прежде всего, откуда ему известно «представление древних о мироздании» (согласно которому, наш мир — лишь отражение подлинной реальности высшего мира)? Откуда известно, что единое представление о мироздании вообще существовало? На самом деле, в античности, как и в наши дни, бытовали самые разные понимания вселенной. Разве крестьянин из глубинки имеет те же воззрения, что и постмодернистский литературный критик? Одинаковые ли представления присущи баптистам, англиканам, мормонам, атеистам, язычникам? Евреям, мусульманам и буддистам? Марксистам и капиталистам? Можно ли сказать, что всех их объединяет «современное представление о мире»? Говорить о наличии в древности единого представления не менее упрощенно и наивно.

Действительно, Платон и его последователи считали, что наш материальный мир — лишь отражение мира «идей». Однако в I веке платонизм был лишь одной из многочисленных философий. Не менее популярен был стоицизм с совершенно иным, не дуалистическим пониманием мира. В стоицизме отсутствовало представление о том, что наш мир есть отражение высшего мира. Вспомним также эпикурейство: подобно многим нашим современникам, эпикурейцы считали, что реальность ограничивается материальным миром. Откуда известно, что мистериальные культы находились под влиянием лишь одной из этих философских систем? Или что они находились под влиянием *хотя бы* одной из них? Как Догерти обосновывает свою теорию, что мистерии были во многом завязаны на платонические концепции? Никак.

Во втором издании Догерти признает, что нам неизвестно, что думали последователи мистериальных культов. В этом он абсолютно прав. Чего не знаем, того не знаем. Но дальше Догерти, противореча себе, пишет, что они мыслили в том же ключе, что и поздний платоник Плутарх. Нельзя сесть на оба стула сразу. Либо мы знаем, что они думали, либо не знаем. К тому же вызывает большие сомнения, что приверженцы мистериальных культов (даже если стричь их под одну гребенку) имели одно мировоззрение с Плутархом, одним из величайших интеллектуалов своего времени. Простые люди обычно смотрят на мир иначе, чем высокообразованные философы, принадлежащие к высшим классам общества. Можете ли вы сказать, что ваше понимание языка — примерно такое же, какого придерживался Витгенштейн? Или что на политику вы смотрите примерно так, как смотрел на нее Фуко?

Тем более насчет Плутарха Догерти наверняка не прав. Такие философы часто пытались вдохнуть новую силу в известные мифы, понимая их аллегорически: дескать, вопреки расхожему грубому пониманию, древние сказания содержат глубокие философские истины. Разница между тем, как понимали мифы простые люди, и тем, как их понимали философы, здесь была очень существенной. Философы хотели показать, что древние мифы содержат глубокое духовное учение, мимо которого проходит большинство людей.

Едва ли нужно объяснять, что первые христиане не были элитными философами: в целом, это люди очень простые. Даже Павел не имел философского образования. Безусловно, он был человеком гораздо более образованным и культурным, чем большинство тогдашних христиан. Однако до Плутарха ему было далеко. Да и платоником его трудно назвать. Он опирался на еврейские сказания и Ветхий Завет. В Ветхом Завете, как известно, события происходят на нашей земле и среди людей из плоти и крови, а не в каком-то высшем мире. Все очень буднично и приземленно. Ранние христиане, включая Павла, понимали распятие Иисуса по аналогии со страданием других пророков: Иисуса распяли именно люди, и распяли на земле.

Повторимся: поскольку нам почти ничего не известно о воззрениях последователей мистери-альных культов, мы не можем автоматически предполагать, что они мыслили сродни Плутарху и другим высокообразованным элитным философам. Правда, кое-что известно о местах их поклонения: эту информацию изучают археологи. Но никакие археологические находки доселе не показали, что арамеоязычные евреи из палестинской провинции 20—30-х годов I века находились под влиянием языческих мистериальных культов. Между тем именно в этой среде зародилась вера в Иисуса как распятого Мессию — вера, которую сначала преследовал, а затем принял Павел.

Ни из чего не видно, что Павел, воспринявший свои представления об Иисусе от палестинских иудеохристиан, представлял его себе иначе, чем они. Павел чуть-чуть рассказывает о себе. Он воспитывался в глубоко религиозной среде и был фарисеем. Но разве находились фарисеи под влиянием мистериальных культов? Углублялись ли в мифы об Атгисе и Осирисе? Интересовались ли мистериями Исиды и Митры? Ответить на эти вопросы легко. Ни Павел, ни любой другой христианский автор первого столетия церковной истории, *даже не упоминает* об этих мистериальных культах. Нет ни единого свидетельства тому, что мистериальные культы играли хоть какую-то роль в мировоззрении фарисеев или любых других еврейских групп I века: саддукеев, ессеев (ессеями были созданы кумранские тексты), антиримских революционеров, апокалиптических пророков вроде Иоанна Крестителя (и их последователей), да и простых людей. Поэтому не только нет оснований считать, что мистериальные культы испытали влияние (гипотетического) «представления древних о мироздании»: нет оснований говорить, что они сыграли роль в развитии ранней христологии. Более того, судя по древнейшим источникам, можно с уверенностью констатировать противоположное.

Ни один древний христианский источник не подтверждает идеи Догерти, что Павел и его предшественники видели в Иисусе не человека, а духовную сущность, казненную в высших

мирах. Эта концепция совершенно чужда Евангелиям от Марка, Матфея, Луки и Иоанна, их письменным источникам (например, M и L) и устным преданиям, использованным евангелистами. Она чужда новозаветным посланиям, в частности, Посланию к Евреям, единственному тексту Нового Завета, в котором можно предположить влияние платонизма. Согласно Посланию к Евреям, Иисус «пришел в мир» (Евр 10:5), осуществил в мире жертву за грехи (10:12), а «во дни плоти своей с сильным воплем и слезами принес молитвы и моления Могущему спасти его от смерти» (5:7). Это страдание земное, а не небесное. Или возьмем Первое Послание Иоанна. Оно не только говорит, что Иисус пролил кровь (1 Ин 1:7) в «умилостивление за грехи» (2:2), но и прямым текстом сообщает, что Иисус был реальным человеком из плоти и крови, которого можно было видеть, слышать и осязать (1:1-30).

То же самое мы видим у Павла. Согласно Павлу, Иисус родился (в этом мире!) от женщины и как еврей (Гал 4:4), умер реальной жестокой смертью (Рим 3) и телесно воскрес из мертвых (1 Кор 15). Воскресение имело место на земле, а не в небесном мире. Вот почему и явился Иисус не небесным существам на небе, а людям (1 Кор 15:5–8). Но если воскресение произошло на земле, где произошло распятие? На сей счет, послания Павла не оставляют сомнений. Иисус совершил последнюю трапезу с учениками в «ночь», в которую был предан своей участи. Есть ли «ночи» в высших мирах? Совершенно очевидно, что перед нами описание земных событий. Мало того, Павел указывает, что между смертью и (земным) воскресением Иисус был погребен. Явно имеется в виду пребывание его тела в гробнице, а такое может быть только на земле.

Мировоззрение первых христиан, включая Павла, было глубоко апокалиптическим. Христиане унаследовали его от еврейской апокалиптики, возникшей намного раньше и учившей, что Бог вмешается в мировую историю и установит на земле свое Царство. Это Царство — отнюдь не область в высших измерениях, как видно из апокалиптических текстов от еврейского кумранского «Свитка войны» до христианского Откровения Иоанна (Откр 20–21). Павел и другие христиане ждали, что Иисус вернется с небес *в наш мир* (1 Фес 4–5), после чего будем преображены и мы, и мир (1 Кор 15). О «возвращении» же Христа Павел говорил потому, что Христос *уже побывал* на земле. Именно на земле Христос родился, жил, умер и воскрес. Все это произошло на земле, а не в высших мирах. Иисуса убили люди. Его смерть, возможно, и была инспирирована силами зла (хотя Павел говорит, что она свершилась по воле Божией), но даже если через земных властителей действовали эти силы, именно люди казнили Иисуса.

Одним словом, тезис Догерти о том, что Павел и христиане до него локализовали смерть Иисуса в духовных мирах и считали ее делом рук демонов, а не людей, совершенно безоснователен. Он опровергается множеством контраргументов.

Изобрел ли исторического Иисуса Марк, первый евангелист?

Как видим, большинство мифологистов полагают, что христиане выдумали божественного Христа по образцу языческих умирающих и воскресающих богов, или (Дж. Уэллс) исходя из идеи воплощения Премудрости. Они часто утверждают, что Иисус евангельской традиции — галилейский учитель, пророк и чудотворец, распятый римлянами, — был выдуман Марком, первым евангелистом, от которого и усвоили данные представления (и многие рассказы) последующие евангелисты. В этом ключе высказывается Уэллс[162], а Догерти прямо заявляет:

Все Евангелия заимствуют свое основное повествование об Иисусе из Назарета из одного источника: Евангелия от Марка, самого первого из Евангелий. Последующие евангелисты переработали Марка с учетом собственных интересов и добавили новые материалы[163].

Как мы уже вскользь замечали, эта точка зрения ошибочна. Пожалуй, стоит остановиться на этом подробнее.

Прежде всего, есть веские основания сомневаться в том, что четвертый евангелист знал Евангелие от Марка или любое другое из более ранних Евангелий (хотя среди ученых нет единодушия в этом вопросе)[164]. Однако важно следующее обстоятельство: большинство рассказов об Иисусе, приведенных в синоптических Евангелиях, не имеют параллели у Иоанна. И напротив, большинство материалов Евангелия от Иоанна отсутствуют у синоптиков. Когда же они сообщают об одних и тех же событиях (например, очищении Храма, предательстве Иуды, суде перед Пилатом, распятии и воскресении), то делают это в разных формулировках (т. е. дословные совпадения отсутствуют) и несколько иначе понимая события[165]. Естественнее всего предположить, что у Иоанна были свои источники. И еще раз подчеркнем: даже если Иоанн и был знаком с более ранними Евангелиями, не из них он заимствовал большинство своих материалов об Иисусе.

Кроме того, некоторые из источников четвертого Евангелия восходят к самому началу христианства: они явно существовали еще в арамеоязычных кругах Палестины. Они на десятилетия предшествуют Евангелию от Марка[166].

Матфей и Лука черпали повествования о жизни и смерти Иисуса не только в Евангелии от Марка, но и в независимых от него источниках. Ми L содержат рассказы о словах и делах Иисуса, а также о его страданиях, причем отличные от марковских. Чрезвычайно важно свидетельство Луки: до него уже «*многие*» авторы создали повествования о жизни Иисуса. «Многие» — значит, не только евангелист Марк. Были и другие. Печально, что не все произведения, предшествовавшие Евангелию от Луки, до нас дошли, но нет оснований считать, что Лука лжет, когда говорит, что их видел. А когда он резюмирует Евангелие в начале Деяний Апостолов, становится очевидным, что для него «известные между нами события» (ср. Лк 1:1) — это не только слова и дела Иисуса, но и рассказ о Страстях и последующих происшествиях вплоть до вознесения (Деян 1:1–4). Марк не выдумал это повествование. Свидетельство тому — целый ряд авторов. Лука берется за перо лишь поскольку считает, что лучше справится с задачей.

Еще один момент: согласно Луке, повествования были основаны на сведениях, полученных от «очевидцев и служителей слова» (Лк 1:2). Иными словами, он признает, что предания о жизни и смерти Иисуса поначалу, еще до своей письменной фиксации, передавались устно. Как мы уже видели, Павел был лично знаком с такими носителями традиции: он упоминает об унаследованных им преданиях (1 Кор 11:22–24; 15:3–5) и говорит о своем общении с людьми, близкими к Иисусу: его учеником Кифой и его братом Иаковом.

Практически все исследователи Нового Завета уверены: христиане рассказывали о жизни, смерти и воскресении Иисуса еще до Евангелий от Луки и Марка, а также до посланий Павла. Для этой убежденности у них есть веские основания. Как мы уже сказали, первые христиане, — начиная с нескольких месяцев после смерти Иисуса, — могли проповедовать сначала евреям, а затем язычникам, лишь рассказывая об Иисусе. Еще до своего обращения Павел кое-что слышал об Иисусе (как минимум о его распятии, но наверняка не только). Если Павла возмущала вера в мессианство именно этого еврея, это могло быть лишь потому, что он что-то об Иисусе знал. (Теоретически возможно и другое: Павел не знал об Иисусе ничего кроме того, что ученики называют его распятым Мессией. Однако это весьма малоправдоподобно.) Как бы то ни было, Павел узнал некоторые рассказы об Иисусе после своего обращения (около 32/33 г. н. э.): задолго до Евангелия от Марка он упоминает о рождении Иисуса, а также его учении, семье, служении, последней трапезе и распятии.

До нас дошли следы доевангельских устных преданий. Вспомним хотя бы речи в Деяниях Апостолов: они несут на себе отпечаток первоначальных верований. Это видно из того факта, что их христология — более ранняя, чем христо-логия Павла и евангелистов: Иисус становится Сыном Божиим и Мессией лишь после воскресения, а не при рождении или после крещения. Кроме того, в этих речах приведены краткие сведения о жизни и смерти Иисуса, из которых ясно, что он был еврейским проповедником и чудотворцем, распятым римлянами по наущению жителей Иудеи (см., например, Деян 2:22–28; 3:11–26; 13:26–41). Значит, этот рассказ не был изобретен Марком, но имел хождение с самого начала христианства.

Парадоксальным образом, наличие преданий об Иисусе в домарковский период можно подтвердить из источников более поздних, чем Евангелие от Марка. Как мы уже видели, некоторые тексты, не связанные с Марком (в частности, Послание к Евреям и Первое Послание Иоанна), говорят о земной жизни и мучительной смерти Иисуса, которую авторы этих текстов понимают как искупительную. Вопрос о том, действительно ли смерть Иисуса принесла людям искупление, относится к компетенции богословов. Однако исторический факт налицо: авторы верили, что Иисус жил и умер. Свою проповедь и богословскую рефлексию они выстраивали на основе известных им исторических фактов, а также рассказов (независимых от Марка!).

Да и в самом Евангелии от Марка мы находим свидетельства тому, что задолго до его написания существовали предания о жизни и смерти Иисуса. Откуда это видно? Марк был грекоязычным христианином, но целый ряд рассказов, которые он приводит, первоначально рассказывались по-ара-мейски. Вспомним некоторые факты, о которых мы уже упоминали.

• Некоторые речения из Евангелия от Марка имеют смысл лишь в том случае, если их перевести обратно на арамейский язык (например, «суббота для человека, а не человек для субботы; посему Сын Человеческий есть господин и субботы»).

• Некоторые арамейские слова Марк оставляет в греческой транскрипции, снабжая их переводом. Мы находим это в рассказах о служении Иисуса (Мк 5:41) и о Страстях Иисуса (Мк 15:34).

Нет оснований полагать, что Марк первым соединил рассказ о служении Иисуса с рассказом о его смерти, и делать отсюда вывод, что прочие повествования о жизни и смерти Иисуса зависят от Евангелия от Марка. Послания Павла, речи в Деяниях Апостолов, Евангелие от Иоанна, источники M и L, ремарки Луки и многое другое говорит об обратном: Евангелие от Марка — первое из дошедших до нас Евангелий, но не первое повествование об Иисусе. Без сомнения, Лука прав, что еще до того, как он взялся за перо, существовало «много» таких повествований. Впоследствии их число еще возросло, и далеко не все их материалы восходят к Евангелию от Марка.

Заключение

Мы изложили веские и сильные доводы в пользу того, что Иисус существовал (главы 2–5). Как выяснилось, многие из контраргументов мифологистов вообще не относятся к существу дела (глава 6), а те, что относятся, слабы или ошибочны (глава 7). Иисус — реальное историческое лицо. Он был еврейским учителем в Палестине I века, и его распял римский префект Понтий Пилат.

Однако историкам этого мало. Они хотят знать больше: какие убеждения были у Иисуса? Что он говорил и делал? Что с ним происходило? Почему его казнили? Переключаться с вопроса об историчности Иисуса на вопрос о том, каким он был, значит переходить с твердой почвы несомненной достоверности на почву гораздо более зыбкую. В научной среде бушуют жаркие споры о том, каким был Иисус. В последующих главах я не ставлю перед собой

задачу расставить все точки над *I* и снять все мыслимые вопросы. Я лишь попытаюсь объяснить, почему большинство ученых, занимавшихся историей Иисуса в последнее столетие, пришли к выводу, что реальный Иисус был не вполне таким, каким его рисуют на церковных витражах и описывают в воскресных школах. Иисус народного воображения есть «миф» именно в том смысле, в каком используют слово «миф» мифологисты: это не Иисус истории. (Впрочем, в народном воображении бытуют самые разные образы Иисуса.)

Исторический Иисус существовал. И есть немало фактов, указывающих на то, каким он был. Пожалуй, общую канву верно очертил еще Альберт Швейцер: Иисус был еврейским апокалипти-ком: он ждал, что Бог вмешается в историю, низвергнет силы зла и установит свое благое Царство; более того, Иисус ждал этого вмешательства в самом скором будущем, еще при жизни его поколения. В последующих двух главах книги мы увидим, почему это понимание Иисуса убедительно.

3 Каким был исторический Иисус?

8 В поисках исторического Иисуса

Каждый весенний семестр в Чапел-Хилле я читаю лекции по введению в Новый Завет. Студенты смышлены, интересны и заинтересованы, и большинство из них — христиане, верящие в богодухновенность Библии. Изрядная часть курса (более половины) посвящена изучению раннехристианских Евангелий, а затем жизни исторического Иисуса. Для большинства студентов почти все в этом курсе является полной неожиданностью. Они не первый год в церкви и ходили в воскресную школу, но никогда не слышали ничего подобного. Дело в том, что они подходили к Библии с духовной, богословской и конфессиональной точки зрения. Я же преподаю этот предмет с *исторической* точки зрения (как только и уместно в секулярном университете, существующем на государственные деньги).

Многие студенты удивлены, встревожены, а иногда и расстроены (или, наоборот, обрадованы) исторической информацией о Новом Завете. Они слышат (зачастую впервые в жизни), что мы понятия не имеем, кто написал Евангелия[167]. Они узнают, что в разных Евангелиях по-разному рассказывается о том, кем был, и чему учил Иисус; что новозаветные рассказы об Иисусе полны мелких и крупных противоречий. Более же всего студентов шокирует известие, что далеко не все рассказы Евангелий об Иисусе исторически достоверны.

Концепции мифологистов мы не обсуждаем: как я уже сказал, современные критические исследователи Библии не воспринимают их всерьез. Однако знать, что Иисус существовал, недостаточно. Хочется знать намного больше: каким был Иисус? Как он жил? За что боролся? Чему учил, и о чем говорил на проповедях? Что делал? В каких спорах участвовал? Почему его распяли? Подобные вопросы живо интригуют моих студентов, когда они осознают, что Евангелия не доносят до нас стопроцентно надежные свидетельства очевидцев. О них мы поговорим в этой и следующей главе.

Факты надежные и факты спорные

Как мы уже сказали, среди ученых нет единства в том, каким был исторический Иисус. Это связано с характером наших источников. Да, источники твердо убеждают нас в том, что Иисус был еврейским учителем в римской Палестине I века, распятым при Понтии Пилате. По мнению практически всех ученых, нам известны об Иисусе и некоторые другие надежные факты. Однако если мы хотим копнуть поглубже и узнать подробности, начинаются сложности. Одни источники слишком уж лаконичны. Как жаль, что Иосиф Флавий, Тацит или автор Послания Иакова не сказали побольше! Другие источники содержат столько художественных вымыслов, что найти в них историческое зерно весьма сложно: яркий

пример — Протоевангелие Иакова или «Сказание Фомы о детстве Христа». В посланиях Павла есть надежная и ценная информация, но обширного описания слов и дел Иисуса из нее не составишь. Канонические Евангелия полны сведений, но противоречат другу в ряде мелких и крупных вопросов. Нет между ними единства и в общем образе Иисуса. Соответственно, без критического подхода к ним не обойтись.

Тем не менее, есть определенные факты, относительно которых согласны практически все исследователи. (О причинах такого консенсуса мы отчасти говорили выше, а отчасти еще скажем далее.)

• Иисус был евреем и жил на севере Палестины (в частности, в Назарете). Его взрослый возраст пришелся на 20-е годы I века н. э.

• Одно время он был учеником Иоанна Крестителя, а впоследствии сам стал проповедником и учителем. Он проповедовал евреям в галилейских селах.

• Он возвещал «Царство Божие», причем о Царстве учил и с помощью притч.

• Он набрал учеников и славился способностью исцелять больных и изгонять бесов.

• Под конец жизни (видимо, около 30 г. н. э.) он отправился на Пасху в Иерусалим, где столкнулся с оппозицией иудейских властей, которые выдали его на суд перед Понтием Пилатом. Понтий Пилат приговорил Иисуса к распятию за то, что тот называл себя «царем иудейским».

Повторимся: за вычетом мифологистов, практически все критические ученые по этим вопросам согласны. А вот дальше начинаются сложности. Расходятся ученые не в вопросе о том, существовал ли Иисус, а в том, как и чему он учил. Упомянем некоторые высказывавшиеся версии.

• Иисус был еврейским раввином и учил людей соблюдать Закон Моисеев.

• Иисус был сродни некоторым еврейским святым, упоминаемым у Иосифа Флавия: это своего рода шаман, которому приписывали способность творить чудеса и наделяли необычными способностями.

• Иисус был политическим революционером и призывал к восстанию против римлян.

• Иисус был социальным реформатором и призывал сограждан к иному образу жизни. Здесь возможны вариации: Иисус хотел ввести новые экономические принципы (на протомарксистский лад) или новые социальные принципы (на протофеминистский лад).

• Иисус был еврейским аналогом древнегреческих философов-киников. Он призывал учеников отречься от привязанности к материальным благам и жить в нищете и внутренней свободе от жизненных нужд.

• Иисус был магом, то есть знал, как использовать законы природы в том русле, в каком их использовали и другие маги.

У каждой из этих теорий есть серьезные сторонники в научном мире[168]. Однако научный консенсус не склоняется ни к одной из них. Как мы уже упоминали, в течение последнего столетия большинство исследователей в Соединенных Штатах и Европе склоняются к мысли, что Иисус был *еврейским апокалиптическим проповедником.* Он считал, что Бог вот-вот вмешается в историю, низвергнет силы зла, довлеющие в мире, и установит на земле свое Царство. Эта концепция получила распространение после того, как ее обосновал Альберт Швейцер в знаменитой книге «История изучения жизни Иисуса»[169]. Не Швейцер первым придумал данную теорию, но он первым сделал ее достоянием широкой публики. И хотя детали швейцеровской концепции не разделяются никем из современных ученых, с ее базовым тезисом согласны многие: Иисус ждал, что еще при жизни его поколения произойдет переворот в мировой истории, скорый суд Божий над миром, установление на земле мира и справедливости.

Мы не будем вдаваться в детали аргументации или пытаться объяснить с помощью данной теории все факты жизни Иисуса. Интересующегося читателя отсылаю к своей книге «Иисус: апокалиптический пророк нового тысячелетия». Мы вкратце затронем три темы. (А) Покажем, что известно о еврейском апокалиптизме времен Иисуса: Иисус был далеко не единственным апокалиптистом своей эпохи, и для понимания его учения важно знать исторический контекст. (Б) Обсудим критерии, с помощью которых ученые пытаются отделить достоверные предания об Иисусе от недостоверных. (В) Объясним, к какому пониманию основных фактов жизни Иисуса приводят эти критерии. Темам (А) и (Б) посвящена эта глава, а теме (В) — следующая.

Единство и многообразие иудаизма I века

Прежде чем говорить об апокалиптическом мышлении, присущем многим еврейским современникам Иисуса, необходимо сказать о еврейском мире I века в целом. Как мы увидим, иудаизм был весьма многообразен. Тем не менее можно констатировать некоторые общие особенности[170].

Прежде всего, почти все евреи были монотеистами. В наши дни монотеизм не кажется чем-то особенным, однако в древности иудаизм отличался этим от других религий Римской империи. Почти все другие религии были политеистическими: язычники верили в существование множества богов[171]. Мир был поистине населен богами, выполняющими самые разные функции. Помимо великих богов, знакомых нам по греческой и римской мифологии, были еще боги городов и деревень, лесов и полей, ручьев и рек, домов и домашних очагов. Были боги погоды и боги, здоровья и деторождения, войны, любви и личного благосостояния. Все эти боги, да и многие другие, заслуживали поклонения. А поскольку их было очень много, никто из них, как считалось (во всяком случае, в данный период), не «ревновал» друг к другу, то есть не требовал почитать только себя. Люди почитали всех богов, каких только хотели. Лишь иудаизм носил принципиально иной характер: у евреев был только один Бог, что резко отличало его от всех других народов.

Евреи были убеждены: еврейский Бог сотворил мир и властвует над ним. Они не настаивали на том, чтобы другие народы также почитали их Бога, но сами чтили только его. Самая первая заповедь, полученная евреями от этого Бога, гласила:

Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим.
(Исх 20:3)

Евреи не то чтобы отрицали существование других богов, но считали для себя невозможным их почитание. Они верили, что их Бог создал мир и сделал еврейский народ особым, избранным. Он был их Богом, а они — его народом. Бог показал, что избрал их, еще во дни Моисея, когда чудесным образом вывел детей Израилевых из египетского рабства, уничтожил их врагов и дал им Закон на горе Синай (Исх 1—20). Евреи верили, что в те дни Бог заключил с ними завет (мирный договор). Суть завета проста: Бог избрал Израиль; он должен быть их Богом, а они его народом; они должны исполнять все заповеди его закона.

В Законе евреи видели не тягостное бремя (как думают многие христиане), а напротив, удивительное наставление о правильном богопочитании и правильных отношениях между людьми, величайший дар Бога человеку. Что может быть величественнее? В наши дни люди спрашивают себя, как жить, как себя вести, как отличить добро от зла, в чем состоит высшая реальность, цель и смысл жизни. Древние евреи верили, что получили от Бога ответы на эти вопросы. Ответы записаны в богоданном Законе: их можно прочитать в Пятикнижии Моисеевом (Торе)[172]. Пятикнижие рассказывает, как Бог создал мир, сделал Израиль богоизбранным народом, руководил жизнью древних израильтян, избавил их от рабства и даровал Закон. Содержит оно и многочисленные установления Закона, которые отнюдь не

ограничиваются Десятью Заповедями. Это правила о том, какие отношения должны быть у людей с Богом и между собой. Соблюдение Закона воспринималось не только как величайшая обязанность, но и как величайшая радость. Среди заповедей были заповеди об обрезании («знак» избрания и отличия евреев от других народов), пищевых запретах (кашрут), субботе, праздниках и обрядах.

Культ включал, в числе прочего, животные жертвоприношения и другие приношения Богу (в разное время и по разным поводам). Во времена Иисуса почти все евреи считали допустимым совершать жертвоприношения лишь в центральном святилище, расположенном в Иерусалиме, еврейской столице. Этим святилищем был знаменитый еврейский Храм. Первый Храм построил еще царь Соломон, но в VI веке до н. э. его разрушили вавилоняне. Храм был восстановлен и во дни Иисуса являл собой поистине величественное зрелище. Он играл колоссальную религиозную, социальную, политическую и экономическую роль в жизни евреев (особенно живших в Иерусалиме и Иудее). Заведовали культом священники, причем священство было родовым. Невозможно было стать священником: либо ты родился в священнической семье, либо нет. Священники совершали жертвоприношения, предписанные Торой, и совершали другую работу по Храму.

За пределами Иерусалима приносить жертвы было запрещено. Поэтому евреи стекались из всех стран в Иерусалим, если время и деньги позволяли им участвовать в поклонении Богу в Храме. Для этих целей существовали, прежде всего, ежегодные паломнические праздники. К их числу относилась и Пасха: праздник в память об избавлении Богом Израиля от египетского рабства во дни Моисея. Разумеется, это не означает, что евреи за пределами Иерусалима не могли поклоняться Богу. Они могли это делать, но не через жертвоприношения. Вместо этого общины евреев по всему римскому миру собирались в синагоги (местные собрания), где слушали чтения из Священного Писания (прежде всего Торы), размышляли над ним и возносили свои молитвы к Богу. Евреи собирались в синагогах каждую неделю в субботу. Суббота считалась особым днем, в который надлежит отдыхать.

Можно говорить о некоторых ключевых аспектах иудаизма времен Иисуса:

- вера в единого Бога;
- завет Бога с людьми (включая обрезание мальчиков-младенцев);
- богоданный Закон;
- иерусалимский Храм, в котором совершались жертвоприношения;
- соблюдение субботы;
- синагоги по всему миру, где евреи молились Богу и обсуждали свои предания.

Для одних евреев и еврейских групп были важны одни аспекты иудаизма, а для других — другие. Нечто подобное мы наблюдаем и в наши дни почти в любой крупной религиозной группе (например, христианстве, исламе, буддизме): по ключевым вопросам наблюдаются широкие и глубокие расхождения. Еврейский историк Иосиф Флавий, основной источник наших знаний о палестинском иудаизме I века, сообщает о четырех таких группах в Палестине. По его словам, существовало четыре главные еврейские секты: фарисеи, саддукеи, ессеи и «четвертая философия». Не следует думать, что каждый еврей принадлежал к какому-то из этих течений: напротив, большинство евреев не принадлежало ни к одному из них. Это отличается от современной ситуации с политическими партиями в США («ты демократ, республиканец или либертарианец?»). Скорее уж, можно провести параллель с гражданскими организациями и тайными обществами («ты член клуба «Ротари»?», «был ли ты членом общества «Череп и кости»?»)[173].

Фарисеи

Фарисеи — пожалуй, самая известная, но и самая непонятная из четырех еврейских групп, упомянутых Иосифом Флавием. В некоторых новозаветных текстах о них сказаны весьма неприятные вещи. В частности, они именуются «лицемерами» (например, в Мф 23). Неудивительно, что у большинства христиан сложилось мнение, что лицемерие было основной особенностью фарисеев. В некоторых современных языках даже есть слово «фарисейство» как синоним лицемерия! Мне всегда казалось это странным. Как-никак от фарисеев не требовалось быть лицемерами.

Фарисеи были глубоко верующими людьми, которые стремились как можно лучше соблюдать Закон, данный Богом. Если судить с религиозной точки зрения, это вполне естественно: если Бог дал Закон, его надо соблюдать. Однако трудность состояла в том, что Закон Моисеев не оговаривает многих деталей. Более того, многие его установления можно понять по-разному (в отличие от норм современного американского права). К примеру, одна из Десяти Заповедей повелевает помнить и святить день субботний. Но как это делать? На сей счет в Законе сказаны лишь самые общие слова. Фарисеи же пытались разобраться: чего хочет Бог, каким правилам нужно следовать.

Согласно Торе, святить день субботний — значит воздерживаться от всякой работы в него. Но что считать работой? Собирать урожай — это работа? Видимо, да. Значит, в субботу не надо собирать урожай. Но что если вы не работаете целый день, а вышли сорвать несколько колосьев для обеда? Пожалуй, и это работа, хотя и недолгая. Значит, она запрещена, хотя в Законе прямого запрета нет. А если вам случилось быть в субботу в поле, и вы сшибаете колосья, идя через поле? Можно ли поставить это на одну доску со сбором урожая? Здесь очевидного ответа не просматривается. Одни говорили: «Конечно, нет», другие: «Конечно, да». Среди еврейских учителей на сей счет не было единого мнения.

Учителя не пытались осложнить людям жизнь. Они лишь хотели помочь им соблюдать Закон. Соблюдение Закона — вот, что стояло во главе угла. Чтобы обеспечить должное соблюдение Закона, фарисеи много занимались его интерпретацией. Их толкования составили так называемый «устный закон». Фарисеи считали: кто следует устному закону (в частности, не ходит в субботу через поля с колосьями), тот не нарушит письменный Закон Моисеев. Соответственно, цель Закона достигалась.

О фарисеях времен Иисуса нам известно меньше, чем хотелось бы: никто из них не оставил нам письменных текстов, а потому приходится пользоваться (очень критически) поздними источниками. Однако фарисеи занимают важное место в Евангелиях, где Иисус часто конфликтует с ними. Судя по всему, Иисус не считал, что Бог требует от людей педантичного соблюдения Закона. Он считал, что исполнять волю Божию важно, но фарисеи не понимают, что подлинно угодно Богу. Отсюда неизбежные конфликты между Иисусом и фарисеями. Тем не менее важно помнить: когда Иисус критиковал фарисейские толкования Закона (в частности, о допустимом и недопустимом поведении в субботу), он не выступал против иудаизма. Он обличал лишь один из вариантов понимания иудаизма. С фарисеями не соглашались и многие другие евреи.

Саддукеи

Во времена Иисуса большей властью обладали не фарисеи (несмотря на их значимость в Евангелиях), а саддукеи. Опять-таки о саддукеях нам немного известно: не сохранилось ни одного текста, написанного саддукеем. Однако не вызывает сомнений, что от фарисеев они отличались весьма сильно, и в их руках была сосредоточена немалая власть.

Саддукеи были тесно связаны с храмовым священством. Согласно широкому мнению в науке, многие саддукеи и сами были священниками. В отличие от фарисеев, большинство саддукеев принадлежали к кругу богатых аристократов. Из их числа выбирался

«первосвященник», официальный глава религиозного культа. Первосвященники активно сотрудничали с римскими властями. Создается впечатление, что ради мира и возможности спокойно осуществлять свои религиозные прерогативы, они в целом шли на компромисс с римлянами. Вопреки расхожему мнению, во времена Иисуса число римлян в Палестине или даже Иерусалиме обычно было небольшим. Резиденция римского наместника (в частности, Понтия Пилата) находилась в Кесарии Приморской. При наместнике был и небольшой контингент войск. Однако основная армия дислоцировалась в Сирии. Пока в Иудее было спокойно и налоги выплачивались, римлянам не было нужды увеличивать свое присутствие в ней.

В соответствии со своей обычной политикой в провинциях, римляне сохранили за евреями Иудеи частичное самоуправление. Местные власти не имели права лишь выносить смертные приговоры. А в остальном римляне позволяли им делать то, что они хотят. В Иерусалиме собирался еврейский совет, который назывался Синедрион. Синедрион решал политические и гражданские вопросы. Во главе его стоял первосвященник, а состоял он большей частью из саддукеев: саддукеи были люди состоятельные и со связями.

В богословском плане, саддукеи не придавали значения устным преданиям, столь ценимым фарисеями, а старались следовать установлениям самой Торы, особенно в плане поклонения Богу. В центре их внимания находился иерусалимский Храм и исполнение Моисеевых заповедей о культе и жертвоприношениях. Как мы увидим, хотя Иисус много спорил с фарисеями, в расправе над ним важную роль сыграли саддукеи. Он открыто обличал Храм и храмовые жертвоприношениям, а власти (Синедрион и саддукеи) находили это крайне нежелательным. По-видимому, именно саддукеи отдали приказ об аресте Иисуса и выдали его римскому наместнику Пилату, который находился в городе во время пасхальных празднеств, чтобы не допустить возможных волнений.

Ессеи

Парадоксальным образом, лучше всего мы осведомлены о направлении иудаизма, которое в Новом Завете даже не упоминается. Это ессейство. О ессеях говорят не только древние авторы (например, Иосиф Флавий): до нас дошла целая библиотека ессейских текстов, найденная по чистой случайности мальчиком-пастухом в 1947 году. Это знаменитые рукописи Мертвого моря, созданные ессеями примерно во времена Иисуса и несколько раньше. Одна из ессейских групп жила монашеской общиной в Кумране возле северо-западного побережья Мертвого моря[174].

Среди кумранских рукописей есть тексты самого разного плана.

• *Библейские рукописи.* Они на целую тысячу лет древнее тех еврейских рукописей Ветхого Завета, какие у нас были до 1947 года.

• *Комментарии на библейские тексты.* Составители комментариев были убеждены: предсказания пророков сбываются в событиях, которые происходят с их общиной.

• *Гимны и псалмы.* По ним молилась община.

• *Апокалиптические тексты.* Это описания событий в конце времен.

• *Уставы.* Предписания о том, как должны вести себя члены общины в социальной и религиозной жизни.

Отметим: в кумранских текстах нет ничего напрямую связанного с христианством. В них не упоминается ни Иоанн Креститель, ни Иисус, ни кто-либо из учеников Иисуса. Они носят насквозь иудейский характер, без малейшей примеси христианства. Все же они помогают понять Иисуса и его учеников, ибо написаны их современниками или почти современниками, причем живущими примерно в тех же местах.

В кумранских текстах нет и слова «ессеи». Однако их принадлежность ессеям очень вероятна. Во-первых, Кумран находится именно там, куда древние источники помещают ессейскую общину. Во-вторых, община, описанная в рукописях, хорошо соответствует тому, что нам известно о ессеях из других источников.

Кумранские ессеи относились к фарисеям и саддукеям с крайним неодобрением. Они считали, что все другие евреи живут во грехе, не понимают и не исполняют Закон, оскверняют Храм и делают храмовое богослужение недействительным. Чтобы сохранить святость и чистоту, эта группа ессеев — были и другие, но о них меньше известно, — удалилась от общества в пустыню, где пребывала в монашеском общежитии.

Для такого обособления была и другая причина: они верили, что живут в конце времен. Они ждали, что вот-вот Бог пошлет двух Мессий, чтобы избавить свой народ: священнического Мессию, который научит соблюдать Закон Божий, и политического Мессию, который будет управлять гражданской жизнью народа. Ессеи ждали великой войны, в которой Бог и его народ восторжествуют над нечестивыми римлянами, после чего на земле установится Царство Божие.

Иисус не был ессеем. Ничто не связывает ни его, ни Иоанна Крестителя, с этой группой. Более того, как мы увидим, в центре внимания Иоанна находилась не ритуальная чистота, а проповедь покаяния грешникам, которых он хотел отвратить от дурной жизни. Да и Иисус, общаясь с грешниками, являл собой противоположность кумранскому идеалу: такое поведение возмущало многих благочестивых евреев, желавших максимально соблюдать ритуальную чистоту и беречься от окружающей нечистоты. Однако у Иисуса было нечто общее с ессеями. Подобно им, он думал, что конец века сего близок, и что скоро Бог установит свое Царство на земле.

Четвертая философия

Упоминая о последней группе евреев, Иосиф Флавий не называет ее по имени. Он говорит о ней как о «четвертой философии» (чтобы отличить от предыдущих трех). Однако ее воззрения абсолютно понятны: их возмущала римская оккупация Земли обетованной. Эта группа (или группы, которых Флавий объединяет в единое целое) считала, что Бог призывает ее взять меч и поднять вооруженное восстание против римлян. Она не была секулярной: у нее были глубокие религиозные корни. Ее представители думали, что сам Бог возложил на них миссию: как некогда он изгнал из страны нечестивых хананеев через Иисуса Навина (см. ветхозаветную книгу Иисуса Навина), так он изгонит и римлян. Бог будет сражаться на стороне верных ему евреев и восстановит Израиль как суверенное государство, управляемое его избранником.

Приверженцы «четвертой философии» не были энтузиастами устных преданий, которые разработали фарисеи с целью педантично исполнять Моисеевы заповеди. Не ставили они перед собой и задачу соблюдать особую ритуальную чистоту среди нечистого мира (в отличие от ессеев). По отношению к саддукеям они и вовсе были настроены враждебно, видя в них коллаборационистов, пособников римских оккупантов. В центре внимания «четвертой философии» находилась Земля обетованная и то, как отвоевать ее у супостатов.

Как мы уже заметили, некоторые ученые высказывали гипотезу, что Иисус также призывал к вооруженному восстанию против римлян. Однако в древнейших преданиях об Иисусе мы ничего такого не находим. Конечно, Иисус не был коллаборационистом а-ля саддукеи. Напротив, он критиковал и их, и их римских господ. Однако не считал, что вооруженное восстание поможет делу. По-видимому, его мысли текли в апокалиптическом русле: не люди своей военной мощью, но сам Бог низвергнет римские войска; настанет

великий суд, когда божественный Спаситель придет с небес уничтожить вражеские полчища и установить на земле новое Царство.

Если сравнивать апокалиптизм Иисуса с апо-калиптизмом других еврейских групп, он выглядит более всего похожим на ессейский. Однако Иисус не только не был ессеем, но и во многом расходился с ессеями. В своих воззрениях он в значительной мере следовал за Иоанном Крестителем, апокалиптическим проповедником и вестником скорого Конца. О его связи с Иоанном мы еще поговорим, а пока скажем еще несколько слов о еврейской апокалиптике, которой во времена Иисуса было увлечено множество евреев.

Еврейская апокалиптика

Апокалиптика появилась в еврейской мысли еще до Иисуса[175]. За подробной информацией отсылаю читателя к другим книгам, а здесь достаточно сказать следующее. Приблизительно за полтора столетия до Иисуса в Иудее произошли тяжелые события. К тому моменту страна давно находилась под контролем чужеземных держав: с VI века до н. э. — вавилонян, затем персов, затем греков, затем сирийцев. При сирийском владычестве ее жителям довелось испытать настоящие зверства, и они подняли восстание (167 г. до н. э.). Возглавляла его еврейская семья Маккавеев. В конечном итоге маккавейское восстание принесло Иудее независимость.

Независимой страна оставалась почти столетие, пока ее не завоевали римляне (63 г. до н. э.).

Политическим бедам, предшествовавшим восстанию, сопутствовал богословский кризис. Веками еврейские пророки (например, Осия, Амос, Исаия и Иеремия) уверяли, что нация страдает за свои грехи: так Бог карает за отступничество. Однако при сирийцах многие евреи обратились к Богу и стали соблюдать заповеди Торы. Между тем ситуация стала для них хуже, чем когда-либо. Как такое может быть?

В этой обстановке и зародился апокалиптизм. Возникла мысль, что страдание народа Божия — не кара Божия за грехи, а месть за праведность, ниспосланная злыми силами, противными Богу. Из известных нам текстов она впервые была сформулирована в Книге Даниила[176]. Впоследствии она получила популярность среди евреев, беды которых никак не кончались. Во дни Иисуса ее разделяли фарисеи, ессеи и профетические группы вроде иоаннитов (последователей Иоанна Крестителя).

Научный термин «апокалиптизм» происходит от греческого слова «апокалипсис», то есть «откровение». Еврейские апокалиптисты считали, что Бог открыл им небесные тайны, позволяющие понять земную реальность. Коротко говоря, у них получалось следующее: по неким загадочным причинам Бог временно уступил власть в мире могущественным силам, которые выступают против него, его замыслов и его народа (чем и объясняются беды и несчастья народа Божия). Однако вскоре Бог вернет себе суверенную власть над миром, уничтожит силы зла, оправдает свой народ, снова даровав ему привилегированное положение, и установит навеки благое царство. Эту точку зрения можно найти в целом ряде еврейских текстов интересующего нас периода (в частности, в кумранских документах и еврейских апокалипсисах, не вошедших в ветхозаветный канон). Анализ этих произведений показывает, что большинство еврейских апокалиптистов разделяли четыре основные позиции.

Дуализм

Большей частью апокалиптизм носил дуалистический характер. Апокалиптисты верили, что в мире есть добрые и злые силы: источник всякого блага — Бог, которому противостоит Сатана (или, как его еще называли, дьявол, Вельзевул)[177]; Богу служат ангелы, а дьяволу — бесы; Бог дает жизнь, а силы зла несут смерть, боль, страдания и несчастья. В мире идет борьба между добром и злом, причем силы зла наносят колоссальный вред: именно с их действием связаны засухи, эпидемии, землетрясения, войны, голод, нищета и несправедливость.

Однако ход мировой истории также носит дуалистический характер: после нынешнего века, в который заправляет дьявол со своими подручными, последует век грядущий, когда все противное Богу будет уничтожено, и наступит благое Царство. Тогда на земле восторжествует Бог, а с ним и всякое благо. Ни голода, ни засухи, ни природных катастроф, ни войн, ни ненависти не будет. Те, кто войдет в новую эпоху, насладятся вечным миром, радостью и блаженством. Они смогут любить Бога и служить ему без страха. Мир станет местом всяческого изобилия.

Пессимизм

Хотя апокалиптисты верили в счастливый конец, ближайшее будущее виделось им в мрачном свете: силы зла будут все больше торжествовать, и помешать этому невозможно. Не помогут ни новые технологии, ни социальные реформы, ни укрепление армии, ни борьба с преступностью, ни рост числа учителей в школах. Что бы вы ни делали, на земле будет больше войн, голода, нищеты и угнетения, а перед самым концом века зло разгуляется совсем уж вовсю. Но эта эпоха внезапно закончится: Бог вмешается в историю.

Оправдание

Многие апокалиптисты даже и не надеялись победить зло собственными усилиями. Они считали, что это сделает Бог, причем не постепенно и мало-помалу, а в одночасье. Внезапно придет конец: Бог вмешается в ход человеческой истории, низвергнет силы зла и установит благое Царство. Он спасет мир и оправдает как свое благое имя, так и свой народ.

Когда ситуация станет совсем невыносимой, Бог пошлет Спасителя, который все исправит. Этого Спасителя апокалиптические мыслители называли по-разному. Как мы уже видели, некоторые именовали его Мессией. Другие, основываясь на древнейшем из дошедших до нас апокалиптических текстов, Книге Даниила, называли его Сыном Человеческим (Дан 7:13–14). Сын Человеческий уничтожит силы, выступающие против Бога. В нынешнем веке сторонниками сил, торжествующих в мире, являются богачи и власть имущие. Соответственно, при явлении Сына Человеческого они будут погублены. И напротив, слабые, нищие, угнетенные, праведные страдают сейчас, ибо находятся на стороне Бога, но будут оправданы в Конце, когда Бог установит благое Царство на земле.

Будущий суд затронет не только тех, кто застанет наступление Конца, но и мертвых. Когда придет Сын Человеческий, мертвые воскреснут. Все, кто умер раньше, вернутся в свои тела и будут судимы. Нечестивцев постигнет наказание (или даже полное уничтожение), а праведники получат награду и место в будущем Царстве. Помимо всего прочего, это означало: если человек стяжает деньги и власть за счет других людей, он не должен думать, что ему это сойдет с рук. Даже смерть не спасет от возмездия. Бог воскресит всех, и никто не в силах ему помешать.

Таким образом, именно в этот период еврейской истории появляется учение о будущем воскресении. До того, как апокалиптизм вошел в моду, большинство евреев полагали, что

души усопших переходят в Шеол (подземный мир теней) или просто погибают вместе с телом. Однако апокалиптисты думали иначе. Они верили, что праведников ожидает жизнь вечная, причем в теле и в Царстве Божием, которое наступит на земле.

Близость

Но когда придет Царство Божие? Еврейские апокалиптисты думали, что очень скоро, буквально вот-вот, — ведь и силы зла торжествуют вовсю. В ближайшем будущем, полагали они, Бог уничтожит эти силы и установит свое Царство. Вспомним слова, которые приписываются одному знаменитому апокалиптисту:

Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силе.
(Мк 9:1)

Это слова Иисуса, как их приводит древнейшее из дошедших до нас Евангелий. Чуть дальше в том же Евангелии его спрашивают, когда произойдет предсказанный им катаклизм, увенчивающийся явлением Сына Человеческого. Иисус отвечает:

Истинно говорю вам: не прейдет это поколение, как все это будет.
(Мк 13:30)

Как еврейский апокалиптик, Иисус считал, что в мире наблюдается разгул темных сил. Однако близок суд Божий: Бог пошлет с небес Сына Человеческого. Это событие перевернет ход мировой истории: нечестивцы получат по заслугам за свои злые дела. И наступит Царство, в котором власть имущие будут низвергнуты, а нищие и угнетенные возвышены. Случится же все это еще при жизни поколения Иисуса. Подобно многим другим евреям своего времени и своих мест, Иисус был апокалиптистом. Он ждал скорого конца века сего.

Однако откуда известно, что Иисус действительно говорил эти (или какие-либо другие) слова? Откуда известно, что он стоял на апокалиптических позициях? Или, если поставить вопрос шире: как узнать об Иисусе что-либо помимо того факта, что он существовал? Это вопрос исторической методологии.

Ученые изобрели ряд критериев, позволяющих выявить исторически достоверные предания даже в тех проблематичных источниках по жизни исторического Иисуса, которые мы имеем. Эти критерии можно применить к любой исторической личности, описанной в исторических источниках.

Однако здесь нас интересует Иисус: что он, вероятнее всего, делал и говорил? В предыдущих главах мы уже затрагивали мимоходом эти вопросы. Сейчас мы поговорим о них подробнее. Какая методология помогает историкам установить слова и дела Иисуса?

Критерии достоверности

Как мы уже говорили, стопроцентной гарантии, что те или иные события древней истории имели место, не может быть. Однако есть вещи более вероятные и менее вероятные. Скажем, вероятность того, что Юлий Цезарь ходил походом на Галлию, намного выше той, что Аполлоний Тианский воскресил кого-то из мертвых[178]. И как правило, историки имеют дело с вероятностями. Они спрашивают себя: какой ход событий наиболее вероятен?

Мы уже говорили о том, какие источники нужны историкам. В случае с историческим Иисусом используются аналогичные критерии. Например, уверенность в достоверности того или иного предания об Иисусе увеличивает наличие его во множестве независимых источников. Важно также, чтобы эти материалы были как можно ближе по времени к

описываемым событиям, и чтобы они как можно меньше отражали предубежденность рассказчика. Обычно используются следующие критерии.

Контекстуальное правдоподобие

Об иудаизме времени Иисуса мы рассказали столь подробно по следующей причине: если какое-то предание об Иисусе не вписывается в исторический контекст, оно едва ли достоверно. Конечно, с обратным выводом спешить не следует: не надо думать, что если какое-то предание органично соответствует контексту, то оно надежно (здесь нужны дополнительные подтверждения; см. критерии ниже). Однако если Иисусу приписаны слова или дела, которые невообразимы в Палестине I века, мы имеем дело с поздней легендой.

Приведем пример. Как мы уже видели, в Евангелии есть ряд высказываний Иисуса, которые некогда передавались на арамейском языке, родном языке Иисуса. Иногда это можно видеть по тому, что обратный перевод фразы с греческого на арамейский делает ее понятнее: «Суббота для человека, а не человек для субботы; посему Сын Человеческий есть господин и субботы» (Мк 2:27–28).

Или евангелист приводит арамейские слова в греческой транслитерации, объясняя их смысл: «Та-лифа куми», что значит: девица, тебе говорю, встань» (Мк 5:41). Поскольку Иисус жил в палестинской провинции, он должен был говорить на арамейском языке. Значит, Евангелия описывают правдоподобную картину. Это не означает само по себе, что Иисус действительно это сказал. Но он *мог* это сказать.

И напротив, фразы, которые невозможно перевести на арамейский язык, едва ли принадлежат Иисусу. Один такой случай мы уже видели: в третьей главе Евангелия от Иоанна Иисус говорит о необходимости родиться «анотэн», чтобы войти в Царство. Имел ли он в виду «свыше» или «снова»? Здесь многое строится на игре слов, которая возможна в греческом языке, но не в арамейском. Значит, рассказ о беседе Иисуса с Никодимом недостоверен (во всяком случае, в изложенном виде).

Как мы увидим в следующей главе, есть веские основания считать Иисуса апокалиптистом. Соответственно, предания об Иисусе, которые обретают смысл в апокалиптическом контексте, имеют хорошие шансы оказаться достоверными. Вместе с тем ни из чего не видно, что воззрения, которых придерживались последующие христианские гностики, существовали уже в палестинской провинции I века. Поэтому гностические речения в Евангелии от Филиппа и Евангелии от Марии почти наверняка не принадлежат Иисусу: они были вложены в уста Иисуса гностиками.

Подчеркнем: из трех критериев достоверности, которые мы обсуждаем в данной главе, только этот носит негативный характер. Он не может показать, что Иисус делал и говорил: лишь то, что он *не* делал и *не* говорил. Если какое-то предание соответствует этому критерию, оно *может быть* достоверным. Однако оно необязательно достоверно. Чтобы выяснить, так это или нет, необходимо использовать другие два критерия. Если работают несколько критериев сразу, вероятность достоверности существенно повышается.

Множество свидетельств

Если предание засвидетельствовано во множестве независимых источников, вероятность его исторической достоверности значительно выше, чем если оно засвидетельствовано лишь в одном источнике. Если оно отражено лишь в одном источнике, не исключено, что автор его попросту выдумал. Зато если имеются несколько независимых свидетельств, это означает, что ни один из этих авторов не выдумал материал: он возник раньше, чем любой из

источников. Таким образом, если предание содержится в ряде источников и контекстуально правдоподобно, шансы в пользу его достоверности существенно повышаются.

Оговоримся: сам факт появления материала во всех синоптических Евангелиях *не* означает множества свидетелей. Матфей и Лука заимствовали многие отрывки у Марка, поэтому материалы тройной традиции (Марк, Матфей, Лука) следует рассматривать как *один* источник (Марк!). Тем не менее, есть ряд преданий, которые отражены в нескольких независимых источниках, относящихся к периоду в столетие после смерти Иисуса: Евангелии от Марка, Q, M, L, Евангелии от Иоанна (и его источниках), посланиях Павла (и других посланиях), Евангелии от Фомы и даже у Иосифа Флавия и Тацита.

Мы уже видели несколько очевидных примеров.

• *Распятие Иисуса при Понтии Пилате.* Контекстуально — полное правдоподобие: римляне распяли множество людей. Есть также ряд свидетельств: Марк, М, Ь, Иоанн, речи в Деяниях, Иосиф Флавий и Тацит (плюс независимый намек в 1 Послании к Тимофею). О распятии как таковом (без упоминания о Пилате) говорится в ряде мест у Павла и во многих других независимых источниках (1 Послании Петра, Послании к Евреям и т. д.). Это одно из наиболее хорошо засвидетельствованных преданий об Иисусе. Как мы увидим, оно удовлетворяет и следующему критерию.

• *Братья Иисуса.* Как мы уже сказали, многие независимые источники говорят, что у Иисуса были братья, причем, как правило, в число братьев включается Иаков: мы видим это в Евангелии от Марка, Евангелии от Иоанна (без упоминания об Иакове), посланиях Павла и у Иосифа Флавия. Более того, Павел был лично знаком с Иаковом. Соответственно, есть веские основания считать данное предание достоверным.

• *Происхождение Иисуса из Назарета.* Об этом говорят не только Евангелия от Марка и Иоанна, но и независимые рассказы в М и Ь. Здесь также, как мы увидим, работают и другие критерии, а потому предание весьма правдоподобно.

Критерий по несходству

Больше всего научных споров идет вокруг «критерия по несходству» (англ. *criterion of dissimilarity).* Он связан с желанием учесть предубеждение источника и источника, стоящего за источником. Возьмем два примера.

• В «Сказании Фомы о детстве Христа» сообщается, что Иисус еще в свою бытность пятилетним мальчиком засушил товарища по играм, когда тот его стал раздражать. Ясно, что рассказ продиктован желанием показать, что Иисус был могущественным Сыном Божиим еще до своего выхода на проповедь.

• Как мы уже видели, рассказ Луки о рождестве сомнителен: в исторических анналах не сохранилось сообщений о всемирной переписи, и в любом случае Иисус не мог родиться одновременно при царе Ироде и в правление Квириния Сирией. Есть также противоречие с Евангелием от Матфея. (Конечно, Матфей и сам может быть не прав, но важно понимать, что Матфей и Лука не могут быть правы *одновременно.)* Откуда же взялся этот рассказ? Скорее всего, Лука или его источник попросту выдумал его, чтобы показать: Иисус родился в Вифлееме, как и положено было родиться еврейскому Спасителю согласно пророчеству Михея (Мих 5:2; цит. в Мф 2:6).

Зато когда мы видим материал, который не работает на христианскую идеологию, а то и не вполне удобен для нее, шансы на историческую достоверность повышаются. Скажем, распятие Иисуса чрезвычайно осложняло христианскую миссию, поскольку евреи не ждали распятого Мессию. Значит, предание о распятии удовлетворяет «критерию по несходству». А если вспомнить, что оно засвидетельствовано в целом ряде независимых источников,

становится ясно, что оно наверняка достоверно. И оно гораздо более вероятно, чем предположение, что Иисус был побит камнями, или взошел на небеса, не претерпев смерти, или что он дожил до старости в Назарете: ни о чем таком источники не упоминают.

Или возьмем детали жизни Иисуса. Источники сообщают, что у Иисуса были братья. Этот факт никак не работает на христианскую проповедь, а авторы, которые о нем упоминают (Павел, Марк, Иоанн, Иосиф Флавий), просто принимают его как данность. Поэтому, судя по всему, у Иисуса и впрямь были братья, причем одного из них звали Иаков. Аналогичным образом обстоит дело с происхождением Иисуса из Назарета. Назарет был маленькой бедняцкой деревней. Никому и в голову не пришло бы выдумывать, что Мессия произошел оттуда. А поскольку об этом упоминают многие источники, можно сделать вывод: скорее всего Иисус действительно был из Назарета.

Еще раз подчеркнем: последние два критерия лучше всего использовать в позитивном русле, для выяснения того, какие предания достоверны. Для противоположных целей они не очень подходят. Если предание содержится в одном-единственном источнике, это лишь заставляет усомниться в достоверности, но не опровергает ее. А если предание к тому же не соответствует «критерию по несходству», оно вдвойне подозрительно. Аналогично, если предание не удовлетворяет «критерию по несходству», это не обязательно указывает на его недостоверность: у нас лишь появляются сомнения. И если оно к тому же плохо засвидетельствовано, сомнения увеличиваются. Впрочем, в ряде случаев, как мы уже видели, есть веские исторические причины считать некоторые предания, не удовлетворяющие «критерию по несходству» не только сомнительными, но и откровенно легендарными: таковы рассказ Луки о переписи, приведшей Иосифа и Марию в Вифлеем, и рассказ Матфея о торжественном входе Иисуса в Иерусалим.

С каждым случаем мы должны разбираться отдельно: применять различные критерии и смотреть, нет ли иных исторических соображений.

Скажем, знакомство Павла с одним из братьев Иисуса существенно увеличивает вероятность того, что у Иисуса были братья. И напротив, въезд Иисуса в Иерусалим на двух ослах под возгласы толпы, кричавшей о его мессианстве, в разных смыслах маловероятен: такое событие даже само по себе сомнительно, и уж конечно Иисус был бы арестован на месте (а не неделю спустя).

Иисус: начало жизненного пути

В конце этой главы хотелось бы рассказать о том, какой, скорее всего, была жизнь Иисуса до того, как он во взрослом возрасте вышел на проповедь.

Начнем со скепсиса относительно достоверности некоторых описанных событий. У историка нет оснований считать, что Иисус был рожден девственницей. Во-первых, это само по себе маловероятно. Во-вторых, у каждого из двух источников, упоминающих о девственном рождении Иисуса, есть богословские основания верить в него[179]. Матфей считал, что это чудо предсказано у пророка Исаии. Согласно еврейскому оригиналу Ис 7:14, некая «молодая женщина» (*альмб)* забеременеет и родит сына. Однако Матфей читал Исаию в греческом переводе, где использовано слово «партенос», обычно обозначающее «девственницу». Не подозревая о разнице с оригиналом, Матфей сделал далеко идущие выводы: Иисус должен родиться от девственницы… Конечно, у нас нет уверенности, что мы правильно описали ход мысли евангелиста, но во всяком случае его рассказ о рождестве подозрителен с исторической точки зрения.

Иначе мотивировано девственное рождение у Луки. В его повествовании Иисус есть Сын Божий, поскольку Марию сделал беременной Дух Божий. Ангел Гавриил говорит Марии (разумеется, это предание не удовлетворяет ни одному из критериев достоверности):

Дух Святой найдет на тебя, и сила Всевышнего осенит тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим.

(Лк 1:35)

Лука хочет доказать, что Иисус — единственный в своем роде Сын Божий. Девственное рождение — решающее доказательство.

Конечно, у историка нет иных возможностей установить, была ли мать Иисуса девственницей, чем исходить из общих соображений о правдоподобии и из того факта, что оба источника, сообщающие об этом событии, заинтересованы в его достоверности (хотя и по разным причинам). Тем не менее вывод представляется очевидным: перед нами выдумка, призванная показать величие Иисуса с самого рождения.

Далее. Родился ли Иисус в Вифлееме? Опять же возникают серьезные сомнения. Во-первых, источники исходили из *предпосылки,* что Мессия родился в городе Давида. Во-вторых, оба автора, сообщающие об этом, безнадежно противоречат друг другу в вопросе о том, как это случилось. Зато многие источники упоминают о происхождении Иисуса из Назарета: здесь работает и критерий по множеству свидетельств, и критерий по несходству.

Иисус родился евреем и был воспитан в еврействе. Его родители жили в галилейской провинции. Археологические раскопки в Назарете показали, что Назарет был маленькой и бедной деревней[180]. Значит, Иисус вырос в относительной бедности. У него были братья и, видимо, сестры (упомянутые, впрочем, лишь в Мк 6:3). Его семья происходила из рабочего класса. Согласно древнейшему повествованию (Мк 6:3), Иисус был «тектон». Обычно слово «тектон» переводят как «плотник», хотя оно может указывать и на любого человека, который работает руками (например, каменщика или кузнеца). Это была профессия низших классов, а в Палестине I века ее представители едва сводили концы с концами. Если Иисус был именно плотником, он изготавливал не изящную домашнюю мебель, а грубо обтесанные изделия вроде ворот и хомутов, потребных для сельских жителей. Другие предания применяют слово «тектон» к отцу Иисуса (Мф 13:35). Так это или нет, неизвестно, но не исключено, что Иисус как старший сын научился профессии от отца.

Судя по всему, Иисус жил просто и бедно. По преданиям, когда он вышел на проповедь, его односельчане опешили: как же так? как он мог в одночасье стать мудрым и постигнуть духовные традиции Израиля (Мк 6; Лк 4)? Это наводит на мысль, что Иисус в детстве не был вундеркиндом, и ничем особенным не выделялся. Ученые спорят, был ли он грамотным. По причинам, которые я изложил выше, мне кажется, что он не умел *писать.* Ни в каких ранних источниках не говорится, что он писал или знал, как это делается. Более интересный и более сложный вопрос состоит в том, умел ли он *читать.* Раньше ученые считали, что почти всех еврейских мальчиков учили читать. Сейчас эту теорию опровергли: большинство мальчиков читать не умели, да и вообще уровень грамотности жителей Римской империи был чрезвычайно низок. Однако есть и такое соображение: Иисус был широко известен как человек, разбирающийся в Торе. Не означает ли это, что он все-таки умел читать? Поэтому не исключено, что какой-то местный учитель научил Иисуса чтению. Хотя, конечно, с полной уверенностью мы этого не можем сказать.

Однако это не те вопросы, которые беспокоят большинство людей, интересующихся историческим Иисусом. Их основное внимание привлекает *взрослая* жизнь Иисуса. Каким он был? Чему учил? Что делал? Какие по ходу дела возникали ситуации? Почему его казнили римляне? Об этих вопросах мы поговорим в следующей главе. Мы также увидим, почему Иисус, скорее всего, был апокалиптическим пророком, который ожидал скорого конца века сего.

9 Иисус как апокалиптический пророк

По-моему, большинство студентов, которые ходят на мои лекции по Новому Завету и историческому Иисусу, получают удовольствие от новых знаний. Во всяком случае, так они

говорят по окончании курса. Однако одна жалоба встречается регулярно: почему я не рассказываю о «другом подходе»? Студенты узнают, что ранние евангельские источники содержат как исторически надежные сведения, так и легендарный материал; они узнают, что каждому из Евангелий присущ свой взгляд на Иисуса и свой образ Иисуса; они слышат о древней еврейской апокалиптике и аргументах в пользу того, что Иисус был еврейским апокалиптическим пророком. Однако им этого мало. Они хотят знакомиться и с «другим подходом».

Я очень хорошо их понимаю, но легче сказать, чем сделать. Семестр продолжается пятнадцать недель. Физически невозможно охватить все научные теории. И потом, что значит «другой подход»? Подходов существует много. Наука есть наука.

Я говорю об Иисусе как об апокалиптике. На каком «другом подходе» здесь можно остановиться? На теории, что Иисус был политическим революционером? Или что он был предвестником марксизма? Предвестником феминизма? Контркультурным героем? Еврейским святым? Еврейским киником? Женатым мужчиной с детьми? Как правило, студентам, жалующимся на отсутствие «другого подхода», не хватает подхода, привычного *им самим.* Им хочется, чтобы я уделял как минимум половину занятия рассказу о теории, которая им близка, а не о научном консенсусе. Здесь, на американском Юге, это почти всегда означает, что они хотят услышать консервативную протестантскую точку зрения. Между тем на занятия ходят не только протестанты, но и евреи, мусульмане, католики, мормоны, атеисты и т. д.

Я отсылаю студентов к книгам. А на самих занятиях уделяю основное время не попыткам подойти к вопросу со всех мыслимых позиций, а объяснению теории, которая сейчас разделяется большинством критических исследователей. Как мы уже видели, достоянием широкой аудитории ее впервые сделал Альберт Швейцер. Она гласит, что Иисус был апокалиптическим пророком; Иисус предсказывал скорый конец нечестивого века и явление на землю великого судьи, Сына Человеческого, который низвергнет силы зла и их сторонников, и установит на земле благое царство.

Иисус как апокалиптик: свидетельства

То, что Иисус был апокалиптиком, контекстуально правдоподобно, коль скоро апокалиптическими настроениями были охвачены многие его еврейские современники: фарисеи[181] и кумраниты, авторы апокалипсисов и пророческие лидеры вроде Иоанна Крестителя, о которых мы еще скажем ниже. Мы также увидим ясные случаи, когда апокалиптические высказывания Иисуса удовлетворяют критерию по несходству. Однако прежде всего отметим, что апокалиптизм присущ целому ряду древнейших источников[182]. Стало быть, можно говорить о наличии множества свидетельств, причем в самых ранних (а значит, самых важных) источниках. К примеру, апокалиптические высказывания имеются в четырех древнейших отчетах о жизни Иисуса: Евангелии от Марка, Q, M и L.

Древнейшие независимые источники

Из Евангелия от Марка:

Ибо кто постыдится меня и моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыдится и Сын Человеческий, когда придет в славе Отца своего со святыми ангелами… истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силе.

(Мк 8:38-9:1)

Но в те дни, после скорби той, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются. Тогда увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках с силою многою и славою. И тогда он пошлет ангелов своих и соберет избранных своих от четырех ветров, от края земли до края неба… Истинно говорю вам: не прейдет это поколение, как все это будет.

(Мк 13:24–27, 30)

Из Q:

…ибо, как молния, сверкнувшая от одного края неба, блистает до другого края неба, так будет Сын Человеческий в день свой… И как было во дни Ноя, так будет и во дни Сына Человеческого: ели, пили, женились, выходили замуж, до того дня, как вошел Ной в ковчег, и пришел потоп и погубил всех… так будет и в тот день, когда Сын Человеческий явится.

(Лк 17:24, 26–27, 30; ср. Мф24:27, 37–39)

Будьте же и вы готовы, ибо, в который час не думаете, приидет Сын Человеческий.

(Лк 12:40; ср. Мф 24:44)

Из M:

Посему как собирают плевелы и огнем сжигают, так будет при кончине века сего: пошлет Сын Человеческий ангелов своих, и соберут из Царства его все соблазны и делающих беззаконие, и ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов; тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их.

(Мф 13:40–43)

Из L.

Смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объядением и пьянством и заботами житейскими, и чтобы день тот не постиг вас внезапно, ибо он, как сеть, найдет на всех живущих по всему лицу земному; итак бодрствуйте на всякое время и молитесь, да сподобитесь избежать всех сих будущих бедствий и предстать пред Сына Человеческого.

(Лк 21:34–36)

И это далеко не единственные отрывки. Можно сделать вывод: древнейшие из дошедших до нас источников приписывают Иисусу — независимо друг от друга! — апокалиптические высказывания. Интересно, однако, что по мере того, как шло время, апокалиптический пыл угасал. В последующих источниках апокалиптического материала становится все меньше и меньше, а в Евангелии от Иоанна (последнем из канонических Евангелий) Иисус вообще не высказывается в апокалиптическом ключе, но говорит на другие темы (главным образом, о том, что он пришел от Отца дать людям жизнь вечную). А если взять еще более поздние Евангелия, которые не вошли в новозаветный канон, то в них Иисус иногда даже отрицает апокалиптизм (Евангелие от Фомы 3; 113**).**

Почему же древнейшие источники изображают Иисуса апокалиптиком, а более поздние не делают этого, а то и приписывают ему критику апокалиптизма? Судя по всему, с ходом времени Иисуса все меньше и меньше понимали как апокалиптика. Причину понять несложно. В древнейших источниках Иисус предсказывает, что конец века сего наступит еще при жизни его поколения, при жизни его учеников. Однако ученики умерли. Ушло и поколение Иисуса. Решающего же вмешательства Бога в историю не произошло: Сын Человеческий не пришел, и мертвые не воскресли. Что было делать с несбывшимися предсказаниями? Мало-помалу христиане пришли к мысли, что Иисус говорил не о скором Конце, а потому все меньше и меньше изображали его апокалиптическим проповедником. Идея оказалась чрезвычайно успешной: на протяжении всего Средневековья и доныне подавляющее большинство людей не считают Иисуса апокалиптиком. Это произошло именно потому, что апокалиптизм его провозвестия все больше и больше затушевывался, а

впоследствии от него и вовсе отказались. Однако он сохранился в многочисленных и независимых древнейших источниках.

Есть и еще более веские основания считать Иисуса еврейским апокалиптиком. Дело в том, что мы знаем, с чего он начал свою общественную деятельность, и что произошло после его смерти. Эта информация о начале и конце позволяет нам понять, что было в промежутке: каким было провозвестие Иисуса.

Начало и конец как ключи к середине

Практически нет сомнений, с чего Иисус начал свою общественную деятельность: с омовения у Иоанна Крестителя. Это важно для понимания его мировоззрения.

Об историчности омовения у Иоанна говорит следующее.

• *Критерий по множеству свидетельств.* Связь Иисуса с Иоанном Крестителем засвидетельствована в ряде древнейших источников, например, у Марка и Иоанна. Добавим сюда и некоторые указания в Q, а также рассказ в M. Почему все эти источники независимо друг от друга связывают Иисуса с Иоанном? Скорее всего потому, что эта связь действительно имела место.

• *Критерий по несходству.* Христиане полагали, что в духовном плане крещаемый стоит ниже крещающего. (Точка зрения, разделяемая многими и в наши дни.) С какой стати христиане стали бы фантазировать, что Иисус принял крещение от кого-то другого? Ведь тогда можно было бы подумать, что Иоанн выше Иисуса! Более того, *почему* Иоанн крестил народ? Согласно древнейшим преданиям, он проповедовал «крещение покаяния для прощения грехов» (Мк 1:4). Неужели у Иисуса были грехи, и он нуждался в прощении? Кто стал бы такое выдумывать?

Итак, Иисус действительно крестился у Иоанна. Это надежная историческая информация, которую доносят до нас многочисленные независимые источники.

Перед нами очень важный факт. Теперь разберемся: чему учил Иоанн? Почему Иисус откликнулся на его зов, а не последовал за фарисеями и ессеями? Иоанн Креститель проповедовал апокалиптическую весть о грядущем разрушении и спасении. Согласно Марку, он был пророком и возглашал осуществление пророчества Исаии о том, что Бог снова приведет свой народ из пустыни в Землю Обетованную (Мк 1:2–8). Согласно (), Иоанн предупреждал собравшиеся к нему толпы об апокалиптическом суде:

Кто внушил вам бежать от будущего гнева? Сотворите же достойные плоды покаяния… Уже и секира при корне деревьев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь.

(Лк 3:7–9)

Это апокалиптическая весть. Срубание деревьев есть образ грядущего суда: люди, которые не жили в соответствии с волей Божьей, будут «брошены в огонь». Но когда настанет день Суда? Он настанет вот-вот. Секира *уже* лежит возле корня деревьев. Рубка может начаться с минуты на минуту.

Ничто не мешало Иисусу последовать за любым другим религиозным учителем своего времени, скажем, примкнуть к фарисейской партии, стать энтузиастом храмового культа, влиться в ессейскую общину или пополнить ряды революционеров. Однако он остановил свой выбор на Иоанне Крестителе. Это означает, что он соглашался с Иоанновой вестью о близком апокалиптическом Суде. Свою общественную деятельность он начал с согласия с Иоанном.

Нам известно не только, с чего Иисус начал, но и что произошло среди его учеников после распятия. Они стали учреждать общины верующих по всему Средиземноморью.

Некоторое представление об этих общинах можно составить по письмам апостола Павла, самого раннего из известных нам христианских авторов. Легко видеть, что эти общины (и сам Павел) ожидали, что возвращение Иисуса с небес в качестве судьи произойдет при их жизни (1 Фес 4:13-5:12; 1 Кор 15). Иными словами, после смерти Иисуса христианство было апокалиптическим движением.

Это чрезвычайно важно для нашей темы. Иисус начал с того, что последовал за апокалиптическим пророком Иоанном, а после его смерти стали возникать апокалиптические общины. Что связывает начало и конец? Или, иначе говоря, какая связь между Иоанном Крестителем и апостолом Павлом? Это исторический Иисус. Именно служение Иисуса — связующее звено между началом и концом. Но если начало было апокалиптическим, и конец был апокалиптическим, что можно сказать о середине? Скорее всего она также была апокалиптической. Чтобы объяснить такое начало и такой конец, мы должны предположить, что Иисус также был апокалиптиком.

Если бы Иисус начал с апокалиптизма, но после его смерти возникли общины, чуждые апокалиптическим чаяниям, логично было бы считать, что Иисус отошел от апокалиптизма. Однако это не так. Первохристианские общины были апокалиптическими. Почему? Ясно, что они брали пример с Иисуса!

Другой вариант. Допустим, мы увидели бы, что Иисус не начал с апокалиптизма, но первохристианские общины были апокалиптическими. Тогда у нас возникли бы подозрения, что сам Иисус не был апокалиптиком, но ученики изменили его учение, внеся в него апокалиптические нотки. Однако этого не может быть: Иисус начал с апокалиптизма. Значит, остается единственное правдоподобное объяснение того, почему и начало, и конец были завязаны на апокалиптику: в ходе своего служения Иисус проповедовал апокалиптическую весть.

По-моему, перед нами веский довод в пользу того, что Иисус был апокалиптиком. Особенно убедительным делает его тот факт, что, как мы уже видели, апокалиптические высказывания Иисуса содержатся в многочисленных и независимых друг от друга свидетельствах.

Итак, Иисус был апокалиптиком. Но это — самая общая информация. Можно ли сказать что-то более конкретное о его словах и делах?

Апокалиптическое провозвестие Иисуса

В центре апокалиптической вести Иисуса стояло грядущее Царство Божие. Первые же его слова, которые приводит евангелист Марк, задают тон всей проповеди: «Исполнилось время и приблизилось Царство Божие. Покайтесь и верьте благой вести» (Мк 1:15). Это чистой воды апокалиптика. Время, отведенное веку сему, истекает, и люди стоят на пороге новой эпохи, Царства Бо-жия. В преддверии этого события люди должны покаяться.

Царство Божие

В наше время, слыша фразу «Царство Божие», люди обычно представляют себе небеса и загробную жизнь. Как мы уже знаем, апокалиптики вкладывали в нее иной смысл. Для Иисуса Царство — это реальное место на земле, где будет царить Бог. К примеру, Иисус предсказывал, что двенадцать его учеников воссядут на двенадцати тронах как правители в будущем Царстве (Мф 19:28; это взято из Q). Он говорил, что в Царстве будут есть и пить, и что некоторые будут изгнаны из Царства (Л к 13:23–29; из О). Царство — это место, в котором восторжествуют любовь, мир и справедливость.

Сын Человеческий

Будущее Царство будет установлено великим судьей, которого Иисус называет «Сын Человеческий». В ранних Евангелиях Иисус много говорит о Сыне Человеческом, и эти речения вызвали оживленные споры среди ученых. Поскольку многим читателям данный вопрос кажется запутанным, вкратце остановимся на нем.

В некоторых евангельских высказываниях под Сыном Человеческим имеется в виду сам Иисус.

Например, о своей жизни он говорит следующее: «Лисицы имеют норы, и птицы небесные — гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Лк 9:58). В другом случае он высказывается о своей будущей участи: «Сыну Человеческому много должно пострадать, быть отвержену старейшинами, первосвященниками и книжниками, и быть убиту, и в третий день воскреснуть» (Мк 8:31).

В других местах, напротив, такое отождествление не просматривается. Одно из них мы уже знаем:

Ибо кто постыдится меня и моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыдится и Сын Человеческий, когда придет в славе Отца своего со святыми ангелами. (Мк 8:38)

Если заранее не считать, что под Сыном Человеческим здесь имеется в виду Иисус, этого никак нельзя предположить. Наоборот, создается впечатление, что Иисус говорит не о самом себе.

Таким образом, картина несколько запутанная. Как же использовал фразу «Сын Человеческий» Иисус? Здесь очень важен критерий по несходству. Первые христиане верили, что Иисус есть Сын Человеческий, великий судья всей земли, который вернется во славе (напр., Откр 1:13). Значит, высказывания, в которых Иисус объявляет себя Сыном Человеческим, не проходят критерий по несходству. Зато высказывания, где нет такого отождествления, соответствуют данному критерию: христиане, считавшие Иисуса Сыном Человеческим, не выдумали бы тексты, в которых Иисус и Сын Человеческий выглядят как разные фигуры.

Далее. Высказывания, в которых Иисус и Сын Человеческий — не одно и то же лицо, всегда говорят о будущем, а именно, о явлении Сына Человеческого на землю для суда. Поскольку они также засвидетельствованы во множестве источников, можно сделать вывод: Иисус действительно говорил о будущем Сыне Человеческом, который установит в конце века сего Царство Божие. Последующие христиане решили, что этим судьей будет сам Иисус, и выдумали высказывания, в которых Иисус высказывается о себе в подобном ключе. Эта последняя категория высказываний неаутентична, а речения о будущем Сыне Человеческом — аутентичны.

Будущий суд

У Иисуса мы находим грозные предупреждения о том, что случится при явлении Сына Человеческого. Они отражены в Евангелии от Марка, Q, M и L_ (см., напр., Мф 13:40–43; Мк 13:24–27; Лк 17:24; 21:34–36). Скажем, водном апокалиптическом предсказании мы читаем следующее:

Еще подобно Царство Небесное неводу, закинутому в море и захватившему рыб всякого рода, который, когда наполнился, вытащили на берег и, сев, хорошее собрали в сосуды, а худое выбросили вон. Так будет при кончине века: изыдут ангелы, и отделят злых из среды праведных, и ввергнут их в печь огненную: там будет плач и скрежет зубов. (Мф 13:47–50; независимая параллель есть в Евангелии от Фомы.)

Итак, при завершении века сего всем придется дать отчет за свои дела. Иисус говорил, что судьбы людей коренным образом переменятся: богатые и власть имущие будут унижены, а смиренные и угнетенные — возвышены. Апокалиптическая логика этой концепции понятна: успеха в этой жизни нечестивцы добились лишь благодаря единению с силами зла; и напротив, праведники были гонимы и беззащитны. Но когда явится Сын Человеческий, все станет иначе: те, кто пожертвовал чем-то ради грядущего Царства, получит награду. Первые станут последними, а последние первыми. Вспомним высказывания в Евангелии от Марка и L:

Истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или детей, или земли, ради меня и Евангелия, и не получил бы ныне, во время сие, среди гонений, во сто крат более домов, и братьев и сестер, и отцов, и матерей, и детей, и земель, а в веке грядущем жизни вечной. Многие же будут первые последними, и последние первыми.

(Мк 10:29–31)

И придут от востока и запада, и севера и юга, и возлягут в Царствии Божием. И вот, есть последние, которые будут первыми, и есть первые, которые будут последними.

(Лк 13:29–30; возможно, это материал Q — см. Мф 20:16)

Суд затронет не только людей: он будет иметь поистине вселенские масштабы. Весь мир испорчен и должен быть разрушен, чтобы наступило Царство:

Но в те дни, после скорби той, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются. Тогда увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках с силою многою и славою. И тогда он пошлет ангелов своих и соберет избранных своих от четырех ветров, от края земли до края неба.

(Мк 13:24–27)

Как готовиться к Концу: следовать Торе и жить праведно

Но как готовиться к Концу? Иисус призывал людей «покаяться» в преддверии наступающего Царства. Покаяться — значит изменить свою жизнь и начать следовать воле Божией. Как хороший еврейский учитель, Иисус ясно давал понять, где содержится воля Божия: она изложена в Торе. Иисус уделял очень большое внимание Торе и ее правильной интерпретации. Об этом свидетельствует много независимых источников.

• *Евангелие от Марка.* Когда к Иисусу подбежал человек с вопросом, что делать, чтобы «наследовать жизнь вечную», Иисус сначала перечислил некоторые из Десяти Заповедей (Мк 10:17–22; Мф 19:16–22; см. также Лк 18:18–23). В версии Матфея Иисус даже говорит: «Если хочешь войти в жизнь, соблюди заповеди».

• (?. По словам Иисуса, «скорее небо и земля прейдут, нежели одна черта из Закона пропадет» (Лк 16:16; Мф 5:18).

• *М.* По словам Иисуса, он пришел исполнить Закон, а его последователи должны соблюдать Закон даже лучше, чем книжники и фарисеи, если хотят войти в Царство Небесное (Мф 5:17, 19–20).

• *Евангелие от Иоанна.* Иисус спорит с оппонентами о Законе и отмечает: «Не может нарушиться Писание» (Ин 10:34–35).

Некоторые из этих высказываний удовлетворяют критерию по несходству. Взять хотя бы первый отрывок (Мк 10:17–27), где богач спрашивает Иисуса, как обрести жизнь вечную, и слышит совет соблюдать заповеди. Считали ли первые христиане, что вечная жизнь обретается через соблюдение Закона? Отнюдь нет! Большинство христиан отвергали эту точку зрения. Первые христиане полагали, что для жизни вечной необходимо уверовать в смерть и воскресение Иисуса. Более того, некоторые первые христиане даже *отрицали*, что соблюдение Закона способно принести жизнь вечную. (С годами число таковых становилось все больше и больше.) Ведь если дело обстоит подобным образом, зачем явился и умер Иисус? Нет, полагали они, источником спасения является не Закон, а Иисус. Но тогда почему

же в упомянутом отрывке Иисус обещает спасение тем, кто соблюдает Закон? Потому что Иисус действительно это говорил.

Что более конкретно Иисус говорил о Законе? Пожалуй, его взгляды проще всего понять, сопоставляя их с другими известными концепциями.

В отличие от некоторых фарисеев, Иисус не считал, что нужно педантично и скрупулезно соблюдать Закон во всех деталях. Лезть из кожи вон, чтобы не сделать в субботу что-либо спорное, он считал бессмысленным. Неудивительно, что в связи с этим у него регулярно случались стычки с фарисеями.

В отличие от некоторых саддукеев, Иисус не считал, что нужно строго следовать правилам храмового богослужения при совершении жертвоприношений. Более того, как мы увидим, критика Храма и культа привели его к гибели.

В отличие от некоторых ессеев, Иисус не считал, что нужно сторониться общества и всячески блюсти ритуальную чистоту. Как мы покажем далее, люди с подобными ценностями смотрели на Иисуса с неодобрением, поскольку он общался с теми, на ком была нечистота.

Для Иисуса было важно другое. Как и для некоторых других его еврейских современников, о которых мы менее осведомлены (ср. Мк 12:32–34), для него были важны те заповеди Божии, которые он считал средоточием Закона: заповедь любить Бога больше всего на свете (ср. Втор 4:4–6) и заповедь любить ближнего как самого себя (ср. Лев 19:18).

О важности этих заповедей о любви говорит, в частности, следующий отрывок из древнейшего известного нам Евангелия. Его стоит процитировать целиком.

Один из книжников, слыша их прения и видя, что Иисус хорошо им отвечал, подошел и спросил его: какая первая из всех заповедей? Иисус отвечал ему: первая из всех заповедей: слушай, Израиль! Господь Бог наш есть Господь единый; и возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею, — вот первая заповедь! [Втор 6:4–5] Вторая подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. [Лев 19:18] Иной большей сих заповеди нет.

Книжник сказал Ему: хорошо, Учитель! истину сказал Ты, что один есть Бог и нет иного, кроме Его; и любить Его всем сердцем и всем умом, и всею дутою, и всею крепостью, и любить ближнего, как самого себя, есть больше всех всесожжений и жертв.

Иисус, видя, что он разумно отвечал, сказал ему: недалеко ты от Царствия Божия. После того никто уже не смел спрашивать его.

(Мк 12:28–34)

Отметим: снова говорится о Царстве Божием. По мнению Иисуса, чтобы обрести Царство, нужно следовать сути Закона, то есть любить Бога больше всего на свете и любить других людей столь же сильно, сколь ты любишь самого себя.

Что это означает на практике, и как должно проявляться в поведении? Обратим внимание на знаменитое описание Страшного Суда в Евангелии от Матфея[183]. Иисус говорит, что, когда «придет Сын Человеческий во славе своей и все святые ангелы с ним, тогда сядет на престоле славы своей» (Мф 25:31). Перед Сыном Человеческим соберутся все народы, и он разделит их на две группы, как пастух отделяет овец от козлов. По правую сторону будут «овцы». Он скажет овцам: «Придите… наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира». Почему они удостаиваются такой чести? А вот почему, объясняет царь: «Алкал я, и вы дали мне есть; жаждал, и вы напоили меня; был странником, и вы приняли меня». Праведники удивятся: они никогда раньше не видели сияющего божественного Судью и уж, тем более, ничего не делали для него. Они спросят: «Когда мы видели тебя алчущим, и накормили? Или жаждущим, и напоили? Когда мы видели тебя странником, и приняли?» Царь ответит: «Так как вы сделали это одному из сих братьев моих меньших, то сделали мне» (Мф 25:34–40).

Затем он обратится к «козлам», стоящим по левую сторону, и проклянет их: «Идите от меня в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его». Почему? А вот почему: «Алкал я, и вы не дали мне есть; жаждал, и вы не напоили меня; был странником, и не приняли меня; был наг, и не одели меня; болен и в темнице, и не посетили меня». Опять же они изумятся: они никогда не видели этого царя царей! Но услышат в ответ: «Истинно говорю вам: так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали мне». И он отошлет их «в муку вечную», а праведников — «в жизнь вечную» (Мф 25:41–46).

Повторимся: этот рассказ удовлетворяет критерию по несходству. В нем нет ничего специфически христианского: людей судят не в соответствии с тем, верили ли они в смерть и воскресение Иисуса, а в соответствии с тем, делали ли добро нуждающимся. Последующие христиане — особенно Павел (ср. 1 Фес 4:14–18), но также и евангелисты, — утверждали, что в Царство входят по вере в Иисуса. Между тем в рассмотренном отрывке ничто даже не намекает на необходимость верить в Иисуса: «овцы» вообще не знают его! Зато важно другое: помогать нищим, угнетенным и нуждающимся. Вряд ли христиане стали бы формулировать требования именно таким образом…

Какой же отсюда следует вывод? Высказывания в данном отрывке, скорее всего, восходят к самому Иисусу. Их смысл понятен: всякий, кто хочет войти в будущее Царство Божие, должен следовать главному в Торе, главному, чего хочет Бог, — любить других людей как самого себя.

В Иисусе часто видят великого учителя нравственности. С этим нельзя не согласиться. Однако важно понять, *почему* Иисус проповедовал свою этику любви. Им двигали иные соображения, чем те, которыми руководствуются многие авторы нашего времени. В наши дни часто полагают, что надо вести себя хорошо во имя общественного блага: лишь так мы сможем ужиться в нашем долгом совместном пути. Иисус не считал, что будет долгий совместный путь: Конец близок! К Концу надо готовиться! Этика Иисуса направлена не просто на оздоровление общества: люди должны были вести себя правильно с тем, чтобы при явлении Сына Человеческого оказаться среди избранных и войти в Царство, а не отправиться на вечные муки или уничтожение. Мотивы этой этики были апокалиптическими. Любые попытки перенести ее на иную, неапокалиптическую почву, вырывают ее из контекста, как ест и бы контекст не имел значения.

Близость Конца

Практически не вызывает сомнений, что конец века сего и явление Сына Человеческого Иисус ожидал еще при жизни своего поколения. Как мы уже видели, в древнейших Евангелиях он прямо говорит: некоторые из его учеников «не вкусят смерти», как увидят Царство (Мк 9:1). Иисус также утверждает, что грандиозные события Конца произойдут, прежде чем прейдет «это поколение» (Мк 13:30). Вот почему в ранних слоях традиции (Евангелие от Марка, Q, M, L) Иисус настойчиво призывает слушателей «стоять на страже» и готовиться. Он учит: никто не знает точно, когда наступит конец, но наступит он очень скоро, а потому нужно следить, чтобы он не застал врасплох. В древнейшем Евангелии есть такие слова:

Смотрите, бодрствуйте, молитесь, ибо не знаете, когда наступит это время. Подобно как бы кто, отходя в путь и оставляя дом свой, дал слугам своим власть и каждому свое дело, и приказал привратнику бодрствовать. Итак, бодрствуйте, ибо не знаете, когда придет хозяин дома: вечером, или в полночь, или в пение петухов, или поутру; чтобы, придя внезапно, не нашел вас спящими. А что вам говорю, говорю всем: бодрствуйте.

(Мк 13:33–37)

Сходные учения можно найти в Евангелиях от Матфея (Мф 24:43–44, 48–50; 25:13) и Луки (Лк 12:36, 39–40, 45–56). Конец близок, и к нему нужно готовиться.

Иисус делал оговорку: в какой-то степени, пусть небольшой, Царство Божие присутствует здесь и теперь. Это не противоречит предсказанию о том, что оно наступит с явлением Сына Человеческого: перед нами лишь логическое следствие Иисусова учения о будущем Царстве. Те, кто идут за Иисусом и следуют его призывам, могут ощутить, какой будет жизнь в Царстве. В Царстве не будет войн — и ученики Иисуса призваны быть миротворцами уже сейчас. В Царстве не будет ненависти — и ученики Иисуса призваны любить всех уже сейчас. В Царстве не будет несправедливости и угнетения — и ученики Иисуса должны уже сейчас бороться за права угнетенных. В Царстве не будет голода, жажды и нищеты — и ученики Иисуса уже сейчас должны помогать бедным и бездомным. В Царстве не будет болезней — и ученики Иисуса уже сейчас должны заботиться о больных.

Следуя учению Иисуса, основанному на интерпретации Торы, люди начинали воплощать идеалы Царства в настоящем. Вот почему Иисус уподобляет Царство крохотному горчичному зернышку: будучи самым маленьким из семян, оно вырастает в большой куст (Мк 4:30–32). Именно таково Царство: начало его в служении Иисуса — неяркое и неброское, но оно будет грандиозным при явлении Сына Человеческого, когда начнется новая эпоха.

Апокалиптические действия Иисуса

Кратко сказав о том, чему Иисус учил, зададимся теперь вопросом о том, что он делал и как себя вел.

Репутация Иисуса: чудотворец

Любая попытка точно установить, что Иисус делал в ходе своего служения, наталкивается на проблемы, связанные с характером источников. Страница за страницей Евангелия говорят о чудесах: Иисус нарушает законы природы, исцеляет больных, изгоняет бесов и воскрешает мертвых. Как относиться историку ко всем этим чудесам?

Коротко говоря, никак. Подробнее об этом я говорил в другой книге и не вижу нужды повторяться[184]. Достаточно сказать следующее: если историки хотят знать, что Иисус делал, чудеса не войдут в список наиболее вероятных дел, поскольку по своей природе и по определению представляют собой самые невероятные из возможных событий. (Иначе какие же это чудеса?) Некоторые авторы отрицают чудеса в принципе, но мы не будем сейчас вдаваться в эту дискуссию. Скажем лишь, что хотя большинство действий Иисуса в Евангелиях содержат элемент чудесного, для историка здесь немного материала.

Впрочем, косвенная информация есть. Хотя историки не скажут, что Иисус, к примеру, исцелял больных и изгонял бесов[185], они могут сказать, что он имел соответствующую репутацию. Нет ничего неправдоподобного в том, что человек имеет репутацию чудотворца. Даже в наши дни многие имеют такую репутацию (заслуженно или нет — другой вопрос). Однако для нас сейчас важно, что многие считали Иисуса целителем и экзорцистом. Это имеет особый смысл в апокалиптическом контексте.

Подобно другим апокалиптикам, Иисус считал, что беды и страдания вызваны силами зла. Особенно наглядно это заметно в людях серьезно больных (например, калеках) и одержимых. (Я не говорю, что одержимость бесами реально существует. Я лишь хочу сказать, что в это верили.) Иисус возвещал о наступлении эпохи, в которую не будет несчастий, боли и страданий: дьявол и бесы больше не будут калечить жизни. Более того, он считал, что его ученики могут обрести предвкушение грядущего Царства. В этом апокалиптическом

контексте его исцеления и экзорцизмы имеют особый смысл: в своем общественном служении Иисус *уже* несет Царство на землю.

Рассказы о исцелениях и экзорцизмах необходимо понимать в апокалиптическом ключе. Не факт, что они исторически достоверны, но они отражают понимание Иисусом грядущего Царства Божьего.

Знакомства Иисуса

«Хорошая» репутация Иисуса связана с тем, что он, как считалось, исцелял и совершал экзорцизмы. Его «плохая» репутация связана с тем, что он общался с нищими, изгоями и грешниками. Судя по всему, некоторые религиозные лидеры высмеивали его за такую компанию: предпочесть изгоев людям благочестивым и уважаемым! Некоторые ранние предания утверждают, что Иисус общался с «мытарями и грешниками» (Мк 2:15–16; 0 [Мф 11:19; Лк 7:29]; М [Мф 21:21–32]; Ь [Лк 15:1]). Вряд ли христиане выдумали, что их спаситель водился в основном с изгоями и проститутками. Поэтому ясно, что такая репутация возникла у Иисуса еще при жизни.

• *Мытари* — это сборщики податей на службе у римлян, выжимавшие деньги из галилейского населения, которое и без того жило более чем скромно. Мытарей презирали, считая их не только пособниками завоевателей, но и людьми жадными и нечистыми на руку (отчасти потому, что они клали в свой карман часть полученных сумм).

• «Грешниками» могли называть кого угодно из простых людей, не слишком пытавшихся соблюдать еврейские заповеди.

В отличие от фарисеев, саддукеев и ессеев, Иисус общался с такими людьми. Почему? В свете его апокалиптической вести ответ на этот вопрос очевиден. Иисус учил, что в грядущем Царстве социальные роли переменятся: знатные и власть имущие лишатся своего положения, а бедняки и угнетенные будут возвышены. Более того, он говорил, что Царство отчасти присутствует уже здесь и теперь. Своим общением с изгоями он показывал: именно они унаследуют Царство. Царство обретут не «звезды» еврейского благочестия, а простые и подчас презираемые люди. Неудивительно, что многие религиозные учителя недолюбливали Иисуса!

Возле Иисуса был близкий круг учеников, видимо, набранных им самим: «Двенадцать». Его существование исключительно хорошо засвидетельствовано в ранних источниках. Все три синоптических Евангелия говорят о Двенадцати и перечисляют их имена (Мк 3:14–19; Мф 10:1–4; Лк 6:12–16), хотя между списками есть небольшие различия. Судя по всему, все знали об этой группе, но не все могли точно назвать ее состав. О Двенадцати также прямо упоминает Павел (1 Кор 15:5), Евангелие от Иоанна (Ин 6:67; 20:24) и Деяния Апостолов (Деян 6:2). Одно из высказываний Иисуса о Двенадцати, скорее всего, удовлетворяет критерию по несходству. Оно восходит к (3, и мы уже упоминали о нем выше:

Истинно говорю вам, что вы, последовавшие за Мною, — в пакибытии, когда сядет Сын Человеческий на престоле славы своей, сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых.

(Мф 19:28)

Скорее всего Иисус действительно сказал эти слова. Они адресованы всем двенадцати ученикам. Стало быть, в число адресатов входит Иуда Искариот. Никто из христиан после смерти Иисуса, знавших о предательстве (о чем сообщают все ранние источники), не выдумал бы высказывание, в котором предатель оказался бы одним из правителей будущего Царства. Значит, упомянутые слова были сказаны еще до событий, которые привели к смерти Иисуса. Трудно сомневаться, что они действительно принадлежат Иисусу.

Данное высказывание имеет апокалиптический подтекст, ибо можно спросить: почему именно двенадцать учеников, а не девять или четырнадцать? Видимо, имеется в виду отсылка к двенадцати коленам (племенам) древнего Израиля. Иисус хотел сказать: в будущем Царстве также будут двенадцать колен, только возглавят их не древние патриархи, а двенадцать человек, которых он избрал себе в ученики. Избрание Двенадцати было апокалиптическим знаком миру: те, кто следует за Иисусом, войдут в будущее Царство, а ближайшие ученики станут правителями в Царстве.

Но кто будет начальствовать над ними самими? Пока над ними стоял Иисус. А как будет обстоять дело в грядущем Царстве, где Двенадцать воссядут на двенадцати престолах, чтобы править двенадцатью коленами? Надо полагать, начальство Иисуса над ними сохранится. По-видимому, Иисус учил своих ближайших учеников, что он будет царем в грядущем Царстве Божием. Создается впечатление, что как минимум своему ближайшему кругу он назвал себя будущим Мессией, но Мессией не в том смысле, что он возглавит армию и изгонит римлян, а в том смысле, что при явлении Сына Человеческого будет назначен царем нового Царства. Неудивительно, что ученики считали Иисуса Мессией. Судя по всему, Иисус сам сказал им это.

Оппоненты Иисуса

Ранние предания настойчиво сообщают: у Иисуса был постоянный конфликт с другими еврейскими учителями. Скажем, в рассказах о проповеди в Галилее он навлекает на себя гнев фарисеев тем, что недостаточно скрупулезно соблюдает еврейский Закон. Не следует делать отсюда вывод, что Иисус оставил иудаизм. Ничего подобного! Речь шла лишь о правильном *понимании* иудаизма. Иисус не соглашался с устными преданиями фарисеев (причем был в этом далеко не одинок). С точки зрения Иисуса, Богу вовсе не нужно дотошное соблюдение фарисейских уставов. Бог хочет, чтобы люди соблюдали *главное* в Законе: любили Бога больше всего на свете и любили ближнего как самих себя.

О прямых конфликтах Иисуса с ессеями у нас нет сведений, но ясно, что в понимании апокалиптического сценария они радикально расходились. Ессеи считали важным отделиться от остального общества и блюсти личную и общинную чистоту, а Иисус общался с нечистыми, «мытарями и грешниками», видя в них потенциальных наследников Царства. Кумраниты восприняли бы это как чистой воды ересь.

Трения у Иисуса были не только с другими богословскими школами, но и с такой важной социальной единицей, как семья. Нынешним сторонникам «семейных ценностей» это может показаться странным: они привыкли считать Иисуса на своей стороне. Однако Иисус, судя по всему, относился к идее семьи несколько скептически, да и со своими родственниками имел непростые отношения. Как мы увидим, такая антисемейная позиция опять же уходит корнями в апокалиптическое провозвестие.

Оппозиция Иисуса к семье ясно прослеживается в призывах оставить дом ради грядущего Царства. Те, кто так поступает, получат награду:

Истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или детей, или земли, ради меня и благой вести, и не получил бы ныне, во время сие, среди гонений, во сто крат более домов, и братьев и сестер, и отцов, и матерей, и детей, и земель, а в веке грядущем жизни вечной. Многие же будут первые последними, и последние первыми.

(Мк 10:29–31)

Ученики Иисуса должны заботиться не о семье, а о грядущем Царстве. Нелегкое требование! В большинстве случаев мужчины, которые оставили дом и стали учениками Иисуса, были основными кормильцами своих семей. Их решение не могло не породить тяготы,

а то и голод. Однако, считал Иисус, дело того стоит. Царство того требует. Никакие семейные узы не более важны, чем Царство: братья и сестры, жены и дети — все это не столь существенно. Неудивительно, что Иисусу приписываются следующие слова:

Если кто приходит ко мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть моим учеником…

(Лк 14:26;Мф 10:37; материал Q)[186]

Неужели человек должен «возненавидеть» свою семью? Интересно, что этому речению есть независимая параллель в Евангелии от Фомы: «Тот, кто не возненавидел своего отца и свою мать, не сможет быть моим учеником» (речение 55)[187]. Скорее всего под «возненавидеть» имеется в виду «презирать в сравнении с» или «не иметь ничего общего с». И тогда понятно отношение Иисуса к его собственной семье. Судя по всему, не только семья Иисуса не приняла его проповедь при его жизни, но и он сам резко о ней отзывался на людях[188]. Несомненно, он считал, что когда человек начинает следовать его вести о грядущем Царстве, семейные конфликты неизбежны:

Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение; ибо отныне пятеро в одном доме станут разделяться, трое против двух, и двое против трех: отец будет против сына, и сын против отца; мать против дочери, и дочь против матери; свекровь против невестки своей, и невестка против свекрови своей.

(Лк 12:51–53; Мф 10:34–46; независимо засвидетельствовано в Евангелии от Фомы, 16).

Незадолго перед концом века сего семейные конфликты обострятся: «Предаст же брат брата на смерть, и отец — детей; и восстанут дети на родителей и умертвят их» (Мк 13:12).

Антисемейные предания слишком хорошо засвидетельствованы в наших источниках (например, в Мк, Q и Евангелии от Фомы), чтобы их можно было игнорировать. Они показывают: Иисус не был сторонником «семейных ценностей». Но почему он занял такую позицию? Как мы уже говорили, в своей проповеди он исходил отнюдь не из желания построить здоровое общество. Он считал, что близок Конец, а с ним и конец нынешнему социальному устройству. А значит, крепкие семейные узы и социальные институты мира сего уже не играют роли. Подлинно значимо лишь грядущее Царство. Но проповедовать это учение и сохранять прежнюю социальную структуру невозможно: это все равно, что наливать молодое вино в старые мехи или пытаться поставить заплату из новой ткани на старую одежду. Как скажет любой винодел и любая швея, ничего хорошего не получится. Мехи лопнут, а ткань разорвется. Новому вину нужны новые мехи, а новой одежде — новая ткань. Старое проходит, и новое почти уже здесь (Мк 2:18–22; Евангелие от Фомы 47).

Иисус и Храм

Ранние предания гласят, что Иисус не только конфликтовал с другими еврейскими учителями и резко отзывался об институте семьи, но и критиковал один из центральных институтов иудаизма, иерусалимский Храм. Евангельские традиции пестрят независимыми высказываниями о том, что Храм будет разрушен: Бог осудит его. Как мы уже знаем, для большинства еврейских современников Иисуса Храм был средоточием религиозной обрядовости. Считалось, что лишь там можно приносить Богу жертвы, заповеданные в Торе. А поскольку храмовое богослужение имело столь большую значимость, Храм стоял в центре всякой политической, экономической и социальной жизни Иерусалима, столицы Иудеи.

Тем не менее в разные периоды древней истории разные еврейские пророки утверждали: Храм осквернен теми, кто заведует им. К примеру, за шесть веков до Иисуса об этом говорил пророк Иеремия, чьи многочисленные выпады против Храма и храмового руководства навлекли на его голову жестокие преследования со стороны местных властей (см. особенно Иер 7). Так думали и ессеи: они обособились от религиозной жизни

иерусалимских евреев еще и потому, что считали храмовый культ оскверненным и нечистым. Так думали и другие апокалиптические пророки вскоре после Иисуса, включая того, о котором рассказывает еврейский историк Иосиф Флавий. Звали его — занятное совпадение! — также Иисус. Он был сыном некоего Анана. Лет через тридцать после Иисуса, этот другой Иисус возвещал, что вскоре Бог разрушит Иерусалим и Храм. Еврейские власти арестовали его и привели на суд как смутьяна. Его бичевали и отпустили, но он продолжал свои горестные восклицания о Храме, доколе не был случайно убит во время осады Иерусалима в ходе антиримского восстания 66–70 годов: в него попал камень, брошенный катапультой.

Согласно преданиям, Иисус также предрекал гибель Храма. Наиболее известное высказывание на сей счет содержится в важном собрании Иисусовых речений из древнейшего Евангелия:

И когда выходил он из храма, говорит ему один из учеников его: Учитель! посмотри, какие камни и какие здания! Иисус сказал ему в ответ: видишь сии великие здания? все это будет разрушено, так что не останется здесь камня на камне.

(Мк 13:1–2)

Иногда Иисусу приписывали желание разрушить Храм. Например, как пишет Марк, на его суде лжесвидетели уверяли: «Мы слышали, как он говорил: я разрушу храм сей рукотворенный, и через три дня воздвигну другой, нерукотворенный» (Мк 14:58), а во время казни прохожие говорили: «Э! разрушающий храм, и в три дня созидающий!» (Мк 15:29). Независимое свидетельство о чем-то подобном мы находим в четвертом Евангелии, где Иисус говорит своим еврейским оппонентам: «Разрушьте храм сей, и я в три дня воздвигну его» (Ин 2:19). А вот еще один независимый источник: в Деяниях Апостолов лжесвидетели утверждали, будто Стефан «говорил, что Иисус Назорей уничтожит место сие и переменит обычаи, которые передал нам Моисей» (Деян 6:14). Даже в Евангелии от Фомы мы находим сходное высказывание. В нем Иисус говорит: «Я разрушу этот дом, и нет никого, кто сможет построить его еще раз» (речение 71)[189].

Таким образом, сведения о том, что Иисус говорил о разрушении Храма, встречаются во многих источниках. Говорил ли он, что разрушит Храм лично? Здесь не работает критерий по несходству: христиане, считавшие Иисуса всемогущим Господом, вполне могли придать высказываниям такую формулировку, дабы показать, что после смерти он «расквитается» с евреями, разрушив их Храм. Контекстуальное правдоподобие также сомнительно: сложно представить себе Иисуса, в одиночку демонтирующего здания. Вызывает недоверие и идея, которую мы находим в Евангелии от Иоанна: будто говоря о разрушении и восстановлении Храма в три дня, Иисус имел в виду свое тело (Ин 2:21).

Говорил ли Иисус вообще о разрушении Храма? Некоторые отрицают это на основании критерия по несходству и говорят, что поскольку Храм действительно был разрушен римлянами в 70 году н. э., достоверность предсказаний о разрушении находится под вопросом: дескать, христиане вложили пророчества в уста Иисуса задним числом, чтобы показать его пророческую силу. Однако большинство исследователей считают такой скепсис чрезмерным, поскольку предсказания о разрушении Храма соответствуют другим критериям.

• *Критерий по множеству свидетельств.* Эти предсказания есть в Евангелиях от Марка, Иоанна и Фомы, а также в Деяниях Апостолов.

• *Критерий по несходству.* Как минимум в одном отношении он применим к древнейшей форме этих высказываний: у Марка Иисус говорит, что «не останется и камня на камне», а в буквальном смысле это не сбылось.

Любой желающий может в этом убедиться и в наши дни, наведавшись к Стене Плача в Иерусалиме. Человек, знакомый с деталями разрушения, не выдумал бы такое предсказание.

• *Критерий по контекстуальному правдоподобию.* В истории Израиля существовали и другие пророки, которые говорили, что еврейский народ отошел от Бога и будет наказан разрушением своего центрального места богослужения.

Вполне возможно, что Иисус предсказывал разрушение Храма при явлении Сына Человеческого, который покарает богоотступников.

Что и говорить, учение радикальное. Получалось, что Божий Храм и жертвоприношения в нем, предписанные самим Законом Моисеевым, противоречат воле Божьей. Неудивительно, что еврейские вожди в Иерусалиме были оскорблены и сочли Иисуса опасным смутьяном.

Свою роль мог сыграть и один из самых хорошо засвидетельствованных случаев в жизни Иисуса. В синоптических Евангелиях Иисус проповедует все время в Галилее, а в последнюю неделю жизни отправляется в Иерусалим для празднования Пасхи. В историческом плане это абсолютно правдоподобно. Путешествие в Иерусалим можно понять в свете апокалиптической миссии Иисуса. Судя по всему, Иисус считал, что скоро придет Конец, а потому евреи должны покаяться перед явлением Сына Человеческого. Возвестив эту весть у себя на родине в галилейской провинции, он явился с ней в Иерусалим (как о том говорят Евангелия). Почему Иерусалим? Потому что это средоточие иудаизма. Почему на Пасху? Потому что на Пасху в город стекались большие толпы паломников со всего мира. Это была идеальная возможность донести свое учение до как можно более широких масс.

Согласно ранним преданиям, Иисус, придя в город, вошел на храмовую территорию и произвел там волнение. Если верить Евангелию от Марка, самому древнему из известных нам Евангелий, волнение было нешуточным: Иисус единолично приостановил функционирование культа (Мк 11:15–16). Это совершенно неправдоподобно: храмовый комплекс был огромным, охватывал площадь приблизительно 500 х 325 метров, — на ней могли бы уместиться двадцать пять американских футбольных полей (включая очковые зоны). В нем работали сотни священников, а жертвы совершали сотни евреев. Наивно полагать, что один человек способен приостановить процесс, перевернув несколько столов и сказав резкие слова. Однако событие меньшего масштаба вполне могло иметь место:

• об акции Иисуса свидетельствуют два источника (Марк и Иоанн);

• акция Иисуса логична с учетом его воззрений на оскверненность и предстоящую гибель Храма;

• акция Иисуса объясняет, почему местные власти (саддукеи и первосвященники, заведовавшие Храмом) решили арестовать Иисуса как смутьяна.

Ранние повествования сообщают, что Иисус изгнал тех, кто продавал жертвенных животных, а также перевернул столы менял и процитировал слова Иеремии:

Не написано ли: Дом Мой домом молитвы наречется для всех народов? А вы сделали его вертепом разбойников.
(Мк 11:17).

Христиане привыкли возмущаться этими продавцами и менялами, но для храмового культа они были очень важны. Евреи приходили в Иерусалим издалека и не могли приводить животных с собой. Храм обеспечивал возможность купить животных на месте. Однако покупать их на римские монеты было невозможно: на них был изображен римский император, а изображения евреям не дозволялись, особенно в Храме. Отсюда вытекала необходимость в менялах.

Нечто возмутило в этом Иисуса, и он отреагировал жестко. Мы не знаем, почему. Быть может, он считал храмовый культ прогнившим, — как и ессеи, отказывавшиеся участвовать в храмовых богослужениях. Или ему было противно, что кто-то наживается на богопочитании. Еще один вариант (возможно, не исключающий, а дополняющий, предыдущие): действия Иисуса носили символический характер[190]. Если Иисус предсказывал разрушение Храма при грядущем Суде (что весьма вероятно), переворачивание столов может быть

апокалиптической притчей: Иисус намекал на будущую судьбу места. Бог обрекает на гибель не только таких своих врагов, как римляне, но даже религиозные институты и религиозных вождей своего народа.

Да, Иисус подходил к делу очень радикально. И вожди его поняли. Как гласят ранние предания, в последующие дни они внимательно следили за Иисусом. Видя, что он собирает толпы, они решили пресечь волнения (тем более нежелательные во время еврейской Пасхи) и арестовать Иисуса, убрать его с дороги.

Смерть Иисуса

Ранние источники уделяют намного больше внимания последним дням и часам Иисуса, чем любому другому периоду его жизни. Евангелие от Марка, самое древнее из известных Евангелий, уделяет проповеди Иисуса в Галилее (не сказано, сколько она продолжалась) десять глав, а последней неделе — шесть глав. Евангелие от Иоанна, самое последнее из канонических Евангелий, отводит одиннадцать глав на трехлетнюю проповедь и десять — на события последней недели. К несчастью, далеко не все материалы в этих главах выдерживают испытание критериями достоверности. Однако можно констатировать, что один из учеников Иисуса предал его еврейским властям; еврейские власти выдали Иисуса наместнику Понтию Пилату, который был в городе для поддержания порядка во время праздника; после короткого разбирательства Пилат отдал приказ о казни. Все эти факты имеют смысл в свете апокалиптического провозвестия Иисуса.

Согласно древнейшим повествованиям Матфея, Марка и Луки, Иисус пришел в Иерусалим за неделю до Пасхи. Это правдоподобно, ибо соответствует обычной практике: чтобы совершить обряды очищения, Храм навещали за неделю до праздника. По сообщению источников, большую часть последней недели Иисус возвещал народу апокалиптическую весть. Он также произнес ряд апокалиптических предсказаний (Мк 13). Матфей, Марк и Лука — в отличие от Иоанна! — полагают, что Иисус отпраздновал пасхальную трапезу с учениками, на которой установил вечерю Господню (Мк 14). Хотя об этом событии рассказывает и апостол Павел, оно едва ли имело место: Иисус предсказывает в ярких деталях, как его тело будет преломлено, а кровь пролита за людей — типичная христианская тема. Впрочем, Иисус вполне мог подозревать, что его время истекает. Не требуется божественного откровения, чтобы предугадать реакцию властей на обличения, тем более что ему наверняка была памятна судьба еврейских пророков, поплатившихся за свои резкие выступления.

Есть веские причины считать, что Иисус действительно был предан Иудой Искариотом, одним из своих учеников.

• *Критерий по множеству свидетельств.* О предательстве говорит ряд независимых источников: Марк (Мк 14:10–11, 43–50), М (Мф 27:3-10), Иоанн (Ин 18:1-11) и Деяния Апостолов (Деян 1:15–20).

• *Критерий по несходству.* Христиане не стали бы такое выдумывать. Как получилось, что Иисус избрал себе *такого* ученика?

Почему Иуда совершил предательство? Этого мы не знаем, хотя в предположениях недостатка нет[191]. Быть может, Иуда просто продал Иисуса. Или вообще был подловат (если говорить богословским языком Нового Завета, им двигал дьявол). А может, испытал разочарование, когда Иисус отказался публично взять на себя мессианскую роль. Еще один вариант: хотел спровоцировать Иисуса на то, чтобы тот позвал на помощь народ. Кто знает…

Есть, однако, вопрос, который по-своему даже более любопытен: *что именно* выдал властям Иуда Искариот? Самый простой ответ дают евангелисты: он рассказал, где Иисус

скрывается, чтобы арест произошел без лишнего шума. Но неужели власти не могли попросту выследить Иисуса?

Значит, стоит задуматься и над другой возможностью. Подробно я говорил о ней в книге о Евангелии от Иуды, а здесь лишь резюмирую ее[192]. В евангельских повествованиях о казни Иисуса есть странная деталь: Пилат приговаривает Иисуса к распятию за то, что тот называл себя царем Иудейским. Этот факт засвидетельствован во множестве преданий. Он также удовлетворяет критерию по несходству: насколько мы можем судить, ранние христиане не использовали такой христологический титул. Христиане называли Иисуса Сыном Божиим, Сыном Человеческим, Господом, Мессией и много кем еще, но не царем Иудейским (во всяком случае, в Новом Завете). Вряд ли они выдумали такое обвинение. Скорее всего, они лишь воспроизвели то, в чем Иисуса действительно обвинили.

Однако вот закавыка: в наших источниках Иисус *не* называет себя царем Иудейским. Неужели его казнили, ложно приписав ему это притязание? Но вспомним, Иисус говорил, что в грядущем Царстве Божием Двенадцать (включая Иуду) воссядут на престолы, то есть станут правителями. Мы высказали гипотезу: Иисус считал, что его роль вождя Двенадцати сохранится и в будущем веке, он будет царем в грядущем Царстве. Судя по всему, он не афишировал это мнение. Однако, похоже, что так он учил учеников.

Так что же выдал властям Иуда? Возможно, он раскрыл инсайдерскую информацию: Иисус называет себя будущим царем. Отметим: Иисуса казнили не за то, что он называл себя Сыном Божиим, Сыном Человеческим, Господом или даже Богом. Его казнили за то, что он объявлял себя Мессией, Помазанником Божиим, царем Иудейским. И вполне вероятно, что сообщил об этом властям Иуда Искариот.

Очевидно, Иисуса арестовали именно еврейские власти: они заведовали всеми местными гражданскими делами. Евангелисты рассказывают о судебном разбирательстве в Синедрионе, но большая часть информации о его ходе имеет сомнительную достоверность. На суде не было учеников Иисуса: лишь сам Иисус и еврейские начальники. Записей никто не вел. Вряд ли эти начальники стали бы рассказывать христианам подробности (даже если помнили их). Да и сам Иисус не мог рассказать: он сидел под арестом, а на следующее утро его казнили. Ясно одно: еврейские власти не осудили Иисуса по еврейскому закону, а передали его Пилату.

Как проходило слушание у Пилата, мы точно не знаем: нет надежных источников. Известно, однако, что окончательное обвинение гласило: Иисус называл себя царем Иудейским. Это политическое обвинение, чему удивляться не приходится: Пилат занимался лишь политическими вопросами. До внутрииудейских диспутов о религиозных традициях ему не было дела. Зная обвинение, мы можем предположить, что произошло на суде. Пилату сообщили об измене: есть человек, который называет себя царем, — а ведь царей могли назначать лишь римляне. Коль скоро Иисуса римляне не назначали, получалось, что он совершил противоправное действие. И вообще, чтобы стать царем, ему пришлось бы сначала свергнуть власть римлян!

Разумеется, Иисус смотрел на вещи иначе. Он был апокалиптиком: считал, что Бог скоро вмешается в мировую историю, погубит римлян и всех остальных своих врагов, а затем установит на земле свое царство. И тогда, думал Иисус, он получит от Бога престол. Возможно, Пилат лишь задал ему несколько вопросов: выяснил, что скажет Иисус в ответ на обвинение. Иисус не мог отрицать, что называет себя царем Иудейским. Он действительно считал себя царем! Значит, на допросе он либо молчал, либо ответил утвердительно.

Пилату больше ничего и не требовалось. У него было забот по горло, — к чему вникать глубже? Как наместник, он имел власть казнить и миловать, и не видел необходимости апеллировать к римскому федеральному закону. (Большей частью такого закона и не

существовало.) Со смутьянами обычно был разговор короткий. Иисуса приговорили к распятию. Не исключено, что весь суд занял от силы пару минут.

Приговор быстро привели в исполнение. Как сообщают источники, солдаты подвергли Иисуса бичеванию и отвели на место казни, которое, видимо, находилось вне городских стен. Прежде чем кто-либо узнал об этом, апокалиптический проповедник оказался на кресте. Согласно нашему древнейшему повествованию, Иисус умер через шесть часов.

Заключение Иисус и мифологисты

В прошлом году на национальной встрече Американской гуманистической ассоциации меня удостоили премии за религиозную свободу. До того как я посетил эту встречу в Кембридже (штат Массачусетс), я почти ничего не знал об этой ассоциации. Оказывается, раз в год четыреста или пятьсот гуманистов собираются для обсуждения вопросов, которые их интересуют, устраивают конференции и семинары и стараются продвигать в обществе гуманистические идеалы. Слово «гуманист» имеет для них позитивный смысл: предполагается его связь с лучшей стороной человеческой натуры. Однако есть и негативный подтекст, который всплывает на конференциях и едва ли не в каждой публичной дискуссии: речь идет о человеке *без Бога.* Гуманизм мыслится как противоположность теизму. Это собрание неверующих, которые верят в возможность сделать жизнь общества в целом и отдельных людей в частности счастливее, полноценнее, успешнее и здоровее. Большей частью это агностики и атеисты.

Идеалы ассоциации мне близки. Ведь я и сам агностик. Я считаю, что жить счастливой, полноценной и осмысленной жизнью, не имея христианской (или какой-либо иной) веры, не только возможно, но и желательно. Мне кажется, у меня это получается. Я радуюсь жизни и не мог бы пожелать другим ничего лучшего.

Однако меня поразило, насколько *религиозны* заседания гуманистов. Я каждый год бываю на встречах Общества библейской литературы, конференциях по раннехристианским текстам и т. д. И не помню, чтобы где-то было столько разговоров о личной религии как в Американской гуманистической ассоциации, хотя она и стремится обустроить свою жизнь без религии.

Как такое могло получиться? Возможно, в нашем обществе практически невозможно говорить о смысле и самореализации без упоминания о религии, и гуманисты подстраиваются под доминирующий дискурс. Поэтому на собраниях и семинарах они обсуждают, как разговаривать с близкими, если ты оставил веру, или как относиться к религии в школах (например, к общей молитве и креационизму), как медитировать вне религиозных структур (например, в буддийском ключе). Всякий раз гуманизм соотносят с чем-то еще. Это особенно ясно видно, когда гуманисты описывают свои убеждения через отрицание: «агностицизм» (позиция, согласно которой мы не знаем, есть Бог или нет) и «атеизм» (неверие в Бога). Даже описание ассоциации на ее сайте содержит противопоставление разным течениям: «Гуманизм — это прогрессивное мировоззрение, которое без теизма и веры в сверхъестественное утверждает нашу способность и наш долг жить порядочной жизнью, самореализовываться и содействовать благу человечества».

Хотя я изумился такому количеству разговоров о религии среди гуманистов, меня ничуть не удивило, что многие из них — во всяком случае, многие из тех, с кем я беседовал, — мифологисты или сочувствующие мифологизму. Они с удовольствием читают Роберта Прайса, Эрла Догерти и других подобных авторов. Многие из них были в шоке, когда узнали, что я стою на иных позициях и считаю несомненным, что Иисус из Назарета — реальная историческая личность, о которой нам многое известно (в частности, что Иисус был распят при Понтии Пилате).

Проблема исторического *Иисуса*

Парадоксальным образом, мифологисты оказывают худую услугу гуманистам, для которых пишут. Отстаивая крайне маргинальную теорию, они выставляют себя на посмешище. Их обвиняют в интеллектуальной нечестности. А ведь для осуществления их целей (о которых я скажу ниже) все это не нужно! Реальная проблема с христианской верой состоит не в том, что Иисус — миф и выдумка. Проблема в противоположном: как осознал еще Альберт Швейцер, Иисус *слишком* хорошо очерчивается как реальная фигура.

Большинство проповедников, пасторов и священников некритично полагают, что Иисуса легко сделать актуальным для нашего времени. На самом деле, Иисус был далек и от XXI века, и от современной нам Америки (как, впрочем, и Англии, и Германии, и любой другой страны). Это палестинский еврей I века. Он был не похож на нас, и если мы сделаем его таким, как мы, мы превратим исторического Иисуса в фигуру, которую изобрели для себя и своих нужд.

Иисус не узнал бы себя в христианских проповедях, а наш мир был бы ему чужим. Человек, далекий от капитализма, он не верил в свободное предпринимательство и считал, что стяжать богатство — плохо. Он не был сторонником всеобщего образования, а о демократии даже не слышал. Не знал о хождении в церковь по воскресеньям, социальном страховании, продуктовых талонах, благотворительности, американской «исключительности», статистике безработицы и иммиграции. Не имел воззрений по вопросам налоговой реформы, социального государства и здравоохранения (лишь желание вылечить прокаженных). Не высказывался по таким злободневным для нас проблемам, как аборты, репродуктивные права, однополые браки, эвтаназия и бомбежки Ирака. Он жил в совершенно ином мире, имел совершенно иные заботы и даже иные взгляды. *Никакие* современные политические концепции не были бы ему близки.

Это еврей I века. Пытаясь превратить его в нашего современника, мы искажаем его образ и весть. Он верил в сверхъестественное. Верил в дьявола и злых духов и в то, что эти злые силы действуют в мире. Он почти ничего не знал об устройстве Римской империи, но то немногое, что знал, считал злом. Не исключено, что он считал плохим всякое правительство за исключением грядущей теократии, когда Бог будет править через Мессию.

Он думал, что злые силы все больше и больше довлеют в мире, но вскоре этому придет конец, в истории наступит перелом. Наступит через вмешательство Бога, а не через усиление демократии, национальной обороны, системы образования или борьбы с наркотиками. Одним словом, не через усилия человека. Усилия человека тщетны, но Бог пошлет великого Судью, который установит на земле Царство Божие. Под Судьей Иисус не имел в виду самого себя. И он считал, что ждать осталось недолго, всего лишь несколько лет.

В этом Иисус ошибался. И далеко не только в этом. Люди не хотят этого слышать, но факт есть факт. Иисус был человеком своего времени. И как и все люди своего времени, он заблуждался во многом. Да и мы во многом заблуждаемся…

Мы не можем вырвать Иисуса из его времени и переселить на нашу почву. Это значило бы создать его заново, заменить реального Иисуса на фантастического, выдуманного в угоду нашим целям. Впрочем, исказить образ Иисуса не так просто. Он не поддается! Иисус остается в своем времени! Одна мода сменяет другую, а с ней и очередные новомодные реконструкции Иисуса, но реальный исторический Иисус не исчезает — апокалиптический пророк, который ждал, что еще при жизни его поколения Бог покончит с силами зла, установит свое Царство, а самого Иисуса возведет на трон. *Таков* исторический Иисус. На современный вкус он слишком принадлежит прошлому. Вот почему столь многие христиане пытаются его реформировать.

Замысел мифологистов

По-моему, гуманистам, агностикам, атеистам и прочим нехристианам лучше придерживаться позиции, что реальный Иисус отличался от Иисуса проповедуемого, чем ошибочно и контрпродуктивно доказывать, что Иисус не существовал. Ибо Иисус *существовал.* Он просто не был таким, каким его хочется видеть большинству верующих.

Тогда почему же мифологисты убеждают всех, что он не существовал? Задавая этот вопрос, я имею в виду не научные аргументы — их хлипкость мы уже показали, — а предлагаю копнуть поглубже: в чем состоит общий замысел? Почему мифологисты лезут из кожи вон, чтобы опровергнуть существование Иисуса? Конечно, чужая душа потемки, но выскажу одну догадку.

Обратим внимание: почти все мифологисты — либо атеисты, либо агностики. Лично я других даже не знаю. Те, о ком я что-то знаю, — убежденные и даже воинствующие атеисты. На первый взгляд это естественно: кто еще станет доказывать, что Иисус не существовал? Однако все не так просто. Ведь вопрос о том, существовал Иисус или нет, не имеет ни малейшего отношения к вопросу о том, есть *Бог* или нет. Значит, мы возвращаемся к вопросу: почему убежденные атеисты и агностики стараются доказать, что Иисус не существовал?

Не будем забывать очевидный факт: все мифологисты живут в христианском мире, в мире, где христианство исповедуют огромное число людей. Конечно, есть много иудеев и мусульман, а также некоторое количество буддистов, индусов и представителей других известных религий. Однако большинство верующих из числа наших знакомых — христиане. А мифологисты — убежденные антирелигиозники. Соответственно, чтобы опровергнуть религию, нужно опровергнуть именно *христианскую* форму религии. Отсюда идет попытка решить вопрос в корне: доказать, что фигура, которой поклоняются христиане, никогда не существовала. Мифологисты думают: если они докажут, что Иисус — на котором основано христианство, — фикция, религиозность миллиардов людей рассыплется в прах. (Правда, я не исключаю, что христианство может выжить и без исторического Иисуса. Но это уже другой вопрос, и для этого надо писать отдельную книгу.)

Парадоксальная вещь! Подобно тому, как секулярные гуманисты часами беседуют о религии на своих ежегодных встречах, мифологистами движут вовсе не научные соображения. Их программа носит *религиозный* характер. Это религиозные идеологи. Они занимаются не историческим исследованием, а богословием.

Правда, богословствуют они с целью уничтожить традиционную религию. Однако их нападки основаны не на науке, а на религиозных взглядах.

Но почему мифологисты ополчились на традиционную религию? Они считают, что христианство — наиболее известная им религия — принесла в истории больше бед, чем пользы. Скажем, мифологисты смотрят на систему образования и видят, как ревностные христиане выступают под флагом невежества, пытаясь дискредитировать эволюционную теорию и преподавать креационизм. Смотрят на общество и видят, как христианами благословлялось рабство, как многие христиане отказываются предоставить женщинам репродуктивные права, отрицают возможность однополой любви и однополых браков. Смотрят на политическую сцену и видят, как правые навязывают обществу религиозные верования и проталкивают тех политиков, которые поддерживают определенные религиозные инициативы, — даже если эти политики невежественны или плохо относятся к беднякам и приезжим.

Должен признаться, эти тревоги мне очень близки. Однако я историк. Я думаю, что нельзя переписывать прошлое в угоду идеологии. Ученый должен следовать научной методологии, отбрасывая свои личные вкусы и предпочтения.

Далее. Я согласен с мифологистами, что во имя Христа творилось и творится много зла: не только инквизиция и крестовые походы, — даже в наше время есть много плохого. Однако

я вижу, что во имя Христа также делалось и делается огромное количество добра. И в одиночку, и сообща, добронамеренные и трудолюбивые христиане принесли миру очень, очень много хорошего.

И все же ни добро во имя Христа, ни зло во имя Христа не имеют значение для меня как историка, когда я пытаюсь реконструировать события прошлого. Я отказываюсь приносить прошлое в жертву собственным социальным и политическим идеалам, сколь угодно достойным. И другим не следует этого делать.

А Иисус, нравится нам это или не нравится, существовал.

Примечания

1

В русском переводе Библия цитируется по Синодальному переводу за исключением оговоренных случаев. В некоторых местах в перевод внесены небольшие изменения в соответствии с пониманием текста Б. Эрманом. — Прим. пер.

2

Earl Doherty, Jesus: Neither God nor Man: The Case for a Mythical Jesus (Ottawa, ON: Age of Reason Publications, 2009), vii-viii. Это значительно расширенная и кое-где пересмотренная версия прежней книги Догерти, которую иногда называют классикой современного мифологизма: The Jesus Puzzle: Did Christianity Begin with a Mythical Christ? (Ottawa, ON: Age of Reason Publications, 1999).

3

Albert Schweitzer, The Quest of the Historical Jesus, ed. John Bowden (1906; repr.; Minneapolis: Fortress Press, 2001), 478. Одобрительно цитируется в: Tom Harpur, The Pagan Christ (New York: Walker & Co., 2004), 166. Харпер знает, что Швейцер признавал историчность Иисуса, но то, как он цитирует данный отрывок, может создать у неосведомленного читателя иное впечатление.

4

Подробнее о первых мифологистах см. в: Schweitzer, Quest, главы 22 и 23 (Швейцер добавил эти главы лишь после успеха первого издания книги). Также краток, но полезен обзор в: Archibald Robertson, Jesus: Myth or History? (London: Watts & Co., 1946). См. также Jonathan Z. Smith, Drudgery Divine (Chicago: University of Chicago Press, 1990), глава 1.

5

См. Schweitzer, Quest, глава 11.

6

J. M. Robertson, Christianity and Mythology (2nd ed.; London: Watts & Co., 1910).

7

См. Schweitzer, Quest, 381–389.

8

Robert M. Price, The Incredible Shrinking Son of Man: How Reliable Is the Gospel Tradition? (Amherst, NY: Prometheus Books, 2003); Price, The Christ-Myth Theory and Its Problems (Cranford, NJ: American Atheist Press, 2011).

9

Frank Zindler, Religions and Scriptures, vol. I of Through Atheist Eyes: Scenes from a World That Won ’t Reason (Cranford, NJ: American Atheist Press, 2011)

10

Thomas L. Thompson, The Messiah Myth: The Near Eastern Roots of Jesus and David (New York: Basic Books, 2005).

11

A. Robertson, Jesus: Myth or History? 107.

12

George A. Wells, Did Jesus Exist? (2nd ed.; Amherst, NY: Prometheus Books, 1986). См. также последующие его книги, в большинстве которых его аргументация не претерпевает сильных изменений и модификаций (см., однако, прим. 20): The Historical Evidence for Jesus (Amherst, NY: Prometheus Books, 1988); The Jesus Legend (Peru, IL: Carus, 1996); Cutting Jesus Down to Size: What Higher Criticism Has Achieved and Where It Leaves Christianity (Chicago: Open Court, 2009); "Is There Independent Confirmation of What the Gospels Say of Jesus?" Free Inquiry 31 (2011), 19–25.

13

A. Robertson, Jesus: Myth or History? x.

14

John P. Meier, A Marginal Jew: Rethinking the Historical Jesus (New York: Doubleday, 1991), 1:87.

15

I. Howard Marshall, I Believe in the Historical Jesus (Grand Rapids: Eerdmans, 1977). Впрочем, критика в этом абзаце дополнена пространным примечанием.

16

Серьезно относятся к мифологистам немецкие новозаветники Герд Тайсен и Аннет Мерц: Gerd Theissen & Annette Merz, The Historical Jesus: A Comprehensive Guide (Minneapolis: Fortress Press, 1998), 122–123.

17

D. A. Murdock, The Christ Conspiracy: The Greatest Story Ever Sold (Kempton, IL: Adventures Unlimited, 1999).

18

Murdock, Christ Conspiracy, 21.

19

Murdock, Christ Conspiracy, 154.

20

Timothy Freke & Peter Gandy, The Jesus Mysteries: Was the «Original Jesus» a Pagan God? (New York: Three Rivers Press, 1999), 2.

21

Хорошее и четкое современное изложение мифологической теории см. в: George A. Wells, «Independent Confirmation». Как будет ясно, в одном важном вопросе Уэллс расходится с другими мифологистами: он не возводит инвенцию исторического Иисуса к мифам о языческих богах. По его мнению, образ Иисуса уходит корнями в еврейские традиции Премудрости, в которых Премудрость Божия была персонифицированной: она была с Богом при сотворении мира, а затем посещала людей (см., напр., Притч 8).

22

Robert Price, The Christ-Myth Theory and Its Problems (Cranford, NJ: American Atheist Press, 2011), 15.

23

Единственное исключение в новозаветных Евангелиях мог бы составлять знаменитый рассказ о женщине, взятой в прелюбодеянии (Ин. 8): когда решается вопрос об обвинении женщины, Иисус что-то пишет на земле (прежде чем сказать: «Кто из вас без греха, первый

брось на нее камень»). К сожалению, данный отрывок не входил в первоначальный текст Евангелия от Иоанна, а был добавлен позднее. См. Bart D. Ehrman, Misquoting Jesus: The Story Behind Who Changed the Bible and Why (San Francisco: Harper San Francisco, 2005), 63–65. Еще Иисус пишет буквально и паре поздних легенд. Одна из них — знаменитая «Переписка царя Авгаря с Иисусом Христом»: Авгарь просит об исцелении, а Иисус посылает вежливое ответное письмо. См. перевод обоих писем в: Bart D. Ehrman & Zlatko Plese, The Apocryphal Gospels: Texts and Translations (New York: Oxford University Press, 2011), 413–417.

24

В этой книге я использую слово «язычник» без уничижительного подтекста. Так историки обозначают всех, кто придерживался в древности одной из политеистических религий, то есть не исповедовал ни иудаизм, ни христианство. Как исторический термин слово «язычник» не имеет негативных коннотаций.

25

См. Daniel Schwartz, «Pontius Pilate», Anchor Bible Dictionary, cd. David Noel Friedman (New York: Doubleday, 1992) 5:395–401.

26

William Harris, Ancient Literacy (Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1989).

27

Catherine Hezser, Jewish Literacy in Roman Palestine (Tbbingen: Mohr Siebeck 2001).

28

Об источниках евангелистов см. подробнее Bart D. Ehrman, The New Testament: A Historical Introduction to the Early Christian Writings, 5th ed. (New York: Oxford University Press, 2011), главы 8 и 12.

29

Число известных нам внеканонических Евангелий превышает сорок. Некоторые из них сохранились лишь во фрагментах. С их текстами можно ознакомиться по изданию: Ehrman & Plese, Apocryphal Gospels.

30

См. Hezser, Jewish Literacy, особенно 422–426.

31

Хороший перевод этого письма, а также других источников, которые я упоминаю в этой главе, см. в: Robert M. Grant, Second Century Christianity: A Collection of Fragments, 2nd ed. (Louisville: Westminster John Knox Press, 2003), 4—12. [Русский перевод см. в: Письма Плиния Младшего: книги 1-Х, изд. М.Е. Сергеенко и А.И. Доватур (2-е переработанное издание; Москва: Наука, 1982). Здесь и далее письма Плиния цит. по пер. М.Е. Сергеенко. — Прим. пер.]

32

Цит. по пер. М.Л. Гаспарова. — Прим. пер.

33

Здесь и далее цит. по пер. А.С. Бобовича. — Прим. пер.

34

Эту точку зрения мы находим, например, в: Тот Harpur, The Pagan Christ (New York: Walker & Co., 2004), 162.

35

Иосифу Флавию посвящено множество научных работ. В связи с тематикой нашей дискуссии см. особенно Steve Mason, Josephus and the New Testament, 2nd ed. (Grand Rapids: Baker Academic, 2002).

36

Здесь и далее цит. по пер. Г. Н. Генкеля. — Прим. пер.

37

См. анализ в: John P. Meier, A Marginal Jew: Reconsidering the Historical Jesus (New York: Doubleday, 1991), 59–69.

38

См. Meier, A Marginal Jew, 59–69.

39

Doherty, Jesus: Neither God nor Man, 534; см. анализ на сс. 533—86.

40

Doherty, Jesus: Neither God nor Man, 535.

41

Об апологетах см.: R. M. Grant, Greek Apologists of the Second Century (Louisville, KY: Westminster John Knox Press, 1988); Eugene Gallagher, Divine Man or Magician? Celsus and Origen on Jesus (Atlanta: Scholars Press, 1982).

42

Doherty, Jesus: Neither God nor Man, 562.

43

Ken Olson, «Eusebius and the Testimonium Flavianum», Catholic Biblical Quarterly 61 (1999), 305–322.

44

J. Carleton Paget, «Some Observations on Josephus and Christianity», Journal of Theological Studies 52, no. 2 (2001), 539–624; Alice Whealey, «Josephus, Eusebius of Caesarea, and the Testimonium Flavianum», in Josephus und das Neue Testament, ed. Christfried Bottrich & Jens Herzer (Tubingen: Mohr Siebeck, 2007), 73-116.

45

Конечно, надо еще подождать, что Олсон напишет в своей докторской диссертации и что ему возразят специалисты по Иосифу и Евсевию. Впрочем, чем бы ни закончилась дискуссия, мои доводы в пользу историчности Иисуса не зависят от аутентичности Testimonium (хотя я считаю отрывок в своей основе аутентичным).

46

По самым осторожным оценкам, численность составляла несколько менее одного миллиона человек. См. Magen Broshi, Bread, Wine, Walls, and Scrolls (Sheffield, Eng.: Sheffield Academic Press, 2002).

47

Здесь я просто резюмирую то, о чем сказал в другой своей книге: Bart Ehrman, Jesus: Apocalyptic Prophet of the New Millennium (Oxford: Oxford University Press, 1999), 62–63. Более подробные дискуссии см. в классических исследованиях: R. Travers Herford, Christianity in Talmud and Midrash (New York: Ktav, 1903); Morris Goldstein, Jesus in the Jewish Tradition (New York: Macmillan, 1950).

48

Здесь нет возможности на них останавливаться, поэтому отсылаю читателя к другим книгам, в частности, моему учебнику: The New Testament: A Historical Introduction to the Early

Christian Writings, 5th ed. (New York: Oxford University Press, 2011), глава 8. В библиографии к этой главе указана и некоторая дополнительная литература.

49

См. Robert Kysar, John the Maverick Gospel, 3rd ed. (Louisville, KY: Westminster John Knox Press, 2007).

50

Некоторые исследователи считают, что Иоанн знал и использовал синоптические Евангелия, но это маловероятно. Впрочем, даже если это и так, в его Евангелии содержатся многочисленные эпизоды, отсутствующие у синоптиков, а значит, не заимствованные у синоптиков. По данному вопросу см. D. Moody Smith, John Amongthe Gospels, 2nd ed. (Columbia: University of South Carolina Press, 2001).

51

Новый перевод Евангелия от Фомы сделал Златко Плеше: см. Bart Ehrman & Zlatko Plese, The Apocryphal Gospels: Texts and Translations (New York: Oxford University Press, 2011), 310–335. О содержании и богословии этого Евангелия см. мою книгу: Lost Christianities: The Battle for Scripture and the Faiths We Never Knew (New York: Oxford University Press, 2003), глава 3.

52

Перевод Евангелия от Петра см. в: Ehrman & Plese, The Apocryphal Gospels, 371–387. О содержании и богословии этого Евангелия см. мою книгу: Lost Christianities, глава 1.

53

Полный комментарий на Евангелие от Петра см. в: Paul Foster, The Gospel of Peter (Leiden: Brill, 2010).

54

Перевод этого текста и краткий рассказ о нем см. в: Ehrman & Plese, The Apocryphal Gospels, 245–253.

55

От этого эпизода остались совсем уж обрывочные фразы. Иисус находится у Иордана и, видимо, совершает чудо (для иллюстрации притчи о чудесном росте семени?).

56

См. Ehrman, New Testament, глава 8.

57

Марк Гудакр энергично полемизирует с гипотезой о Q и пытается доказать, что Лука пользовался Евангелием от Матфея: Mark Goodacre, The Case Against Q: Studies in Markan Priority and the Synoptic Problem (Harrisburg, PA: Trinity Press International, 2002). Его аргументы весьма интересны, но все-таки не убедили большинство специалистов.

58

Joel Marcus, Mark: A New Translation with Introduction and Commentary, 2 vols., Anchor Bible Commentary (New York: Doubleday, 2000–2009).

59

См. некоторые аргументы в моей книге: Ehrman, New Testament, глава 12.

60

April D. DeConick, The Original Gospel of Thomas in Translation (London: T & T Clark, 2006). Менее убедительны доводы Джона Доминика Кроссана относительно Евангелия от Петра: John Dominic Crossan, The Cross That Spoke: The Origins of the Passion Narrative (San Francisco: Harper San Francisco, 1988). Однако даже если не соглашаться с радикальной идеей Кроссана, что «Евангелие Креста» предшествовало Евангелию от Марка (которое, в свою очередь, было

использовано остальными новозаветными евангелистами), есть веские основания считать, что Евангелие от Петра основано на письменных источниках.

61

См. Edgar McKnight, What Is Form Criticism? (Philadelphia: Fortress Press, 1969).

62

Краткие сведения о Папии и английский перевод всех дошедших до нас отрывков из его работ см. в: Bart D. Ehrman, The Apostolic Fathers, Loeb Classical Library (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003), 2:86-119.

63

Здесь и далее цит. по изданию: Евсевий Памфил, Церковная история (Москва: Издание Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1993). В перевод внесены незначительные коррективы, отражающие понимание текста Бартом Эрманом. — Прим. пер.

64

Английский перевод этого и следующих отрывков из Папия см. в: Ehrman, The Apostolic Fathers, 85—119.

65

Ср. Ин. 7:53-8:11.

66

Из текста непонятно, называет ли Папий «старцами» самих спутников апостолов (как и понимает Евсевий) или тех, кто был знаком с этими спутниками.

67

См. Bart D. Ehrman, Jésus, Interrupted: Revealing the Hidden Contradictions in the Bible (and Why We Don’t Know About Them) (San Francisco: HarperOne, 2009), 107–110.

68

См. Ehrman, Jesus, Interrupted, 107–110.

69

Краткие сведения о них и английский перевод можно найти в: Ehrman, Apostolic Fathers, 1:203–321.

70

Здесь и далее Послания Игнатия цит. по пер. протоиерея П. Преображенского. — Прим. пер.

71

См. Ehrman, Apostolic Fathers, 1:23–25.

72

Здесь и далее Послания Клименте цит. по пер. протоиерея П. Преображенского. — Прим. пер.

73

Такова древнейшая форма сцены крещения, которую мы находим в Евангелии от Луки. См. Bart Ehrman, The Orthodox Corruption of Scripture, 2nd ed. (New York: Oxford University Press, 2011), 73–79.

74

[2] Цит. по пер. еп. Кассиана (Безобразова). — Прим. пер.

75

См. подробнее: Bart Ehrman, Forged: Writing in the Name of God: Why the Bible 's Authors Are Not Who We Think They Are (San Francisco: Harper One, 2011), 79-114.

76

[1] См. Ehrman, Forged, 43–78.

77

См. выше главу 2. Перечислим еще раз семь независимых евангельских свидетельств: Евангелие от Марка, некоторые части Евангелий от Матфея и Луки, Евангелие от Иоанна (полностью или частично), Евангелие ог Петра, Евангелие от Фомы (полностью или частично), папирус Эджертона 2 (полностью или частично).

78

[1] Цит. по пер. еп. Кассиана (Безобразова). — *Прим. пер.*

79

Wells, *Did Jesus Exist?* 28.

80

См. Joel Marcus, Mark 8-16: A New Translation with Introduction and Commentary, Anchor Bible 27 (New Haven, CT: Yale University Press, 2009).

81

См. Victor Paul Furnish, *Jesus According to Paul* (Cambridge: Cambridge University Press, 1993).

82

Цит. по пер. еп. Кассиана (Безобразова). — Прим. пер.

83

Одно из мест у Павла, в котором иногда усматривают цитату из пророчества, а не из исторического Иисуса, содержится в 1 Кор 14:34–37. В данном отрывке апостол повелевает женщинам молчать в церквах, ибо такова «заповедь Господня». Однако есть серьезные (в том числе текстологические) основания считать, что перед нами поздняя вставка. Если так, то «заповедь Господня» относится к отрывку до 14:34, где Павел призывает соблюдать порядок во время богослужений (судя по всему, на богослужениях коринфской церкви царила сумятица). Вполне возможно, Иисус учил своих учеников вести себя пристойно, спокойно и пребывать в единстве, а не тянуть каждому одеяло на себя и устраивать беспорядок. И возможно, за призывом Павла стоит соответствующее речение, а не христианское пророчество.

84

См. примеры в: Wells, Did Jesus Exist? 19.

85

George A. Wells, The Jesus Legend (Peru, IL: Cams, 1996), 14.

86

George A. Wells, «Is There Independent Confirmation of What the Gospels Say of Jesus», Free Inquiry 31 (2011), 22.

87

Они есть в Евангелиях от Матфея и Луки, которые заимствовали их из Q

88

Одно время я не исключал, что Кифа и Петр могут быть двумя разными людьми, но сейчас пришел к выводу, что это вычурная гипотеза (как и полагают большинство ее критиков). Самый убедительный довод в пользу их идентичности — не Ин 1:42, а тот факт, что в античности ни слово «Кифа», ни слово «Петр» не было личным именем. «Петр» — «камень» по-гречески, а «Кифа» — по-арамейски. Иисус дал человеку по имени Симон

прозвище Камень. Крайне маловероятно, что два разных человека получили в одно и то же время одно и то же прозвище.

89

Согласно всем евангельским преданиям, у Иисуса было двенадцать близких учеников. В последних главах книги я объясню, почему эта информация, скорее всего, достоверна.

90

К примеру, в самых пространных посланиях Павла (Рим и 1 Кор) случаи использования имени Иисус без титулов единичны. Однако он часто говорит о «Господе».

91

Robert Price, Christ-Myth Theory, 336.

92

J. M. Robertson, Jesus and Judas: A Textual and Historical Investigation (London: Watts & Co., 1927).

93

George A. Wells, The Historical Evidence for Jesus (Amherst, NY: Prometheus Books, 1988), 168.

94

Деяния Фомы повествуют о миссионерской деятельности Фомы после воскресения Иисуса. Этот текст наиболее известен сообщением о благовестии апостола в Индии.

95

Price, Christ-Myth Theory, 336–343.

96

Price, Christ-Myth Theory, 352.

97

Price, Christ-Myth Theory, 349.

98

Здесь Прайс основывается на занимательных гипотезах Роберта Эйсенмана, которые не разделяются практически никем из ученых: см. Robert Eisenman, James, The Brother of Jesus (New York: Viking, 1997). Трезвые оценки научных воззрений на кумранитов и их рукописи см. в следующих авторитетных работах: Joseph Fitzmyer, Responses to 101 Questions on the Dead Sea Scrolls (New York: Paulist Press, 1992); Geza Vermes, The Story of the Scrolls (London: Penguin, 2010); James VanderKam, The Dead Sea Scrolls Today (Grand Rapids, MI: Eerdmans, 2010).

99

Английский перевод см. в: R. B. Wright, «Psalms of Solomon», in *The Old Testament Pseudepigrapha*, ed. James H. Charlesworth (New York: Doubleday, 1985), 2:667. [Отрывок из Псалмов Соломона цит. по пер. А.В. Смирнова. — *Прим. пер.]*

100

См. английский перевод E. Isaac в: The Old Testament Pseudepigrapha, ed. Charlesworth, 2:49.

101

Cm. John Collins, The Scepter and the Star: Messianism in Light of the Dead Sea Scrolls, 2nd ed. (Grand Rapids: Eerdmans, 2010).

102

Richard Carrier, Not the Impossible Faith: Why Christianity Didn’t Need a Miracle to Succeed (n.p.: Lulu Press, 2009), 34; курсив Карриера.

103

См. John Collins «Daniel, Book of», Anchor Bible Dictionary, ed. *David Noel Freedman* (New York: Doubleday, 1992), 2:29–37.

104

Louis Hartman, *The Book of Daniel: A New Translation with Introduction and Commentary,* Anchor Bible (New Haven, CT: Yale University Press, 1978), 251.

105

Hartman, *Book of Daniel,* 252.

106

См. Bart Ehrman, *Misquoting Jesus: The Story Behind Who Changed the Bible and Why* (San Francisco: Harper San Francisco, 2005).

107

См. Bart Ehrman, Forged: Writing in the Name of God: Why the Bible 's Authors Are Not Who We Think They Are (San Francisco: HarperOne, 2010).

108

Как отметил мой студент Стивен Карлсон, разница состоит в том, что «дневники Гитлера» никто не станет использовать в качестве источника информации. Однако в последнем случае у нас есть множество других источников, в том числе использованных Куяу для изготовления подделки. И даже если бы мы не располагали этими источниками, мы могли бы их воссоздать по тексту Куяу. В таком случае получилась бы ситуация, аналогичная исследованию Евангелий: способность реконструировать более ранние исторические документы. Впрочем, основная моя мысль состоит в том, что важно не столько имя автора книги (подлинное или вымышленное), сколько содержание.

109

Согласно Евангелию от Луки, Мария и Иосиф вернулись в Назарет, когда закончили необходимые обряды очищения. Имеется в виду закон из Книги Левит (гл. 12):после рождения сына женщина должна тридцать три дня очищаться, а затем принести жертву Господу.

110

См. Bart Ehrman, Jesus, Interrupted, глава 2.

111

См. Bart Ehrman, Jesus, Interrupted, 29–39.

112

Robert M. Price, The Christ-Myth Theory and Its Problems (Cranford, NJ: American Atheist Press, 2011); The Incredible Shrinking Son of Man: How Reliable Is the Gospel Tradition? (Amherst, NY: Prometheus Books, 2003).

113

Albert Schweitzer, The Quest of the Historical Jesus, ed. John Bowden (1906; repr.; Minneapolis: Fortress Press, 2001), главы 22 и 23.

114

Frank Zindler «Where Jesus Never Walked», Through Atheist Eyes, vol. 1 (Cranford, NJ: American Atheist Press, 2011), 27–55. Я не хочу сказать, что у Зиндлера вообще отсутствуют аргументы. Он дает следующее обоснование: в Мк 1:9 перед именем «Иисус» отсутствует артикль в отличие от более 80 случаев у Мк, когда оно идет с артиклем, — соответственно, отрывок написан не марковским стилем. Следует, однако, заметить следующее.

(a) У Мк есть еще два места, где при имени «Иисус» нет артикля.

(б) Если единственная проблема со стихом состоит в отсутствии артикля, проще всего предположить случайный пропуск его переписчиком. К Назарету это не имеет никакого отношения.

(в) Ничто в рукописях Мк не подтверждает теорию вставки. Именно по этой причине ни один серьезный исследователь текстуальной традиции Мк не считает стих 1:9 поздней интерполяцией.

115

George A. Wells, Did Jesus Exist? 2nd ed. (Amherst, NY: Prometheus Books, 1986), 146.

116

René Salm, The Myth of Nazareth (Cranford, NJ: American Atheist Press, 2008).

117

Salm, The Myth of Nazareth, xii.

118

Это мне объяснила Джоди Магнесс, коллега по Университету Северной Каролины и одна из ведущих в мире специалистов по археологии Палестины римского периода.

119

Stephen J. Pfann, Ross Voss, & Yehudah Rapuano «Surveys and Excavations at the Nazareth Village Farm (1997–2002): Final Report», Bulletin of the Anglo-Israel Archaeological Society 25 (2007), 16–79.

120

René Salm «A Response to 'Surveys and Excavations at the Nazareth Village Farm (1997–2002): Final Report», Bulletin of the Anglo-Israel Archaeological Society 26 (2008), 95—103. Ответы были убедительны и отчасти основывались на общении с Александр: Stephen J. Pfann & Yehudah Rapuano «On the Nazareth Village Farm Report: A Reply to Salm», Bulletin of the Anglo-Israel Archaeological Society 26 (2008), 105–108; Ken Dark «Nazareth Village Farm: A Reply to Salm», Bulletin of the Anglo-Israel Archaeological Society 26 (2008), 109–111.

121

[1] Pfann & Yehudah Rapuano «Nazareth Village Farm Report», 108.

122

Pfann & Yehudah Rapuano «Nazareth Village Farm Report», 108.

123

Ken Dark «Review of Salm, Myth of Nazareth», Bulletin of the Anglo-Israel Archaeological Society 26 (2008), 145.

124

Price, Christ-Myth Theory, 34.

125

Thomas L. Thompson, The Messiah Myth: The Near Eastern Roots of Jesus and David (New York: Basic Books, 2005).

126

Хороший сокращенный английский перевод этого текста см. в: David Cartlidge & David Dungan, Documents for the Study of the Gospels (Minneapolis: Fortress Press, 1994). [Русский перевод см. в: Флавий Филострат, Жизнь Аполлония Тианского (пер. Е.Г. Рабинович; Москва: Наука, 1985). — Прим. пер.]

127

Kersey Graves, The World's Sixteen Crucified Saviors: Christianity Before Christ (1875; repr., New York: Cosimo Classics, 2007), 29.

128

Graves, Sixteen Crucified Saviors, 30–31.

129

Frank Zindler «How Jesus Got a Life», Through Atheist Eyes: Scenes from a World That Won't Reason (Cranford, NJ: American Atheist Press, 2011), 1:57–80.

130

Среди интересных и подлинно научных работ по митраизму можно назвать: Roger Beck, The Religion of the Mithras Cult in the Roman Empire: Mysteries of the Unconquered Sun (New York: Oxford University Press, 2007); David Ulansey, The Origins of the Mithraic Mysteries: Cosmology and Salvation in the Ancient World (New York: Oxford University Press, 1991). В последней работе есть некоторые рискованные гипотезы, но она чрезвычайно увлекательна.

131

Существует много научной литературы по мистериальным культам. Доступное введение, написанное известным специалистом, см. в: Hugh Bowden, Mystery Cults of the Ancient World (Princeton: Princeton Univ. Press, 2010).

132

Price, Christ-Myth Theory, 44–46.

133

Относительно Керси Грейвса см. предыдущую главу. Относительно современных теорий см. Robert Price, Christ-Myth Theory, 16. Как именно умирающий и воскресающий бог превратился в исторического Иисуса, разные мифологисты представляют себе по-разному. См. примеры в популярных книжках: Tom Harpur, The Pagan Christ (New York: Walker & Co., 2004); Timothy Freke & Peter Gandy, The Jesus Mysteries: Was the «Original Jesus» a Pagan God? (New York: Three Rivers Press, 1999).

134

См., например, дискуссию в: Jonathan Z. Smith, Drudgery Divine: On the Comparison of Early Christianities and the Religions of Late Antiquity (Chicago: University of Chicago Press, 1990), глава 4.

135

Tryggve N. D. Mettinger, The Riddle of the Resurrection: «Dying and Rising Gods» in the Ancient Near East (Stockholm: Almquist & Wiksell International, 2001), 217.

136

Mettinger, The Riddle of the Resurrection, 219.

137

Mettinger, The Riddle of the Resurrection, 221.

138

Jonathan Z. Smith «Dying and Rising Gods», Encyclopedia of Religion, 2nd ed. Lindsay Jones (Detroit: Macmillan, 2005), 4:2535–2540.

139

J. Z. Smith «Dying and Rising Gods», 2535.

140

J. Z. Smith «Dying and Rising Gods», 2538.

141

Mark S. Smith «The Death of 'Dying and Rising Gods» in the Biblical World: An Update, with Special Reference to Baal in the Baal Cycle», Scandinavian Journal of the Old Testament 12 (1998), 257–313.

142

M. S. Smith «The Death of ‘Dying and Rising Gods», 288.

143

Самая известная работа: Ralph Martin, A Hymn of Christ: Philippians 2:5-11 in Recent Interpretation and in the Setting of Early Christian Worship (Downers Grove, IL: Inter-Varsity Press, 1997). См. также сборник полезных статей: Ralph Martin & Brian Dodd, eds., Where Christology Began: Essays on Philippians 2 (Louisville, KY: Westminster John Knox Press, 1998).

144

К числу немногих ученых, занимающих вторую точку зрения, принадлежит Гордон Фи: Gordon Fee, Paul’s Letter to the Philippians, New International Commentary on the Bible (Grand Rapids, MI: Eerdmans, 1995).

145

Представление о богатстве экзегетических возможностей можно составить по следующему комментарию: John Reumann, Philippians: A New Translation with Introduction and Commentary, Yale Anchor Bible (New Haven, CT: Yale Univ. Press, 2008), 338–383.

146

Краткое изложение этой точки зрения см. в статье: James D. G. Dunn «Christ, Adam, and Preexistence», in Where Christology Began, ed. Martin & Dodd, 74–83.

147

См. Alan Segal, Two Powers in Heaven: Early Rabbinic Reports About Christianity and Gnosticism (Leiden: Brill, 1977).

148

См. выше главу 4, раздел «Речи в Деяниях Апостолов».

149

Не считая, конечно, более поздних христианских текстов. Впрочем, некоторые считают, что это воззрение отражено и в гимне из Послания к Филиппийцам. Здесь важно понимать, что христология развивалась в разных христианских общинах разными темпами. Одни общины уже начали называть Иисуса Богом, а другие еще нет. Но вектор, который мы находим в Евангелиях (от Марка к Иоанну), характерен для ситуации по всему христианскому миру. Сначала христиане думали, что Иисус стал Сыном Божиим после воскресения (см. речи в Деяниях Апостолов), затем отнесли это событие к крещению, затем — к рождению, а в конце концов, решили, что это имело место еще до рождения.

150

Wells, The Historical Evidence for Jesus.

151

Archibald Robertson, Jesus: Myth or History? (London: Watts & Co., 1946), 95.

152

Не входит в иудейский канон Библии, но относится к числу апокрифов.

153

Wells, Did Jesus Exist? 39.

154

См. подробнее: Bart Ehrman, Forged: Writing in the Name of God: Why the Bible ’s Authors Are Not Who We Think They Are (San Francisco: Harper One, 2011).

155

Wells, Did Jesus Exist? 97.

156

Wells, Did Jesus Exist? 18.

157

Wells, The Historical Evidence for Jesus, 33.

158

Doherty, Jesus: Neither God nor Man, 97.

159

См., например, Earl Doherty, Jesus Puzzle: Did Christianity Begin with a Mythical Christ? (Ottawa, ON: Age of Reason Publications, 1999), 5.

160

Doherty, Jesus Puzzle, 98.

161

Doherty, Jesus: Neither God nor Man, 101.

162

Wells, Did Jesus Exist? 101; «Is There Independent Confirmation of What the Gospels Say of Jesus?», Free Inquiry 31 (2011), 23. По мнению Уэллса, Марк первым соединил представление о земном учителе и чудотворце Иисусе с рассказом о Страстях.

163

Doherty, Jesus: Neither God nor Man, xi.

164

См. D. Moody Smith, John Among the Gospels, 2nd ed. (Columbia: University of South Carolina Press, 2001).

165

См. Robert Kysar, John the Maverick Gospel, 3rd ed. (Louisville, KY: Westminster John Knox Press, 2007).

166

См. выше главу 3, раздел «Арамейское происхождение (некоторых) устных преданий».

167

Единственный факт, который нам о них известен: они не были арамеоязычными крестьянами. Между тем ученики Иисуса — это именно арамеоязычные крестьяне.

168

См. подробнее Bart Ehrman, Jesus: Apocalyptic Prophet of the New Millennium (New York: Oxford University Press, 1999), глава 2, особенно примечание 1.

169

Одним из более ранних сторонников этой теории был Иоаганн Вайс. См. английский перевод его работы: Johannes Weiss, Jesus' Proclamation of the Kingdom of God (1892; repr., Chico, CA: Scholars Press, 1995).

170

Об иудаизме времен Иисуса см. подробнее E. P. Sanders, Judaism: Practice and Belief, 63 BCE — 66 CE (Philadelphia: Trinity Press International, 1992).

171

Будем помнить: ученые не вкладывают в слово «язычники» уничижительный смысл. Просто так называются люди, которые придерживались политеистических религиозных верований (и тем самым не исповедовали иудаизм или христианство).

172

Еврейское слово «Тора» означает «наставление», «учение». В Пятикнижие Моисеево входят книги Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие. Это первые пять книг Еврейской Библии.

173

Согласно Иосифу Флавию, фарисеев было около 6000 человек (крупнейшая из групп), ессеев — около 4000 человек, а саддукеев — намного меньше. Сопоставим это с общей численностью тогдашнего еврейского населения (возможно, около четырех миллионов человек).

174

О ессеях и кумранских текстах см. далее James Vanderkam, The Dead Sea Scrolls Today, 2nd ed. (Grand Rapids: Eerdmans, 2010).

175

См. подробнее мою книгу: Bart Ehrman, Jesus: Apocalyptic Prophet. Обширную информацию о древней еврейской и христианской апокалиптической мысли можно найти в издании: John Collins, ed., Encyclopedia of Apocalypticism: The Origins of Apocalypticism in Judaism and Christianity, vol. 1 (New York: Continuum, 1998).

176

Книга Даниила была написана последней из всех книг Ветхого Завета (видимо, около 165 г. до н. э.).

177

До возникновения апокалиптизма евреи не считали дьявола главным врагом Бога. В еврейских Писаниях вообще не упоминается о таком враге. Зато в апокалиптической мысли эта концепция играла важную роль.

178

О галльской войне Юлий Цезарь написал книги, которые до нас дошли. Такое чудесное событие, как воскрешение мертвого, и само по себе сомнительно, а тут о нем еще говорит намного более поздний и весьма предубежденный источник.

179

Критерий по множеству свидетельств здесь работает, хотя и в ограниченной степени — о событии сообщают лишь два источника, — но эти два источника (Матфей и Лука) противоречат друг другу в описании.

180

См. Jonathan Reed, Archaeology and the Galilean Jesus: A Re-Examination of the Evidence (Harrisburg, PA: Trinity Press International, 2000).

181

Фарисеи придерживались апокалиптического учения о воскресении мертвых (в отличие от саддукеев): см., например, Деян 23:6–8.

182

В некоторых разделах последующей дискуссии я активно использовал более подробный анализ, который я проделал в: Bart Ehrman, Jesus: Apocalyptic Prophet of the New Millenium (Oxford: Oxford University Press, 1999), главы 8-10.

183

Этот отрывок удовлетворяет критерию по несходству.

184

См. Ehrman, Jesus: Apocalyptic Prophet, 193–197.

185

Мы имеем в виду историков, когда они высказываются как историки, а не как верующие.

186

На мой взгляд, Иисус сказал именно «возненавидит», а не «возлюбит более» (как в Мф 10:37): вариант у Матфея представляет собой попытку христиан, шокированных жесткостью речения, смягчить формулировку.

187

Цит. по пер. М.К. Трофимовой. — Прим. пер.

188

Независимо засвидетельствовано в Мк 3:31–34 и Евангелии от Фомы 99.

189

Цит. по пер. М.К. Трофимовой. — Прим. пер.

190

Наиболее убедительные доводы в пользу этой гипотезы привел Эд Сандерс: E. P. Sanders, Jesus and Judaism (Philadelphia: Fortress Press, 1985), 71–76.

191

См. Bart Ehrman, The Lost Gospel of Judas Iscariot: A New Look at Betrayer and Betrayed (Oxford: Oxford University Press, 2006), 166–169.

192

См. Ehrman, Lost Gospel of Judas, глава 10.